

**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»**

ГЕОПОЛИТИКА И ЭКОГЕОДИНАМИКА РЕГИОНОВ

Научный журнал

Том 4 (14) Выпуск 2

2018

**Симферополь
2018**

ISSN 2309-7663

Журнал основан в 2005 году.

*Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-61822 от 18.05.2015 г.*

***Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(протокол № 2 от 07.06.2018 г.)***

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – д. геогр. наук, профессор ВОРОНИН И. Н.
Заместитель главного редактора – д. геогр. наук, профессор ВАХРУШЕВ Б. А.
Ответственный редактор – к. геогр. наук СИКАЧ К. Ю.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

д. экон. наук, профессор **БАШТА А. И.**; к. полит. наук **БЕДРИЦКИЙ А. В.**;
д. геогр. наук, профессор **БОКОВ В. А.**; д. техн. наук, профессор
БОЛЬШАКОВ Б. Е.; к. геогр. наук **Р. В. ГОРБУНОВ**; д. экон. наук, доцент
ИБРАГИМОВ Э. Э.; д. биол. наук, профессор **ИВАНОВ С. П.**; д. биол. наук,
профессор **ИВАШОВ А. В.**; д. геогр. наук, доцент **ИВЛИЕВА О. В.**; д. полит. наук
ИЛЬИН М. В.; д. биол. наук, профессор **ЛИТВИНСКАЯ С. А.**; д. геогр. наук,
профессор **ПЛОХИХ Р. В.**; д. геогр. наук, профессор **ПОЗАЧЕНЮК Е. А.**;
д. геогр. наук, профессор **РЕТЕЮМ А. Ю.**; д. геогр. наук, профессор
ХОЛОПЦЕВ А. В.; д. эконом. наук, профессор **ЦЕХЛА С. Ю.**; д. геогр. наук,
профессор **ЯКОВЕНКО И. М.**

Подписано в печать 07.06.2018. Формат 60×84/8.

Усл. п. л. 16,5. Заказ № НП/194. Тираж 50 экз. Свободная цена.

Дата выхода в свет 03.09.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://geopolitika.cfuv.ru>

РАЗДЕЛ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ

УДК 327.2

А. В. Баранов

Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией

ФГАОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
факультет управления и психологии
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Аннотация. Автор определил показатели геополитических изменений в Черноморском регионе (2014–2018 гг.). Раскрыта степень контроля над приморской территорией, транспортными и энергетическими осями со стороны конкурирующих акторов – НАТО и Российской Федерации. Выявлена противоречивость геополитики Турции и Болгарии в условиях нарастающей конфронтации. Установлены изменения форм и методов геополитической экспансии НАТО в Причерноморье. Освещены меры России по обеспечению национальных интересов в Причерноморье.

Ключевые слова: геополитика, баланс сил, изменения, Причерноморье, Россия, Крым, воссоединение.

Введение

Тема статьи актуальна, её значение возрастает в условиях конфронтации Запада с Российской Федерацией. Причерноморье является для России одним из ключевых сегментов Южного стратегического направления, обеспечивающих национальную безопасность. С точки зрения геополитики Причерноморье для России – это gateway region, сравнительно компактные «ворота» в Средиземное море, а через него – в Мировой океан. В Черноморском регионе конкурируют интересы как мировых акторов политики (США, ЕС, РФ и КНР), так и региональных акторов (Турции, Украины и др.). Причерноморье в зависимости от хода конкуренции стратегий геополитики может играть как роль «ворот» России во внешний мир, так и «коридора» для агрессии НАТО против нашей страны. Геополитическая конкуренция России и НАТО в Причерноморье резко возросла с началом Украинского кризиса. В условиях Сирийского конфликта Причерноморье и Восточное Средиземноморье всё чаще воспринимается как единый международный регион. Новый этап геополитического соперничества начался в 2016 г., с принятием решений НАТО об активизации постоянного присутствия в Черноморском регионе. Но столь актуальная тема ещё не отражена в работах профессиональных географов и политологов, оставаясь в основном уделом публицистов.

Цель статьи – выявить изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией (2014 – весна 2018 гг.).

Источниковая основа исследования включает в себя политико-географические карты Черноморского региона, заявления глав государств и дипломатических ведомств, статистические данные о численности, этнической и конфессиональной структуре населения, а также статистику военных расходов стран НАТО. Перечисленная совокупность источников достаточна для решения задач работы.

Основное внимание в научной литературе уделяется геополитической конкуренции Российской Федерации и НАТО в Черноморском регионе (А. А. Язькова [1], Н. С. Белякова [2], С. А. Забелин [3], А. Гаврила [4]). Роль Украины в геополитических процессах оценивается как подчиненная (В. И. Мироненко) [5]. Характеризуется значение балканских стран, государств Закавказья. Военный аспект позиционирования акторов геополитики в Чёрном море раскрывают С. П. Горбачёв [6], И. Деланоз, Д. Пуминов, М. Гурова и др. [7]. Недостаточное внимание уделяется новейшим стратегиям участников геополитического соперничества в регионе. Среди немногих исследований аспекта отметим статью В. В. Скоробогатова и А. О. Кривцова [8]. Значение энергетической дипломатии России и её конкурентов для баланса сил в Причерноморье раскрывает А. Д. Хайтун [9]. Итак, степень изученности темы по направлениям неравномерна, мало внимания уделяется взаимосвязи внутренней и внешней политики государств Причерноморья.

Материалы и методы

Применена неореалистическая парадигма международных исследований, что дало возможность выявить интересы и ресурсную базу акторов политики, раскрыть их структуру политических возможностей. Проведен сравнительный политический анализ позиционирования участников межгосударственных отношений в регионе. Предпринято сравнение направленности развития политических взаимодействий России, НАТО, ЕС, Турции, Украины и балканских стран (кросс-темпоральный и типологический анализ). Применён парный сравнительный анализ. Он позволил установить синхронные и диахронные сходства и различия позиционирования стран Причерноморья в международных отношениях. Региональная парадигма полезна для выявления территориально-политических параметров избранного ареала. Применена категория «key point» (ключевой пункт в трактовке С. Б. Коэна) [10], раскрывающая геополитическое значение Крыма в Черноморском регионе. Географический подход позволил установить пространственные особенности региона: его периферийность в Европе, многоступенчатую систему «ворот – преград» на выходе из Чёрного моря в Мировой океан (проливы Босфор и Дарданеллы, Гибралтар, Суэцкий канал, Баб-эль-Мандебский пролив).

Результаты и обсуждение

Геополитические процессы в Черноморском регионе проявляются на взаимосвязанных уровнях пространства: международном, трансграничном и внутригосударственном. В условиях глобализации региональные (внутригосударственные) и локальные процессы легко поддаются интернационализации.

Евроатлантическая интеграция Украины создала принципиально новый уровень рисков и угроз национальной безопасности России в Черноморском регионе. США и Европейский Союз проводят целенаправленную экономическую, политическую и культурную экспансию в Черноморском регионе. Румыния и Болгария стали членами НАТО и ЕС. Военные базы США созданы в Грузии, по нарастающей проводятся военные учения и обучение военнослужащих

причерноморских стран по стандартам НАТО.

Свержение В. Ф. Януковича 21 февраля 2014 г. и насильственный захват власти в Киеве националистами – логичный итог «евромайданных» акций – создали растущую угрозу ввода в Крым военных сил НАТО, что лишило бы Российскую Федерацию базы Черноморского флота и привело бы к военной угрозе для РФ. Массовый народный митинг 23 февраля 2014 г. низложил украинскую власть в г. Севастополе, аналогичные события назревали в Симферополе и Керчи. В кризисной ситуации Россия сделала всё, чтобы не допустить вторжения НАТО и киевского режима на полуостров. Эскадра Черноморского флота РФ 25 февраля доставила в Крым дополнительные воинские контингенты [11]. По договорам 1997 и 2010 гг. Россия имела право содержать на полуострове до 25 тыс. солдат и офицеров. На деле контингент составлял 16 тыс. [12], то есть лимит не нарушен. Утром 27 февраля 2014 г. подразделения Вооруженных Сил РФ и отряды крымской самообороны заняли здание Верховного Совета Автономной Республики Крым, предотвратив эскалацию конфликта. Российские подразделения и отряды крымской самообороны взяли под контроль ключевые объекты в республике. Назначенный Верховным Советом АРК новый председатель Совета министров республики С. В. Аксёнов 28 февраля обратился к Президенту России с просьбой об оказании содействия в обеспечении мира и спокойствия на территории полуострова.

Подразделения украинских вооруженных сил в Крыму (25 тыс. чел.) были блокированы и через три недели согласились на вывод с полуострова почти без сопротивления [13]. Большая часть кораблей и личного состава военно-морских сил Украины в Крыму, как и командующий ВМС Украины Д. В. Березовский, перешла на сторону Крыма [14].

Успех воссоединения Крыма обеспечен благодаря массовой поддержке крымского сообщества, что подтвердили итоги референдума 16 марта 2014 г. о статусе Республики Крым и г. Севастополя.

Большинство стран мира под давлением США и Евросоюза не признали воссоединение Крыма с Россией. Иного ожидать и не следовало. В новых условиях международных санкций ключевым стал вопрос о гарантиях суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, о поддержании её самостоятельной геополитической и цивилизационной роли в мире.

Глобальные акторы международных отношений (НАТО, США, ЕС) активно влияют на развитие политических процессов в Черноморском регионе, а глобализация делает необходимым анализ проявлений и последствий внешней политики стран на внутригосударственном уровне. Крым является стратегически важным для обеспечения национальной безопасности России на Южном направлении. Для нашего государства Крым даёт возможность влияния на Балканы, Турцию, Ближний Восток, выстраивания «внешнего пояса безопасности». Страны НАТО, напротив, стремятся изолировать Россию и уменьшить её влияние, разжигая насильственные конфликты по периметру границ. Активность НАТО в Причерноморье является частным проявлением «тактики анаконды» по уменьшению ареала российского контроля, а затем – по поэтапному нанесению поражения РФ с её окончательным расчленением [15]. Регион не имеет единых институтов и процедур поддержания безопасности, а конкуренция

прибрежных и внерегиональных государств развивается по сценарию «конфликта с нулевой суммой».

Перечисленные направления активности предназначены, как минимум, чтобы предотвратить создание самостоятельного от Запада евразийского экономического, а затем – и политического блока во главе с Российской Федерацией, сдержать экономическое проникновение Китая в Европу по черноморскому маршруту «возрождённого шёлкового пути». Как максимум, поставлена цель – сформировать рядом с российскими юго-западными границами ареал «управляемого хаоса» на территории Украины, опираясь на который предпринимаются попытки дестабилизировать и расчленить саму Россию.

Джордж Фридман, директор экспертно-аналитической компании «Стратфор», аффилированной с ЦРУ США, напрямую указывает в своей статье на необходимость для США расценивать Ближневосточный (иракско-сирийский) и Украинский кризисы как единую систему, единый театр военных действий. Он пишет: «Оба кризиса нужно рассматривать неотрывно друг от друга, их стоит рассматривать в качестве единого театра: Черноморского». Дж. Фридман делает выводы о необходимости единого стратегического планирования действий США в «Большом Черноморском бассейне», для чего необходима наступательная политика на Южном Кавказе для сдерживания России [16].

В условиях воссоединения Крыма с Россией блок НАТО стремится восстановить своё военное и политическое преобладание в Черноморском регионе под предлогом противодействия РФ. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг в начале 2016 г. призвал к наращиванию военного присутствия блока в Черноморском регионе. Европейское командование Вооружённых сил США (EUCOM) в обновленной военной стратегии на ближайшие 3–5 лет назвало главным приоритетом «сдерживание российской агрессии». Для этого принято решение разместить в Румынии две структуры НАТО – «Центр для интеграции сил Альянса» и Штаб многонациональной дивизии «Юг – Восток», которые координируют военное командование в Румынии и Болгарии [17].

Как известно, конвенция Монтрё 1936 г. ограничивает пребывание в акватории Чёрного моря в мирное время кораблей военно-морских сил (ВМС) государств, не имеющих выхода к данному морю, 21 сутками. Ограничения установлены также по водоизмещению военных кораблей таких государств, одновременно находящихся в Чёрном море [18]. Ключевую роль в этом вопросе играет Турция, контролирующая единственный водный путь из Чёрного моря в Мраморное и далее, в Средиземное – проливы Босфор и Дарданеллы.

С началом Украинского кризиса (ноябрь 2013 г.) флотилии НАТО и отдельных стран блока непрерывно находятся в Чёрном море, нарушая конвенцию Монтрё под предлогом военных манёвров. Также США стремятся создать в причерноморских странах, не состоящих в НАТО, свои постоянные военные базы, что будет означать аннуляцию конвенции Монтрё. Например, в июне 2016 г. была начата операция «Атлантическая решимость». Вскоре проведены многонациональные военные учения «Си бриз–2016» с целью противодействия сепаратизму и высадке морских десантов вероятного противника. В учениях использовались аэропорты Одессы, Николаева и Херсона, устье Дуная. В 2017 г. проведены военные манёвры «Морской щит – 2017», «Сабер Гвардиан – 2017» (в Болгарии, Румынии и Венгрии), «Благородный партнер – 2017» (в Грузии),

«Быстрый трезубец – 2017» (на Украине). Данные меры призваны не только тревожить Россию, а отработать механизмы быстрой переброски военных сил НАТО в случае военных конфликтов и (или) дестабилизации стран региона, обеспечить «глубокое доминирование» НАТО. 11 октября 2017 г. Парламентская ассамблея НАТО приняла резолюцию по безопасности и стабильности Чёрного моря, предполагающую проведение военных учений в Грузии с участием тяжёлых вооружений. 12 октября 2017 г. бывший главнокомандующий силами НАТО в Европе, адмирал в отставке Дж. Ставридис заявил, что НАТО должна относиться к Чёрному морю как к стратегической зоне, поддерживая там своё влияние в мирное время; следует усилить сотрудничество НАТО с Турцией и вне рамок НАТО (с Украиной, Молдовой, странами Южного Кавказа); активизировать западные инвестиции в страны Причерноморья [19].

Второе направление экспансии НАТО в регионе – это создание Черноморской эскадры НАТО с участием флотов прибрежных стран (Турции, Болгарии и Румынии). Сама идея была высказана президентом Румынии К. Йоханнисом и полностью одобрена на Варшавском саммите НАТО 8–9 июля 2016 г. [20]. Эта задача означает модернизацию ВМС и ВВС, создание инфраструктуры и логистики, тренировку персонала по стандартам НАТО. Вероятно также предоставление со стороны США, Великобритании, Германии, Франции и других ключевых стран НАТО военных кораблей для усиления флотов причерноморских стран. Планируется переброска на Дунай флотилий малого и среднего тоннажа, которые могут использоваться не только странами блока, но и Украиной, и Грузией, например посредством лизинга или в порядке безвозмездной военной помощи. Такие флотилии могут использоваться для проведения «москитных» диверсионных операций в Керченском проливе и Азовском море. Развивается также двустороннее сотрудничество по линии Украина – Турция (16 мая 2016 г. подписан план военного сотрудничества). Судя по заявлениям украинских политических и военных должностных лиц, ВМС страны войдут в Черноморскую эскадру НАТО с участием США, Германии, Италии, Турции и Грузии. Таким образом, Украина и Грузия делают реальные весомые шаги по вступлению в НАТО, что не может не вызвать ответных защитных мер России.

В-третьих, проводится создание не только в Болгарии и Румынии, но и на Украине (Очаков, Одесса, Николаевская область) и в Грузии постоянных военных баз НАТО, учебно-тренировочных центров, инфраструктуры управления вооружёнными силами. 6 июня 2016 г. Верховная Рада Украины одобрила стратегию перестройки армии и военно-промышленного комплекса по стандартам НАТО. Только учебный центр в Яворове (Западная Украина) получил американское оборудование на сумму 22 млн долл., а НАТО потратило 40 млн евро на системы командования войсками, киберзащиту и медицинскую реабилитацию военнослужащих Украины [21]. Также летом 2017 г. началось строительство Центра оперативного управления ВМС Украины под Очаковом (Николаевская область), которое ведёт батальон морской пехоты США. Украинскому командованию центра будут приданы американские консультанты. Близлежащие полигоны «Широкий лан», «Олешковские пески» и «Тузловские лиманы» будут использоваться не только для проведения военных учений, но и как база для бронекатеров. Обратим внимание, что НАТО положительно оценивает опыт создания многонациональной бригады «ЛитПолУкр» со штабом в Польше. Бригада

войдёт в систему сил быстрого реагирования НАТО [22]. Это ещё один механизм втягивания Украины в Североатлантический альянс, чреватый интернационализацией гражданской войны в Донбассе и её распространением на другие части Украины.

В октябре 2017 г. Парламентская ассамблея НАТО приняла решение о развёртывании многонациональных сил Альянса в Румынии и Болгарии (штаб в г. Крайова). Соответствующую инициативу (“Tailored Forward Presence”) высказали органы власти самих Румынии и Болгарии. Предполагается участие 10 государств с общим контингентом 3–4 тыс. солдат и офицеров. В частности, ВВС Великобритании и Канады будут патрулировать воздушное пространство Румынии, а итальянские ВВС – пространство Болгарии [23]. НАТО создаёт на Южном стратегическом направлении России непосредственную и растущую угрозу, втягивая ранее внеблоковые страны в альянс и продвигая военные ресурсы всё ближе к государственным границам России. Последнее решение США о поставках летальных вооружений Украине резко повышает вероятность эскалации насильственного конфликта не только в Донбассе, но и провокаций на всей российско-украинской границе.

НАТО и Европейский союз действуют в отношении Черноморского региона согласованно. Ещё в июне 2014 г. тогдашний министр обороны США Ч. Хэйгел потребовал от стран-участниц НАТО увеличить свои военные расходы до 2 % ВВП. Лидерами по выполнению требований являются Румыния и Болгария. Осенью 2014 г. на саммите в Уэльсе страны ЕС полностью одобрили эту инициативу. Происходит согласованное наращивание вооружённых сил стран Причерноморья. По данным В. Деланоз, в 2015 г. вооружённые силы Турции составили 612,8 тыс. чел., Румынии – 151,3 тыс., Болгарии – 47,3 тыс. чел. Сверх этого, резервисты Турции насчитывали 378,7 тыс. чел., Болгарии – 303,0 тыс. чел., Румынии – 45,0 тыс. чел. [7]. Интересам Евросоюза, как и США, соответствует лишение России статуса преобладающего поставщика энергоресурсов в ЕС, диверсификация трасс и распределительных узлов нефте- и газопроводов из Евразии в Европу. В данном русле ЕС развивает проект «Черноморская синергия», финансирует строительство Балканского газового хаба и новых портов, шоссе и железнодородных путей на Балканах. Цель вытеснения РФ с европейского энергетического рынка преследует и проект «Южный газовый коридор» в обход России (по поставкам ресурсов Туркмении, Казахстана и Азербайджана в ЕС). Интересам ЕС не соответствует и роль Турции как монопольного транзитёра российских энергоресурсов в проекте «Турецкий поток».

Противоречивость позиционирования проявляет Турция после подавления попытки государственного переворота в июле 2016 г. В прагматических интересах упрочения авторитарного, умеренно-исламистского режима Турция идёт на тактическое сближение с Россией, делает заявления о возможности ограничения участия в НАТО и нахождения военных баз и логистики альянса на своей территории. Турция возобновила взаимодействие с Россией по строительству газопровода, ограничила сотрудничество с НАТО. Контакты возобновлены по линии религиозных организаций. Делегация Духовного управления мусульман Крыма и Севастополя приняла в октябре 2016 г. участие в форуме Евразийского исламского совета «Ислам в Евразии: перспективы развития, единение и взаимодействие в противодействии течениям, использующим религию во зло»

(г. Стамбул) [22]. В ноябре 2016 г. турецкие спецслужбы арестовали 80 участников запрещенной в РФ экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия» и террористической группировки «Исламское государство» [24]. В октябре 2017 г. в Сочи подписаны российско-турецко-иранские соглашения о партнёрстве в Сирии и на Ближнем Востоке. Но председатель Великого национального собрания Турции И. Кахраман на заседании Парламентской ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества 5 июля 2017 г. заявил, что его страна поддерживает территориальную целостность и суверенитет Украины. Турция, по его словам, «будет продолжать поднимать вопрос Крыма в международной повестке дня и не даст никому его замолчать» [25]. Турция продолжает участвовать в военно-морских и сухопутных учениях НАТО. Коренного пересмотра турецкой политики не произошло, поскольку Анкара руководствуется своими долгосрочными интересами.

Второстепенные участники геополитических отношений в регионе – Румыния, Болгария, Молдова, Грузия – прочно втянуты в орбиту тяготения НАТО и могут допускать только тактические разногласия со старшими партнёрами. Так, Болгария, Румыния и другие балканские страны под давлением ЕС отказались от участия в сооружении газопровода «Южный поток» через свою территорию. Даже победа на президентских выборах в Болгарии Р. Радева не привела к сокращению участия страны в военных учениях НАТО на её территории. В июне 2017 г. Р. Радев поддержал вступление Боснии и Герцеговины, как и других стран Западных Балкан, в НАТО и Евросоюз [26]. Более радикально выражает общую линию НАТО вице-премьер и министр обороны Болгарии К. Каракачанов: «Российская политика никогда не была справедливой по отношению к Болгарии и болгарской истории» [27]. У президента Болгарии «связаны руки» в возможностях налаживания диалога с Российской Федерацией. В Молдове не исключена «цветная революция» накануне или во время осенних выборов 2018 г., чтобы поставить у власти в этой стратегически важной стране прозападное и прорумынское правительство.

Чтобы отразить экспансию НАТО в Причерноморье, интенсивно развивается российская военная группировка. По заявлению начальника Генерального штаба Вооружённых Сил РФ В.В. Герасимова от 7 ноября 2017 г., в Крыму создана полноценная межвидовая группировка сил, сбалансированная по родам войск и своим возможностям. В неё вошли: военно-морская база, армейский корпус, дивизия ПВО, дивизия ВВС. Черноморский флот РФ получил в 2015 г. 15 боевых кораблей, а в 2016 г. – ещё 6 атомных подводных лодок, 2 фрегата – «Адмирал Эссен» и «Адмирал Григорович», была проведена модернизация ракетного крейсера «Маршал Устинов». В Крыму размещены оперативно-стратегические бомбардировщики Ту-22М3 с дальностью полёта, позволяющей охватить весь Европейский континент, и ракетные комплексы «Искандер-М», имеющие радиус действия 500 км [28]. Они способны нести высокоточное и ядерное оружие. Также в Крыму воссоздаётся дивизионный шахтный береговой ракетный комплекс «Утёс», который надёжно защитит побережье от возможной агрессии. Установлены крылатые ракеты морского базирования «Калибр» и береговой ракетный комплекс «Бастион» [29].

Для России возможность размещения ядерного оружия на ЧФ – это вынужденная и асимметричная ответная мера. США готовы использовать вблизи границ РФ в акватории Черного моря ударные беспилотники, которые подпадают

под определение крылатых ракет наземного базирования. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров подчеркнул 15 декабря 2014 г.: «Термин “безъядерная зона” никогда к Крыму не применялся... Государство российское имеет в соответствии с международным правом все основания распоряжаться своим легитимным ядерным арсеналом в соответствии со своими интересами и в соответствии со своими международно-правовыми обязательствами» [30].

Кроме военного направления обеспечения безопасности, Российская Федерация активно развивает дипломатические отношения со странами региона: Турцией, Молдовой, Болгарией, Грецией, Арменией. Достаточно успешно развивается и энергодипломатия России в отношении Турции, Греции и славянских стран Балканского полуострова. Подавление террористической активности в Сирии, в том числе, обеспечивается постоянным нахождением в Восточном Средиземноморье эскадры Черноморского флота РФ, созданием военно-морской базы в Тартусе (Сирия) и временных стоянок российских кораблей в ряде стран региона. Следует учитывать как положительный фактор и создание базы ВМФ Китая в Джибути, на выходе из Красного моря в Индийский океан.

Выводы

В 2014 – начале 2018 гг. проявились следующие новые тенденции геополитического соперничества в Черноморском регионе:

- конструирование в политико-аналитической литературе и документах внешнеполитического планирования сторон конфликта восприятия региона как единого, а конфликтов в Крыму, Турции, Сирии и Ираке – как взаимосвязанного комплекса, требующего военного и дипломатического реагирования;
- стремление стран НАТО, прежде всего США, обеспечить своё постоянное военное и военно-морское присутствие в Чёрном море, игнорируя конвенцию Монтрё;
- создание Черноморской эскадры НАТО с участием стран региона (Турции, Болгарии, Румынии);
- отработка на частых военных учениях навыков быстрой переброски сил НАТО в любую «горячую точку» Причерноморья;
- создание не только в Болгарии и Румынии, но и на Украине (Очаков, Одесса, Николаевская область) и в Грузии постоянных военных баз НАТО, учебно-тренировочных центров, инфраструктуры управления вооружёнными силами;
- модернизация вооружённых сил причерноморских стран НАТО, а также Украины и Грузии.

Новый этап позиционирования Турции в регионе наступил после подавления путча 2016 г. Турция возобновила взаимодействие с Россией по строительству газопровода, ограничила сотрудничество с НАТО. Но кардинального пересмотра турецкой политики не произошло. Турция проводит в отношении России непоследовательный курс, в том числе – на крымском направлении. Это связано со степенью прочности режима Р. Т. Эрдогана и решением стратегических задач в иных сегментах геополитического ареала: в Сирии, на Кавказе и Балканах. Турция как ключевая, наряду с РФ, страна Причерноморья, сохраняет многовекторность дипломатии и политики безопасности. Одновременно с заключением российско-турецко-иранского соглашения по вопросам Сирийского кризиса, Анкара

сохраняет участие в военных манёврах НАТО, признаёт территориальную целостность Украины в границах 2013 г., поддерживает запрещённый в РФ Меджлис крымскотатарского народа. Турция намерена стать монопольной страной – транзитером энергоресурсов РФ на европейском рынке. Данные аспекты должны учитываться в политике Российской Федерации.

России полезно вести прагматический курс, обеспечивая безопасность своего сегмента Причерноморья. Для России приоритетны аспекты политики: наращивание военного потенциала и боеготовности Черноморского флота; обеспечение беспрепятственного прохода Черноморского флота РФ через Босфор и Дарданеллы, равно как и ограничение допуска эксрегиональных ВМС в Чёрное море в соответствии с конвенцией Монтрё; предотвращение участия стран Причерноморья в возможных военных и террористических провокациях на российско-украинской границе.

РФ целесообразно расценивать Причерноморье и Восточное Средиземноморье как единый международный регион. Оправданно создана группировка войск в российском Крыму, позволяющая дать эффективный отпор вероятным противникам и обеспечить безопасность всего контура государственных границ на данном направлении, успешно решать задачи разгрома террористов в Сирии.

Литература

1. Язькова А. А. Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). М.: Ин-т Европы РАН, 2016. С. 7–18.
2. Белякова Н. С. Новые реалии архитектуры Черноморского региона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-sovremennykh-obshchestvennykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodn/sektsiya-11-politicheskie-problemy-mezhdunarodnykh-otnosheniy-globalnogo-i-regionalnogo-razvitiya-sp/novye-realii-arkhitektury-chernomorskogo-regiona/>.
3. Забелин С. А. Политика ЕС в отношении постсоветских стран Причерноморья // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). М.: Ин-т Европы РАН, 2016. С. 44–53.
4. Гаврила А. Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2017. Т. 9, № 1, часть 2. С. 44–47.
5. Мироненко В. И. Северное Причерноморье – Россия, Украина, Молдова // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). М.: Ин-т Европы РАН, 2016. С. 19–25.
6. Горбачёв С. П. Чёрное море: рифы и фарватеры военной безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2016/05/22/chernoe-more-rify-i-farvatery-voennoj-bezopasnosti-40380.html>

7. Деланоэ И., Пуминов Д., Гурова М. и др. Ридер РМСД. Соотношение вооружённых сил в Черноморском регионе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/blackseamilitary>
8. Скоробогатов В. В., Кривцов А. О. Значение Причерноморского региона в современных геополитических процессах // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны. Сб. науч. статей. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2016. С. 247–252.
9. Хайтун А. Д. Энергетические проблемы Большого Причерноморья // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). М.: Ин-т Европы РАН, 2016. С. 87–95.
10. Cohen S. B. Geopolitics: the geography of international relations / S. B. Cohen. 3rd ed. Lanham; Boulder; N.Y.; London: Rowman & Littlefield, 2015. 470 p.
11. Гундлах А. В Севастополь эскадра Черноморского флота Российской Федерации доставила 11 тысяч десантников [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://15minut.org/article/v-sevastopol-dostavili-11-tysjach-rossijskih-desantnikov-istochnik-2014-02-25-1>
12. Нерсисян Л. ВС Украины будут сметены при попытке силового захвата Крыма – военный эксперт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1773159.html
13. Темиргалиев Р. В Крыму больше нет украинских воинских частей [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1781859.html
14. Командующий флота Украины присягнул на верность народу Крыма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1773266.html
15. Комлева Н. А. Украинский кризис – элемент «тактики анаконды» // Обозреватель–Observer, 2014. № 7. С. 5–21.
16. Украина, Ирак и Черноморская стратегия – Stratfor [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/57882-ukraina-irak-i-chernomorskaya-strategiya-stratfor.html>
17. Проблемы безопасности Крыма и Причерноморья в свете отношений между Россией и НАТО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.4pera.ru/news/analytics/problemu_bezopasnosti_kryma_i_prichernomorya_v_sвете_otnosheniy_mezhdu_rossiei_i_nato/
18. Конвенция о режиме проливов 20 июля 1936 г., Монтрё (Швейцария) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lawrussia.ru/texts/legal_456/doc456a303x620.htm
19. Черноморские аппетиты России Крымом не ограничиваются, – Bloomberg. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-10-11/crimea-isn-t-the-end-of-russia-s-black-sea-ambitions>
20. Матвеев В. И. США вновь положили глаз на Черноморский регион и реформируют ВС Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://v-matveev.org/ssha-vnov-polozhili-glaz-na-chernomorskij-region-i-reformiruyut-vs-ukrainy/>

21. Эдуард Шапоревич: Черноморское побережье Украины – перспективный плацдарм НАТО [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novorosinform.org/opinions/2279>
22. Форум Евразийского исламского совета, в котором участвует крымская делегация, открылся в Стамбуле [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.c-inform.info/news/id/44221>
23. НАТО размещает новую бригаду в Румынии для сдерживания России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/reuters-russia-nato/4062900.html>
24. В Турции задержаны исламисты из Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.freetavrida.org/?p=5941#more-5941>
25. В Турции намерены помочь Украине вернуть «аннексированный Россией» Крым [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2017/07/06/v-turcii-namereny-pomoch-ukraine-vernut-anneksirovanny-rossiey-krym.html>
26. Болгария поддерживает перспективу членства Боснии и Герцеговины в ЕС и НАТО – президент [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.blackseanews.net/read/131214>
27. Политика России никогда не была справедливой по отношению к Болгарии – министр обороны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.blackseanews.net/read/130603>
28. Баранец В. Как Крым стал непотопляемым авианосцем России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26754/3784259/>
29. Згировская Е. Внезапный стратегический сигнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/army/2016/02/08/8063315.shtml>
30. Россия может разместить в Крыму ядерное оружие, – Лавров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusvesna.su/news/1418659501>

Baranov A. V.

Changes in the geopolitical balance of forces in the Black Sea area in the context of the reunification of the Crimea with Russia

Kuban state University, Faculty of management and psychology, Krasnodar, Russian Federation
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract. *The author defined the indicators of geopolitical changes in the Black Sea region (2014–2018). The degree of control over coastal territory, transport and energy axes by competing actors – NATO and the Russian Federation is revealed. The contradictory nature of the geopolitics of Turkey and Bulgaria is revealed in the face of growing confrontation. The changes in the forms and methods of NATO's geopolitical expansion in the Black Sea region have been established. The measures of Russia to ensure national interests in the Black Sea region are covered.*

Keywords: geopolitics, balance of power, changes, the Black Sea region, Russia, Crimea, reunion.

References

1. Yaz'kova A. A. Bol'shoi Chernomorskij region: problemy i perspektivy razvitiya [The Great Black Sea Region: Problems and Prospects of Development] Bol'shoe Prichernomor'e: protivorechiya i strategicheskie resheniya dlya Rossii (Doklady Instituta Evropy. No 324) [The Great Black Sea Region: Contradictions and Strategic Solutions for Russia (Reports of the Institute of Europe, No. 324)]. Moscow: Institute of Europe RAS, 2016, pp. 7-18. (in Russian).
2. Belyakova N. S. Novye realii arkhitektury Chernomorskogo regiona [New realities of the architecture of the Black Sea region] [Electronic resource]. URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-sovremennykh-obshchestvennykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodn/sektsiya-11-politicheskie-problemy-mezhdunarodnykh-otnosheniy-globalnogo-i-regionalnogo-razvitiya-sp/novye-realii-arkhitektury-chernomorskogo-regiona/> (accessed 25.12.2017). (in Russian)
3. Zabelin S. A. Politika ES v otnoshenii postsovetskihstran Prichernomor'ya [The EU policy towards post-Soviet countries of the Black Sea region] Bol'shoe Prichernomor'e: protivorechiya i strategicheskie resheniya dlya Rossii (Doklady Instituta Evropy. No 324) [The Great Black Sea Region: Contradictions and Strategic Solutions for Russia (Reports of the Institute of Europe, No. 324)]. Moscow: Institute of Europe RAS, 2016, pp. 44-53. (in Russian).
4. Gavril A. Rol' Chernomorskogo regiona v regional'nom i global'nom kontekste [The Role of the Black Sea Region in the Regional and Global Context] Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and Socio-Educational Thought]. Krasnodar, 2017, Vol. 9, No 1, part 2, pp. 44-47. (in Russian).
5. Mironenko V. I. Severnoe Prichernomor'e: Rossiya, Ukraina, Moldova [Northern Black Sea Coast – Russia, Ukraine, Moldova] Bol'shoe Prichernomor'e: protivorechiya i strategicheskie resheniya dlya Rossii (Doklady Instituta Evropy. No 324) [Big Black Sea Region: Contradictions and Strategic Solutions for Russia (Reports of the Institute of Europe, No. 324)]. Moscow: Institute of Europe RAS, 2016, pp. 19-25. (in Russian).
6. Gorbachev S. P. Chernoe more: rify i farvatery voennoj bezopasnosti [Black Sea: reefs and fairways of military security] [Electronic resource]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2016/05/22/chernoe-more-rify-i-farvatery-voennoj-bezopasnosti-40380.html> (accessed 16.07.2017). (in Russian).
7. Delanoe I., Puminov D., Gurova M. i dr. Rider RMSD. Sootnoshenie vooruzhennyh sil v Chernomorskom regione [Reader of the RMDC. Ratio of the armed forces in the Black Sea region] [Electronic resource]. URL: <http://russiancouncil.ru/blackseamilitary> (accessed 26.09.2017). (in Russian).
8. Skorobogatov V. V., Krivtsov A. O. Znachenie Prichernomorskogo regiona v sovremennyh geopoliticheskikh processah [The importance of the Black Sea region in modern geopolitical processes] Prichernomor'e v voinah i diplomatii Rossijskogo gosudarstva: k 75-letiyu nachala Velikoj Otechestvennoi voyny. Sb. nauch. statej [Black Sea Region in the wars and diplomacy of the Russian state: to the 75th

- anniversary of the beginning of the Great Patriotic War. Collection of scientific articles]. Krasnodar: Kuban State Univ. Press, 2016, pp. 247-252. (in Russian).
9. Haitun A. D. Energeticheskie problemy Bol'shogo Prichernomor'ya [Energy problems of the Great Black Sea Region] Bol'shoe Prichernomor'e: protivorechiya i strategicheskie resheniya dlya Rossii (Doklady Instituta Evropy. No 324) [The Big Black Sea Region: Contradictions and Strategic Solutions for Russia (Reports of the Institute of Europe, No. 324)] Moscow: Institute of Europe RAS, 2016, pp. 87-95. (in Russian).
 10. Cohen S. B. Geopolitics: the geography of international relations. 3rd ed. Lanham; Boulder; N.Y.; London: Rowman & Littlefield, 2015. 470 p. (in English).
 11. Gundlah A. V Sevastopol' eskadra Chernomorskogo flota Rossiiskoj Federacii dostavila 11 tysyach desantnikov [In Sevastopol, a squadron of the Black Sea Fleet of the Russian Federation delivered 11,000 paratroopers] [Electronic resource]. URL: <http://15minut.org/article/v-sevastopol-dostavili-11-tysyach-rossijskih-desantnikov-istochnik-2014-02-25-1> (accessed 06.03.2014). (in Russian).
 12. Nersisyan L. VS Ukrainy budut smetyeny pri popytke silovogo zahvata Kryma – voennyj ekspert [The Armed Forces of Ukraine will be swept away when an attempt is made to seize the Crimea by force – a military expert] [Electronic resource]. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1773159.html (accessed 09.10.2017). (in Russian).
 13. Temirgaliev R. V Krymu bol'she net ukrainskih voinskih chastej [There are no more Ukrainian military units in the Crimea] [Electronic resource]. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1781859.html (accessed 02.04.2014). (in Russian).
 14. Komanduyushij flota Ukrainy prisnyagnul na vernost' narodu Kryma [The Commander of the Ukrainian Navy swore allegiance to the people of the Crimea] [Electronic resource]. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1773266.html (accessed 16.03.2014). (in Russian).
 15. Komleva N. A. Ukrainskij krizis – element «taktiki anakondy» [The Ukrainian crisis is an element of “anaconda tactics”] Obozrevatel' – Observer [The observer]. Moscow, 2014, No 7, p. 5-21. (in Russian).
 16. Ukraina, Irak i Chernomorskaya strategiya Stratfor [Ukraine, Iraq and the Black Sea Strategy – Stratfor] [Electronic resource]. URL: <https://topwar.ru/57882-ukraina-irak-i-chernomorskaya-strategiya-stratfor.html> (accessed 22.03.2016). (in Russian).
 17. Problemy bezopasnosti Kryma i Prichernomor'ya v svete otnoshenii mezhdu Rossiej i NATO [The problems of the security of the Crimea and the Black Sea region in the light of relations between Russia and NATO] [Electronic resource]. URL: http://www.4pera.ru/news/analytics/problemy_bezopasnosti_kryma_i_prichernomor_ya_v_sвете_otnosheniy_mezhdu_rossiey_i_nato/ (accessed 08.10.2017). (in Russian).
 18. Konvenciya o rezhime prolivov 20 iyulya 1936 g., Montre (Shvejcarsiya) [Convention on the Regime of the Straits on 20 July 1936, Montreux (Switzerland)] [Electronic resource]. URL: http://lawrussia.ru/texts/legal_456/doc456a303x620.htm (accessed 26.09.2017). (in Russian).
 19. Chernomorskie appetity Rossii Krymom ne ogranichivayutsya, – Bloomberg [The Black Sea appetites of Russia in Crimea are not limited, – Bloomberg] [Electronic

- resource]. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-10-11/crimea-isn-t-the-end-of-russia-s-black-sea-ambitions> (accessed 20.11.2017). (in Russian).
20. Matveev V. I. SShA vnov' polozhili glaz na Chernomorskij region i reformiruyut VS Ukrainy [The United States once again laid eyes on the Black Sea region and reformed the Ukrainian Armed Forces] [Electronic resource]. URL: <http://v-matveev.org/ssha-vnov-polozhili-glaz-na-chernomorskij-region-i-reformiruyut-vs-ukrainy/> (accessed 29.09.2017). (in Russian).
 21. Eduard Shaporevich: Chernomorskoe poberezh'e Ukrainy – perspektivnyj placdarm NATO [Eduard Shaporevich: The Black Sea coast of Ukraine is a promising bridgehead for NATO] [Electronic resource]. URL: <https://www.novorosinform.org/opinions/2279> (accessed 26.11.2017). (in Russian).
 22. Forum Evrazijskogo islamskogo soveta, v kotorom uchastvuet krymskaya delegaciya, otkrylsya v Stambule [The Forum of the Eurasian Islamic Council, in which the Crimean delegation participates, was opened in Istanbul] [Electronic resource]. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/44221> (accessed 20.11.2017). (in Russian).
 23. NATO razmeshayet novuyu brigadu v Rumynii dlya sderzhivaniya Rossii [NATO is deploying a new brigade in Romania to contain Russia] [Electronic resource]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/reuters-russia-nato/4062900.html> (accessed 29.09.2017). (in Russian).
 24. V Turcii zaderzhany islamisty iz Kryma [Islamists from Crimea were detained in Turkey] [Electronic resource]. URL: <http://www.freetavrida.org/?p=5941#more-5941> (accessed 26.12.2017). (in Russian).
 25. V Turcii namereny pomoch' Ukraine vernut' «anneksirovannyi Rossiej» Krym [In Turkey they intend to help Ukraine to return Crimea “annexed by Russia”] [Electronic resource]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/07/06/v-turcii-namereny-pomoch-ukraine-vernut-anneksirovanny-rossiej-krym.html> (accessed 16.07.2017). (in Russian).
 26. Bolgariya podderzhivaet perspektivu chlenstva Bosnii i Gercegoviny v ES i NATO – prezident [Bulgaria supports the prospect of Bosnia and Herzegovina's membership in the EU and NATO] [Electronic resource]. URL: <http://www.blackseanews.net/read/131214> (accessed 26.12.2017). (in Russian).
 27. Politika Rossii nikogda ne byla spravedlivoi po otnosheniyu k Bolgarii – ministr oborony [Russia's policy has never been fair in relation to Bulgaria – the Minister of Defense] [Electronic resource]. URL: <http://www.blackseanews.net/read/130603> (accessed 09.10.2017). (in Russian).
 28. Baranets V. Kak Krym stal nepotoplyaemym avianostsem Rossii [How Crimea became an unsinkable aircraft carrier of Russia] [Electronic resource]. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26754/3784259/> (accessed 25.12.2017). (in Russian).
 29. Zgirovskaya E. Vnezapnyj strategicheskii signal [Sudden strategic signal] [Electronic resource]. URL: <http://www.gazeta.ru/army/2016/02/08/8063315.shtml> (accessed 16.07.2017). (in Russian).
 30. Rossiya mozhet razmestit' v Krymu yadernoe oruzhie, Lavrov [Russia can place nuclear weapons in the Crimea, – Lavrov] [Electronic resource]. URL: <http://rusvesna.su/news/1418659501> (accessed 08.01.2015). (in Russian).

Поступила в редакцию 20.05.2018 г.

УДК 911.3
А. Б. Швец

Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Таврическая академия
(структурное подразделение), г. Симферополь
e-mail: *fusion10@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема геополитической стабильности в Причерноморском регионе. Отмечены изменения геополитического значения Причерноморского региона. Геополитическая стабильность представлена как анализ взаимоотношений причерноморских стран. В Причерноморском регионе доминируют две страны – Россия и Турция. У этих стран разные стратегии геополитического влияния. Российская стратегия предполагает распространение влияния на юг и запад по направлению к Индии, Ирану, балканским странам. Турецкая стратегия предполагает сохранение доминирования в Причерноморье. Это доминирование направлено против России и США. Рассмотрено значение фактора воссоединения Крыма с Россией в осуществлении российской и турецкой стратегий взаимного сдерживания. Определена тематика географических исследований проблем Причерноморья в условиях сложных взаимоотношений России и западного мира.

Ключевые слова: геополитика, Причерноморье, геополитическая стратегия, Крым.

Введение

Современное Причерноморье – это один из многочисленных пространственных фрагментов Евразии, имеющий важное значение для мировой геополитической ситуации и реализации приоритетов национальной безопасности российского государства.

В геополитическом смысле Причерноморье представляет типичную кольцевую структуру, которая объединяет страны, расположенные на берегах Чёрного и связанного с ним Азовского морей, не только единством географического положения, но и теми проблемами, что возникают в результате взаимодействия в этом регионе различных цивилизационных комплексов. В настоящее время в Причерноморье интегрированы экономические, политические и стратегические интересы глобальных геополитических игроков, таких как США, Западная Европа и прибрежные государства. Запасы энергоносителей, транзитно-логистические возможности Причерноморья превращают этот регион в объект притязаний и контроля со стороны различных геополитических акторов.

Геополитические изменения, которые произошли в 1990-х годах, – развал Советского Союза, исчезновение биполярного мира и системы государств, поддерживавших бывший СССР в Центральной и Юго-Восточной Европе, возвращение России в число мировых геополитических акторов, воссоединение Крыма с территорией Российской Федерации – усилили геополитическое значение Причерноморья. Вопрос стабильности в Причерноморье приобрёл глобальное значение, поскольку потеря геополитической стабильности в этом регионе способна повлиять на ситуацию международной безопасности в Европе и на

Ближнем Востоке.

С учетом изложенного выше *цель работы* – выявление факторов, способных нарушить геополитическую стабильность в Причерноморском регионе, для корректировки представлений о перспективах его развития.

Наиболее широко в отечественной общественной географии и геополитике проблематика Причерноморья изучена В. А. Дергачёвым [1; 2; 3]. Этот автор выделяет Причерноморье как своеобразный геополитический регион, влияющий в широком контексте на формирование мировых социокультурных рубежей войны и мира. Проблеме трансформации современных социокультурных рубежей Причерноморья посвящена работа крымских географов А. Б. Швец и И. Н. Воронина [4]. Обоснование особой роли Крыма в изощрённой «малой игре» западных держав в регионе Причерноморья проведено в работе С. Н. Киселева [5]. Геоэкономические аспекты использования приморских территорий Причерноморских стран и регионов изучаются в трудах А. Г. Дружинина [6; 7] и Д. А. Вольхина [8].

Междисциплинарный характер проблем Причерноморья объединяет усилия специалистов по их изучению из разных научных областей. Особенно плодотворно содружество политологов и социологов. Работы по политологическому изучению проблематики Причерноморья представлены достаточно широко и в монографическом, и в прикладном, связанном с различными конференциями и «круглыми столами», плане. Геополитический аспект проблематики Причерноморья рассмотрен в докладах Института Европы РАН «Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России» (Москва, 2016 г.) [9]. Геополитический сегмент Причерноморья и его значение для национальной безопасности современной России рассмотрен в диссертационной работе А. С. Ротова [10]. Историко-политологический аспект взаимоотношений Причерноморских государств в контексте их евразийской общности анализируется Н. А. Нарочницкой [11], крымский взгляд на проблематику Причерноморской стабильности представлен А. В. Ишиным [12].

Материалы и методы

Методом сравнения стратегий поведения различных геополитических акторов в Причерноморье нами была проведена группировка факторов, способных нарушить геополитическую стабильность в этом регионе. Совокупность упомянутых факторов позволяет выяснить роль отдельных стран в потенциальном изменении геополитической стабильности в Причерноморье.

Под *геополитической стабильностью* мы понимаем такой характер взаимоотношений между странами, который не изменяет баланс их исторически сложившихся в регионе политических, экономических и военных интересов.

Все факторы, создающие потенциальную угрозу геополитической стабильности в Причерноморье, классифицированы нами как *сохраняющие паритет* соседских взаимоотношений или *нарушающие паритетность* взаимоотношений.

В состав Причерноморья нами включены территории тех государств, которые имеют прибрежную зону в акватории Чёрного моря: Абхазия, Болгария, Грузия, Российская Федерация, Румыния, Турция, Украина. Эти территории объединяет не

только прибрежное положение, но и задача поддержания безопасности в регионе и соблюдения режима черноморских проливов. Страны Причерноморья (за исключением Турции) имеют общее прошлое: они принадлежат к постсоветскому пространству. В настоящее время они либо ассоциированы, либо устремлены к ассоциации в экономические и военно-политические организации, защищающие в регионе ценности западной цивилизации. Исключение составляют Российская Федерация и частично признанная Республика Абхазия.

В работах по геополитике существует понятие Большого Причерноморья, состав которого был согласован в 2005 году на встрече Черноморской комиссии по конфликтам (BSCC) в Вене [13]. В него включаются расположенные вокруг Чёрного моря страны Западных и Восточных Балкан, Украина, Молдова, Россия, Турция, страны Закавказья, объединённые в рамках Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). С этой группировкой стран у Российской Федерации накопилось множество нерешённых проблем, связанных с разностью геополитических позиций, что привело к сокращению её контактов с ОЧЭС. Понимание состава стран Причерноморья позволяет классифицировать факторы, способные нарушить геополитическую стабильность в этом регионе.

Ключевыми прибрежными государствами Причерноморья являются Россия и Турция. Это наиболее заселённые территории, располагающие крупными военноморскими силами, имеющие серьёзные амбиции в отношении доминирования в Причерноморье и принадлежащие к различным социокультурным системам христианства и ислама. Учитывая особую роль этих государств в Причерноморском регионе, мы фокусировали все факторы, способные нарушить геополитическую стабильность в Причерноморье, на систему взаимоотношений России и Турции с циркумпонтийскими государствами.

На протяжении веков отношения России и Турции с Причерноморскими странами были областью соперничества и раздела сфер влияния. Современность мало изменила этот характер геополитического взаимодействия обеих стран с прибрежными соседями.

Одной из причин сохранения соперничества России и Турции является неофициальная внешняя политика российского государства, выстраиваемая на идеологических основах неоевразийства как доктрины восстановления целостности постсоветского пространства на основе новой славяно-тюркской интеграции. Евразийская доктрина плохо согласуется с представлениями о мироустройстве в Турции. Турецкое государство неофициально исповедует геополитические взгляды «неоосманизма», предполагающего расширение сферы влияния Турции на сопредельные территории посредством «мягкой силы» за счёт экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа [14]. Эта доктрина направлена на формирование тюркского мира. Составным компонентом доктрины «неоосманизма» является концепция «турецкого евразийства», одним из авторов которой был крымскотатарский мыслитель Исмаил Гаспринский, указывавший на необходимость консолидации всех тюркских и славянских народов России.

Результаты и обсуждение

В настоящее время у России в Причерноморской кольцевой региональной структуре государств нет геополитических союзников [4]. Все государства Причерноморья в той или иной степени находятся под цивилизационным влиянием западных стран, являясь либо членами ЕС и НАТО, либо стремясь к членству в этих организациях.

Морская акватория Причерноморья создаёт пространственный плацдарм для осуществления *российской стратегии движения на юг*, к таким ключевым странам Евразийского континента, как Иран и Индия.

Исламская Республика Иран, подобно Российской Федерации, осуществляет в настоящее время исторически важный этап – возвращение в большую политику после тридцатилетнего нахождения под международными санкциями [15]. Это страна с высоким уровнем образованности населения (85 % всего населения имеют образование, в том числе 97 % составляет молодежь до 30 лет), это четвёртая в мире страна по нефтяным запасам и вторая – по газовым [16]. Политический союз России с Ираном – это вариант усиления российской стратегии противостояния мировой гегемонии США.

Республика Индия – это уникальный пример преобразования экономики колониального типа в современную, основанную на лидирующих позициях в области программирования и информационного обеспечения. Индия имеет не только один из крупнейших в мире человеческий, но и научный потенциал, сопоставимый с самыми развитыми странами мира. Статус ядерной державы усиливает геополитическое влияние Индии не только в Южной, но и в Юго-Западной и Юго-Восточной Азии. В последние годы США прилагают активные усилия по включению Индии в зону своего геополитического влияния и используют эту страну в качестве антикитайского плацдарма.

Учитывая изложенные выше особенности стран южного стратегического вектора современной российской геополитической доктрины в Причерноморье, проблема сохранения геополитической стабильности на ирано-индийском направлении представляется крайне важной для российского государства.

В сохранении геополитической стабильности на южном векторе российской геостратегии в Причерноморье особую роль призван сыграть *«фактор Крыма»*.

Геостратегическое положение Крымского полуострова как территории, выдвинутой на несколько сотен километров в акваторию Чёрного моря, способствует осуществлению меридиональной экспансии России в южном направлении посредством размещения здесь своих военно-морских сил и баз. Вхождение Крымского полуострова в состав Российской Федерации окончательно изменило ситуацию с проблемой базирования Черноморского флота. Из заложника сложных межгосударственных отношений между Россией и Украиной флот превратился в фактор стабилизации геополитической ситуации в Причерноморье. Подтверждение этому находим в Основах государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года [17]. В этом документе зафиксирована одна из стратегических целей военно-морского флота России: недопущение силового давления и агрессии в отношении Российской Федерации и её союзников с океанских и морских направлений. Реализации этой цели будет способствовать возвращение Севастополю

исторического статуса военно-морской базы российского флота на Чёрном море. Наличие такой базы увеличивает российское присутствие на черноморских международных коммуникациях, позволяет расширить использование черноморского шельфа и гарантирует защиту прохода российских судов через черноморские проливы.

Крымский фактор позволяет Российской Федерации усилить геополитическую активность не только на южном, но и на западном (широтном) направлении своего геополитического присутствия в Причерноморье. Это направление называют балканским, поскольку именно здесь формируется ось взаимодействия России со странами Балканского полуострова, имеющая столетнюю историю обширных связей. О важности *балканского сектора геополитической стратегии России*, особенно после присоединения к ней Крыма, свидетельствует включение в Концепцию внешней политики России (2016 г.) обновлённого постановления правительства России по черноморской проблематике в апреле 2017 года [18].

Балканское направление российской геостратегии в Причерноморье особенно важно в настоящее время, поскольку западный сектор прибрежных государств Чёрного моря превратился в рубеж непосредственного соприкосновения сферы геополитических интересов России и стран НАТО.

Три страны Причерноморского региона – Румыния, Болгария и Турция – являются членами НАТО. В настоящее время эти государства стремятся создать регулярный объединённый военно-морской флот, который будет сдерживать Черноморский флот России, что в перспективе грозит морскими инцидентами и разрастанием очагов конфликтности в Причерноморье. Учитывая тот факт, что идею создания единого морского соединения из кораблей Германии, Италии, Турции, США и других натовских стран поддержала Украина, высока вероятность того, что протяжённость рубежа нестабильности на морских границах России увеличится в десятки раз.

Инициатором создания объединённого флота НАТО в Причерноморье выступила Румыния. В 2006 г. Румыния как страна – член НАТО дала согласие на создание на черноморском побережье американских военно-морских баз. В настоящее время на территории этой страны существуют три военные базы США. На одной из них близ Констанцы размещается штаб-квартира восточноевропейской оперативной группы Пентагона, что обостряет румыно-российские отношения [19]. В 2016 году на территории бывшей советской военной базы Девеселу (уезд Олт) введен в строй американский комплекс противоракетной обороны «Aegis Ashore». Базу Девеселу, на которой размещен мощный радар, противоракеты и средства связи, планируется подключить к системе противоракетной обороны НАТО. Президент России В. В. Путин выступил со специальным заявлением по поводу открытия противоракетного комплекса в Девеселу: «Мы вынуждены будем сейчас соответствующим образом отреагировать. И если вчера еще были части территории Румынии, которые не знали, что такое быть под прицелом... сегодня придется нам произвести определенные действия, которые будут обеспечивать нашу безопасность» [20].

Расширение сферы морского влияния НАТО в Причерноморье частично не поддержано Болгарией. Эта страна отказалась от присоединения к флотилии НАТО в Чёрном море, однако дала согласие на размещение военных баз альянса на своей

территории. В настоящее время на военной базе в Безмере оборудован обширный полигон для учебных стрельб сил Евroatлантического Альянса.

Следовательно, западный вектор российской геостратегии в Причерноморье, в отличие от южного, имеет сдерживающий характер. Смысл этого сдерживания заключается в противодействии попыткам нарушения геополитической стабильности в регионе со стороны США и его военной организации НАТО. Западные эксперты в разных источниках описывали суть современного российского сдерживания в Причерноморье как процесс создания неприступной зоны воспреещения и блокирования доступа (A2/AD) с эпицентром на Крымском полуострове. Концепция A2/AD (англ. *anti-access and area denial* – ограничение и воспреещение доступа и манёвра) – современный способ обороны территории комплексом морских, сухопутных и воздушных вооружений, способных в совокупности создать «защитные зоны», так называемые «пузыри», в которых противник не может находиться и передвигаться без риска неприемлемого ущерба. Создаваемые в российском Крыму система противовоздушной обороны наземного базирования, противокорабельные комплексы, авиация, а также радиолокационные средства раннего обнаружения, являющиеся составными частями стратегии A2/AD, формируют для Черноморского флота уникальные по дальности оборонительные и наступательные возможности, а также существенно ограничивают аналогичные возможности Турции – ключевой страны НАТО в Причерноморье.

Турция выполняет в Причерноморье миссию регулятора межгосударственных морских контактов. Эта роль предназначена ей географией. Имея в составе своей территории природные выходы из Чёрного и Мраморного морей в виде проливов Босфор и Дарданеллы, Турция, согласно Конвенции Монтрё 1936 года, осуществляет контроль за прохождением морских судов по проливам. В соответствии со статьей 21 данной Конвенции закрыть проход для военных судов Турция может только в случае угрозы военной опасности или нахождения в состоянии войны с государством, которому принадлежат данные корабли. Кроме того, стране необходимо получить согласие ООН по вопросу закрытия проливов. Торговые суда в мирное время могут беспрепятственно проходить через проливы, и даже, если Турция находится в состоянии войны, она обязана пропускать гражданские суда дружественных и нейтральных стран.

«Фактор проливов» крайне актуален для современного Причерноморья. Он может осложнить геополитическую ситуацию и в то же время создать прецедент её регулирования.

Проливы, контролируемые Турцией, – важнейший логистический узел, через который в настоящее время происходит снабжение российской воинской группировки в Сирии. Маршрут военных грузов в Сирию через черноморские проливы кратчайший и занимает четыре дня перехода. Если использовать пролив Гибралтар, то этот маршрут удлинится до 13 дней из Санкт-Петербурга и 14 с половиной дней при отправлении груза из порта Мурманск. Это логистическое преимущество может стать для Турции и регулятором отношений с Россией, и серьёзным источником конфронтации с ней в случае перекрытия прохода через проливы.

После окончания Второй мировой войны Турция неоднократно стремилась усилить свой контроль над проливами и активно занималась разработкой стратегии

«платформ проецирования военной силы». Эта стратегия была направлена на защиту территории страны и нейтрализацию угроз интересам Турции в периферийных морях. Для реализации стратегии важно было установить контроль над Черным морем не только в противовес России, но и США, которые в последнее десятилетие активизировали своё присутствие в Черноморской акватории. В отношении США и других стран НАТО, не имеющих выхода к побережью Черного моря, положительную роль играет Конвенция Монтрё, согласно которой военные корабли нечерноморских стран могут находиться в его акватории не более 21 дня. Если в Причерноморье будет создана объединённая группировка военно-морских сил стран НАТО, то указанные сроки фактически будут устранены за счёт постоянной ротации американских и европейских кораблей.

Современные взаимоотношения Турции и России противоречивы. У этих стран разные направления геостратегической активности и разные партнеры её осуществления. Вместе с тем российско-турецкие геополитические отношения объединяет взаимное желание не допустить реализацию намерений США расширить сферу деятельности НАТО в Чёрном море, представляемую американцами как стратегию борьбы с терроризмом и международной преступностью. Американская стратегия расширения присутствия в Чёрном море разрушит институты безопасности, созданные в регионе по инициативе Турции ещё в 2001 году. Речь идёт о Рабочей Группе по Военно-морскому сотрудничеству в Черном море (BlackSeaFor), членами которой являются все прибрежные государства (исключение составляет Абхазия как частично признанное государство) и Черноморская гармония (Black Sea Harmony), инициированная Турцией для борьбы с терроризмом.

Выводы

Современное Причерноморье в последнее десятилетие превратилось в арену столкновения геополитических интересов и стратегий не только отдельных причерноморских стран, но и внерегиональных государств и военных блоков.

Ключевыми странами Причерноморья, имеющими собственную геополитическую стратегию и реально влияющими на геополитическую стабильность в регионе, остаются Россия и Турция.

Факторами сохранения геополитической стабильности в регионе Причерноморья являются геостратегические приоритеты России и Турции. Российский геостратегический приоритет сохраняет южный и западный векторы в качестве доминирующих. Центральное место в сохранении этих векторов геополитической активности России отведено Крыму как территориальному плацдарму продвижения сферы российского влияния в Черном море. Турецкая стратегия геополитической активности основана на стремлении сохранить контроль над Черным морем и проливами в противовес усилению военно-морской мощи России и расширению американского присутствия в регионе.

Задачей географического изучения Причерноморья должен стать спектр геополитических последствий воссоединения Крыма с Российской Федерацией и нового содержания взаимоотношений причерноморских государств в условиях ухудшения взаимодействия России с коллективным Западом.

Литература

1. Дергачев В. А. Раскалённые рубежи. Одесса: Астропринт, 1998. 104 с.
2. Дергачёв В. А. Геополитическая трансформация Украинского Причерноморья [Электронный ресурс]. Научные труды в семи книгах. Кн. 7. 2008. Режим доступа: <http://dergachev.ru/book-17/01.html>.
3. Дергачёв В. А., Вардомский Л. Б. Черноморье // Регионоведение. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 446–460.
4. Швец А. Б., Воронин И. Н. Проблема трансформации социокультурных рубежей в Причерноморском секторе Евразии // «Геополитические процессы в современном Евразийском пространстве»: сборник работ международной научной конференции, Баня Лука, Республика Сербская, 31 мая – 3 июня 2017 г. Баня Лука, 2017. С. 317–331.
5. Киселёв С. Н. «Малая игра» и проблемы безопасности в Причерноморье // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 68–78.
6. Дружинин А. Г. «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014. № 2 (9). С. 3–14
7. Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели / под ред. А. Г. Дружинина – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 236 с.
8. Вольхин Д. А. «Приморский фактор» социально-экономической и демографической динамики Крыма // Социально-экономическая география. Вестник АРГО, 2016. № 5. С. 154–164.
9. Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России / [под ред. А. А. Языковой]. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. 98 с. (Доклады Института Европы / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук; № 324).
10. Ротов А. С. Геополитический сегмент Причерноморья и его значение в формировании политики национальной безопасности современной России: дисс... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2007, 138 с.
11. Ишин А. В. О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 1. С. 38–46.
12. Нарочницкая Н. А. Ключ к Евразии на дне Чёрного моря [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/eurasiakey.htm>.
13. Языкова А. А. Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М., Ин-т Европы РАН, 2016. С. 7–19.
14. Аватков В. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции [Электронный ресурс] // Свободная мысль. 2018. № 2. Режим доступа: <http://svom.info/entry/458-neoosmanizm/>.
15. Ахмад Хаж Али. Возвращение Ирана в Большую политику [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://katehon.com/ru/article/vozvrashchenie-irana-v-bolshuyu-politiku>.

16. Геополитика Ирана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://katehon.com/ru/article/geopolitika-irana>.
17. Об утверждении «Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года»: указ Президента Российской Федерации от 20 июля 2017 г. № 327 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/42117/page/1>.
18. Об участии Российской Федерации в Организации Черноморского экономического сотрудничества: постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2017 г. № 422 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://govemment.ru/docs/all/111088>.
19. Гаврила А. Черноморский регион во внешней политике Румынии (1989–2016 гг.): дисс... канд. истор. наук: 07.00.15 – История международ. отношений и внешней политики / Гаврила Андрэа. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. 256 с.
20. Медведев Е. Мрачное будущее Чёрного моря [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/dipkurer/2016-06-20/9_blacksea.html.

Shvets A. B.

Geopolitical stability and challenges of the Black Sea region

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Simferopol, Russian Federation
e-mail: fusion10@mail.ru

Abstract. *The article deals with the problem of geopolitical stability in the Black Sea region. Changes in the geopolitical importance of the Black Sea region are noted. Geopolitical stability is presented as an analysis of relations between the black sea countries. The black sea region is dominated by two countries - Russia and Turkey. These countries have different strategies of geopolitical influence. The Russian strategy involves the spread of influence to the South and West towards India, Iran and the Balkan countries. The Turkish strategy assumes the preservation of dominance in the black sea region. This dominance is directed against Russia and the United States. The importance of the reunification of Crimea with Russia in the implementation of Russian and Turkish strategies of mutual deterrence is considered. The subject of geographical studies of the Black Sea problems in the conditions of complex relations between Russia and the Western world is determined.*

Key words: *geopolitics, black sea region, geopolitical strategy, Crimea.*

References

1. Dergachev V. A. Raskalyonnnye rubezhi [Red-hot frontiers]. Odessa: Astroprint, 1998. 104 s. (in Russian).
2. Dergachev V. A. Geopoliticheskaya transformaciya Ukrainskogo Prichernomor'ya [Geopolitical transformation of The Ukrainian Black Sea region] [Elektronnyj resurs]. Nauchnye trudy v semi knigah. Kn.7. 2008. Rezhim dostupa:

- <http://dergachev.ru/book-17/01.html> - (data obrashcheniya 25. 02. 2017 g.) (in Russian).
3. Chernomor'e [Black sea] / Dergachyov V. A., Vardomskij L. B. Regionovedenie. 2-e izd. M.: YUNITI-DANA, 2014. S.446-460 (in Russian).
 4. Shvec A. B., Voronin I. N. Problema transformacii sociokul'turnyh rubezhej v Prichernomorskom sektore Evrazii [The problem of transformation of socio-cultural boundaries in the black sea sector of Eurasia] // «Geopoliticheskie processy v sovremennom Evrazijskom prostranstve»: sbornik rabot mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Banya Luka, Respublika Serbskaya, 31 maya - 3 iyunya 2017 g. Banya Luka, 2017. S.317-331 (in Russian).
 5. Kiselyov S. N. «Malaya igra» i problemy bezopasnosti v Prichernomor'e ["Small game" and security problems in the Black Sea] // Problemy bezopasnosti Prichernomor'ya i nejtral'nyj status Ukrainy: Sbornik materialov. Simferopol': SONAT, 2008. S. 68–78 (in Russian).
 6. Druzhinin A. G. «Prichernomorskaya sostavlyayushchaya» rossijsko-tureckogo vzaimodejstviya v sovremennom evrazijskom kontekste ["Black sea component" of Russian-Turkish cooperation in the modern Eurasian context] // YUzhno-rossijskij forum: ehkonomika, sociologiya, politologiya, social'no-ehkonomicheskaya geografiya. 2014, № 2 (9). S. 3-14 (in Russian).
 7. Socialno-ekonomicheskoe razvitie primorskih territorij Evropejskoj chasti Rossii: faktory, trendy, modeli [Socio-economic development of coastal areas of the European part of Russia: factors, trends, models] / pod red. A.G. Druzhinina – Rostov-na-Donu, Izd-vo YUFU, 2016. 236 s. (in Russian).
 8. Volhin D. A. «Primorskij faktor» social'no-ehkonomicheskij i demograficheskij dinamiki Kryma ["Seaside factor" of socio-economic and demographic dynamics of Crimea] // Social'no-ehkonomicheskaya geografiya. Vestnik ARGO. 2016, № 5. S.154-164 (in Russian).
 9. Bolshoe Prichernomor'e: protivorechiya i strategicheskie resheniya dlya Rossii [The greater Black Sea region: challenges and strategic solutions for Russia] / [pod red. A. A. Yaz'kovo]. M.: In-t Evropy RAN, 2016. 98 s. (Doklady Instituta Evropy / Federal'noe gos. byudzh. uchrezhdenie nauki In-t Evropy Rossijskoj akad. nauk; № 324) (in Russian).
 10. Rotov A. S. Geopoliticheskij segment Prichernomor'ya i ego znachenie v formirovanii politiki nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii [The Black Sea geopolitical segment and its importance in shaping the national security policy of modern Russia]: dissertaciya ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.02 Rostov-na-Donu, 2007, 138 s (in Russian).
 11. Ishin A. V. O geopoliticheskij situacii v Chernomorskom regione: krymskij vzglyad [About the geopolitical situation in the Black Sea region: the Crimean view] // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2016. № 1, s. 38–46(in Russian). .
 12. Narochnickaya N. A. Klyuch k Evrazii na dne Chyornogo morya [The key to Eurasia at the bottom of the Black sea] [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/eurasiakey.htm> (in Russian).
 13. Yaz'kova A. A. Bol'shoj Chernomorskij region: problemy i perspektivy razvitiya [Large black sea region: problems and prospects of development] // Bol'shoe Prichernomor'e: protivorechiya i strategicheskie resheniya dlya Rossii. M., In-t Evropy RAN, 2016. - S.7-19 (in Russian).

14. Avatkov V. Neoosmanizm. Bazovaya ideologema i geostrategiya Turcii [Elektronnyj resurs] [Neo-Ottomanism. The basic ideology and geo-strategy of Turkey] // Svobodnaya mysl', mart 2018, № 2. Rezhim dostupa: <http://svom.info/entry/458-neoosmanizm/> (in Russian).
15. Ahmad Hazh Ali Vozvrashchenie Irana v Bol'shuyu politiku [Iran's return to Great politics] [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://katehon.com/ru/article/vozvrashchenie-irana-v-bolshuyu-politiku> (in Russian).
16. Geopolitika Irana [Geopolitics of Iran] [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://katehon.com/ru/article/geopolitika-irana> (in Russian).
17. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti voenno-morskoj deiatelnosti na period do 2030 goda ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 20 iulia 2017 g – 327 [About the statement "Bases of the state policy of the Russian Federation in the field of naval activity for the period till 2030"] [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa [http kremlin ru acts bank 42117](http://kremlin.ru/acts/bank/42117) page (in Russian).
18. Ob uchastii Rossiiskoi Federatsii v Organizatsii CHernomorskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva postanovlenie Pravitelstva Rossiiskoi Federatsii ot 8 aprelya 2017 g 422 [About participation of the Russian Federation in the organization of the black sea economic cooperation: the order of the Government of the Russian Federation of April 8, 2017 No. 422] [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa [http govemnt ru docs all 111088](http://govmmnt.ru/docs/all/111088). (in Russian).
19. Gavrilu A Chernomorskii region vo vneshnei politike Rumynii 1989-2016 g g [The black sea region in the foreign policy of Romania (1989-2016)] dis na soisk uchen stepeni kand istor nauk spets 07. 00. 15 Istoriia mezhdunarod otnoshenii i vneshnei politiki Gavrilu Andrea M Rossiiskii universitet druzhby narodov 2018 256 s (in Russian).
20. Medvedev E Mrachnoe budushchee Chernogo moria [The dark future of the Black sea] [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa [http www ng. ru dipkurer 2016-06-20 9_blacksea.html](http://www.ng.ru/dipkurer/2016-06-20/9_blacksea.html) (in Russian).

Поступила в редакцию 20.05.2018 г.

УДК 911.3

Л. А. Ожегова¹

А. Ю. Ожегов²

С. К. Эдириппулиге³

Межэтнический конфликт в Шри-Ланке: опыт для государств Причерноморского региона

¹ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь

E-mail: luda-orejova@rambler.ru

² ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Физико-технический институт (структурное подразделение), г. Симферополь

E-mail: sojegov@yandex.ru

³Centre for Online Health, The University of Queensland, Brisbane, Australia

E-mail: s.edirippulige@uq.edu.au

Аннотация. Изложена сущность межэтнического конфликта в Шри-Ланке, проанализированы этапы и факторы его развития. Показана роль внешних игроков в урегулировании конфликта. Дана характеристика деятельности боевиков «Тигры освобождения Тамил Илама (ТОТИ)». Сформулированы уроки конфликта, которые следует учитывать государствам в других регионах мира. Выявлены особенности современного этапа урегулирования конфликта.

Ключевые слова: межэтнический конфликт, сепаратизм, правительство Шри-Ланки, Тигры освобождения Тамил Илама (ТОТИ), урегулирование конфликта.

Введение

В последнее время все чаще в научных работах и в средствах массовой информации как в российских, так и в зарубежных в связи с анализом конфликтов в разных регионах мира авторы обращаются к опыту урегулирования конфликта в Шри-Ланке, пытаясь извлечь уроки для себя. При этом проводятся параллели ланкийского конфликта и с арабо-израильским, и с курдским, и с косовским, и с сирийским, и с чеченскими войнами, и даже с конфликтом на Востоке Украины.

Межэтнические конфликты являются самыми напряженными, кровопролитными, трудноразрешимыми. В современном мире это один из главных вызовов, нерешенность которого создает условия для стремительного развития порой непредсказуемых событий с непрогнозируемыми последствиями. Как показывают события последних лет, межэтническая напряженность – явление, присущее не только бывшим колониальным окраинам. И в развитых государствах Европы, и в самих США межэтнические противоречия не только сохранились, но и получили новый импульс для своего развития, особенно после активизации деструктивных процессов в странах Ближнего Востока и Африки.

Исторический опыт показывает, что Причерноморье – чрезвычайно сложный и конфликтный регион, для которого этническая напряженность неоднократно становилась толчком к разрастанию вооруженных столкновений. При этом следует учитывать исторический и геополитический контекст развития региона, который

всегда привлекал интересы глобальных игроков в силу специфики своего географического положения, определяющего Причерноморье как связующее звено, цивилизационный мост между Европой и Азией.

Опыт показывает, что конфликты, локализующиеся в стратегически важных регионах, протекают по схожим сценариям, становясь объектами пристального внимания и даже участия международных акторов. Закономерен вопрос: каковы перспективы их успешного разрешения? И возможно ли вообще их преодолеть? И какие же уроки следует извлечь из этого, уже ставшего историей, локального конфликта странам Причерноморья?

Этапы и факторы развития конфликта

Проблема сингало-тамилского конфликта нашла достаточно широкое отражение в ланкийских, индийских, европейских и американских исследованиях [1; 2; 3; 4; 5]. В отечественном научном сообществе ему уделялось немного внимания [6; 7; 8; 9], хотя в последние годы появились масштабные труды, комплексно исследующие эту проблему [10].

Для того, чтобы говорить об уроках и параллелях, нужно хотя бы вкратце изложить сущность конфликта. Сингало-тамилский конфликт в Шри-Ланке справедливо считается классическим примером современного межэтнического конфликта. Фундамент будущего конфликта был заложен в колониальный период истории острова, который продолжался более 150 лет – с 1796 по 1948 годы. Именно 1796 год стал исходной точкой накопления критической массы будущего вооруженного конфликта. В колониальный период своей истории остров стал мировым лидером в производстве чая, но местное сингальское население не желало работать на плантациях. Именно тогда в массовом порядке англичане стали завозить дешевую рабочую силу – тамилы из соседних южных индийских штатов (так называемые индийские тамилы), что привело к многократному увеличению численности существовавшей на острове тамилской диаспоры (так называемые ланкийские тамилы). Кроме того, англичане поставили тамилы в привилегированное положение, отдавая им предпочтение при назначениях на государственную службу, при получении образования и т. п., что вызывало справедливое недовольство сингальского населения Цейлона.

После обретения независимости в 1948 году история государственности Шри Ланки и развития конфликта прошла ряд этапов.

1948–1972 гг. В 1948 году Цейлон получает независимость и входит в Британское Содружество на правах доминиона. Межэтническое противостояние между сингалами и тамилами продолжает нарастать. И хотя обстановка еще позволяла решить конфликт политическим путем, уже с первых шагов сингальское большинство начинает совершать целый ряд ошибок, которые впоследствии легли в основу обострения межнациональных отношений между двумя основными этническими группами острова:

– принятие в 1948 г. Закона о гражданстве, лишившего гражданства тамилское население. Всего 5 000 индийских тамилы получили право на гражданство, более 700 000 человек (11 % населения) были лишены гражданства или стали лицами без гражданства;

- проведение националистических реформ (лишение выборного права несингальского населения и т. д.).

- изгнание тамилы из рядов вооруженных сил (сокращение с 40 % от общего числа военнослужащих в 1956 г. до 1 % в 1970 г. [10]);

- принятие в 1956 г. закона «Только сингальский», который устанавливал преподавание в школах и университетах только на сингальском, оценивание по-разному уровня знаний сингалов и тамилы в пользу сингалов, проведение судов и иных общественно-значимых мероприятий только на сингальском языке;

- обвинения во всех неудачах экономических реформ 60–70-х годов тамильского населения;

- жертвы, понесенные в ходе антитамильских погромов 1956, 1958, 1977, 1981 гг. привели к серьезной эскалации конфликта между сингальскими и тамильскими общинами, что, в свою очередь, привело к их дальнейшей поляризации;

- признание в 1972 г. в новой конституции страны официального статуса только за сингальским языком, признание государственной религией буддизма и переименование государства из Цейлона в Шри-Ланку (сингальское наименование).

Ничего не напоминает? Это довольно типичные ошибки пришедших к власти националистически настроенных сил не только Шри-Ланки, которые привели в дальнейшем к трансформации этнического конфликта в политический и военный.

1972–1978 гг. Республика Шри-Ланка проходит период становления независимости. Осуществляется национализация базовой отрасли хозяйства – чайной промышленности, являвшейся в колониальный период основным источником доходов британской короны в регионе. Переломным в характере конфликта стал 1973 год, когда на съезде тамильской Федеральной партии были озвучены первые призывы к созданию независимого тамильского государства Тамил Илам. Фактически с этого и начинается формирование экстремистских группировок и активная подготовка тамилы к вооруженной борьбе.

1978–1983 гг. Политические и экономические изменения государственного строя. Новое название страны – Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка.

1983–2009 гг. Горячая фаза конфликта – период гражданских войн между тамильскими «тиграми» и правительственными войсками. К середине 80-х годов на острове насчитывалось 37 тамильских сепаратистских группировок, однако наиболее существенную роль среди них играла военизированная организация «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ/LTTE – сокращенно «тамильские тигры», «тигры»), созданная еще в 1976 г., целью которой в последствии стало создание самостоятельного тамильского государства. Переход же конфликта в вооруженную стадию связан с убийством 13 военнослужащих сингальской армии боевиками ТОТИ 24 июля 1983 г. С этого момента межэтнический характер конфликта получает новую окраску – представители ТОТИ начинают осуществлять террористические операции против правительственных сил Шри-Ланки.

На этом этапе власть совершает очередную ошибку, пытаясь предотвращать новые теракты, но не предпринимая активных действий с целью ликвидации теперь уже террористической группировки ТОТИ. Это дало возможность «Тиграм освобождения Тамил Илама» существенно нарастить военный и экономический потенциал благодаря следующим факторам.

1. Мощная экономическая, политическая и информационная поддержка тамильской диаспоры за рубежом (более 80 млн чел.), обосновавшейся почти в 40 странах мира (наибольшее число тамилы проживает в Канаде, Великобритании, Индии, Франции, Германии и Швейцарии), принявших тамильских беженцев после погромов и преследований. По разным оценкам, ежемесячно от зарубежной диаспоры в фонд ТОТИ поступало 2–3 млн. долл. Кроме финансовых потоков, диаспора формировала общественное мнение о событиях в Шри-Ланке в странах пребывания, продвигая в СМИ точку зрения ТОТИ.

2. Транспортировка героина из Афганистана на восток региона являлась мощным источником денежных ресурсов для поддержания деятельности ТОТИ (подобные каналы впоследствии были созданы практически во всех регионах, охваченных террористической деятельностью).

3. «Тигры» были глубоко вовлечены в процесс международной торговли. Их суда регистрировались в налоговых оазисах, но принадлежали фирмам, которые находились в Малайзии и Сингапуре; они имели возможность беспрепятственно пришвартовываться в отдаленных портах Мьянмы и Таиланда. «Тигры» вполне успешно сочетали торговлю тропическим лесоматериалом Мьянмы и Индонезии с торговлей камбоджийским оружием и наркотиками из «Золотого треугольника». Для увеличения закупок вооружений ТОТИ расширяла географию своей торговой деятельности, например в Пакистане и Афганистане приобреталось подержанное американское оружие, в Украине, Зимбабве и ЮАР – взрывчатка, в западных странах – оборудование более сложного типа [10].

4. Нельзя не отметить и важную роль личности лидера в конфликте. Все годы противостояния бессменным лидером ТОТИ был Велупиллаи Прабхакаран (Velupillai Prabhakaran) – бесстрашный, безжалостный, харизматичный руководитель, обладающий уникальными ораторскими данными, яркой внешностью, приспособляемостью и изворотливостью. Уникальные организаторские способности позволили ему в короткие сроки создать мощнейшую военно-политическую силу, успешно противостоявшую правительству. Прабхакаран – яркий пример того, какую чудовищную роль в истории может сыграть отдельная личность. Не будь этого человека, возможно, гражданской войны могло бы не быть вообще или характер у нее был бы совсем иной.

5. Активное участие Индии на начальных этапах развития конфликта путем вербовки боевиков для ТОТИ, их военной подготовки в тренировочных лагерях на своей территории в штате Тамилнад.

6. Разногласия и коррупция внутри сингальской политической и военной элиты, неспособность к активным действиям, мирные переговоры и перемирия – все это успешно использовалось боевиками ТОТИ для усиления военной мощи и перегруппировки сил.

«Тигры освобождения Тамил Илама» стали классической террористической группировкой, которая вела вооруженную борьбу за создание на территории Шри-Ланки государства тамилы (вспомним, с чего начиналась история с ИГИЛ (террористическая группировка, запрещенная в РФ) в Ираке и Сирии). Именно боевики ТОТИ стали «авторами» методов современных международных

террористических организаций – они первыми начали применять «пояса шахидов», использовать детей в боевых действиях в качестве смертников, а мирное население в качестве живого заслона. Они же впервые начали подрывать правительственные боевые корабли с помощью моторок, груженных взрывчаткой. В начале XXI столетия в составе ТОТИ было около 2 тыс. несовершеннолетних бойцов. Также подсчитано, что в 90-е гг. от 40 до 60 % из числа убитых солдат ТОТИ составляли дети до 17 лет [10].

А так называемые «черные тигры» (террористы-смертники обоих полов) стали визитной карточкой ТОТИ, отличаясь высокой дисциплинированностью, доведением своих атак до совершенства, жестким отбором террористов-смертников для осуществления террористических атак. С 1980 по 2001 г. из 188 наиболее крупных терактов такого рода, совершенных во всем мире, 75 были организованы именно ТОТИ [10]. До начала 1990-х «тигры» лидировали в мире по количеству взрывов, совершенных террористами-смертниками.

«Тигры» также ответственны за проведение первого в истории акта кибертерроризма – атаку серверов ланкийских посольств в США и Канаде в 1997 г. [10]. В период активной фазы конфликта «черные тигры» совершили порядка трехсот террористических актов. В числе их жертв – много представителей политической и военной элиты. Так, в 1991 г. жертвами ТОТИ стали премьер-министр Индии Раджив Ганди и министр обороны Шри-Ланки Р. Виджеранте, в 1993 году – президент Шри-Ланки Рансингхе Пермадаса и командующий ВМС Шри-Ланки адмирал Кланси Фернандо, в 1994 году – кандидат в президенты страны Гамини Диссанаиаке, в 2005 году – министр иностранных дел Шри-Ланки Лакшман Кадиргамар. Тамилами осуществлен ряд террористических атак на стратегические, религиозные и культурные объекты страны – Центральный банк Шри-Ланки в 1996 г., храм Зуба Будды в 1998 г., авиабазу ланкийских ВВС «Катунаяке» в 2001 г., в 1999 г. совершено покушение на президента Чандрику Кумаратунге.

«Тигры» далеко продвинулись в создании своего государства. Уже к 1995 году группировка контролировала почти треть острова. На полуострове Джафна фактически функционировало сепаратистское квазигосударство со всеми необходимыми атрибутами – администрация, суд, полиция, тюрьмы, банковская система, армия. «Тамильские тигры» – первые в мировой истории повстанцы, которые сумели создать мощную военную группировку с бронетехникой, артиллерией, авиацией и флотом, в составе которого были начиненные взрывчаткой рыболовецкие траулеры и подводные лодки-малютки. ТОТИ фактически имела свои военно-воздушные силы, военно-морской флот, «торговый флот», обеспечивавший контрабанду вооружений.

Всего за период военной фазы конфликта имели место четыре Иламских войны – в 1983–1987 гг., 1990–1994 гг., в 1995–2002 гг. и 2006–2009 гг. Отличительной чертой конфликта явилась минимальная степень вмешательства внешних игроков в горячую фазу конфликта, что, на наш взгляд, спасло остров от незавидной судьбы современных очагов конфликтности на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Всего было две попытки внешних игроков «поучаствовать» в решении конфликта и «научить» сингальское правительство, как бороться с террористами в своей стране. Так, Индия попробовала себя и в качестве стороны, готовящей тамильских боевиков, и в качестве посредника в урегулировании конфликта, и в качестве непосредственного участника, направив в 1987 г. на север и восток острова

индийские силы по поддержанию мира (ИСПМ). Миссия закончилась полным провалом и в марте 1990 года, потеряв свыше 1000 военных, по требованию властей Шри-Ланки Индия вывела свои войска.

Вторая попытка участия внешних игроков состоялась в 2000-е годы, когда нависла реальная угроза разделения страны, а события 11 сентября 2001 года заставили мировое сообщество жестко реагировать на все проявления террористических угроз. В процессе урегулирования приняли участие Норвегия, США, Япония и ЕС, однако и он завершился новым витком противостояния и войной.

Отказ Запада поддержать решительные действия правительства Шри-Ланки, направленные на этот раз на полное физическое уничтожение боевиков и их лидера, под предлогом нарушения прав человека был немедленно компенсирован военной и финансовой помощью Китая, Пакистана и Индии. А ликвидация лидера ТОТИ В. Прабхакарана позволила правительству Шри-Ланки объявить о полном разгроме террористической организации «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ) и завершении гражданской войны 19 мая 2009 г.

Почему же, обладая мощной армией с выстроенными каналами снабжения и материально-технической поддержкой извне, тамильские сепаратисты все же проиграли?

Причинами разгрома ТОТИ стал целый ряд факторов и событий, оказавших влияние на динамику процесса. Прежде всего решающее воздействие оказало перекрытие каналов финансирования ТОТИ, потока наркотрафика и перевозок вооружения, а также усиление антитеррористической деятельности в мире, которая активизировалась после событий 11 сентября 2001 года.

Сказалась и усталость тамильского гражданского населения от продолжительных военных действий и методов ведения войны со стороны террористов – исключительная жестокость террористов оттолкнула от них население и привела к внутреннему расколу в руководстве «Тигров освобождения Тамил Илама» в 2004 году. Главный сподвижник Прабхакарана – Винаягамурти Муралитхаран (известный под кличкой «полковник Каруна») покинул своего командира с шестью тысячами солдат. Это привело к тому, что, переформатированная в регулярную, существенно модернизированная и окрепшая, правительственная армия в союзе с частью бывших сепаратистов достаточно быстро разгромили ослабевших «тигров».

Другим обстоятельством, предопределившим поражение сепаратистов, стало стихийное бедствие, обрушившееся на восточное побережье Шри-Ланки в декабре 2004 года, уничтожившее значительную часть военной инфраструктуры и складов оружия ТОТИ.

И, конечно же, существенную роль в победе над террористами сыграла военно-экономическая помощь Китая, Пакистана и Индии, оказанная правительству Шри-Ланки.

С 2009 г. в истории Шри-Ланки начинается период стабилизации обстановки и реализации программ восстановления экономики. Некогда могущественная ТОТИ потеряла власть и влияние в военно-политическом ландшафте Шри-Ланки, а основным представителем тамильского меньшинства в политикуме стал Тамильский национальный альянс (ТНА), образованный в 2001 году. ТНА отказался от создания независимого Тамил Илама и отстаивает право на самоопределение тамильского населения в рамках единого государства политическими средствами и методами. Можно сказать, что власти Шри-Ланки, наученные опытом 26-летней войны,

предпринимают жесткие меры, чтобы не допустить возрождения сепаратистских настроений в обществе – продолжает укрепляться ланкийская армия, растет военное присутствие в Северной и Восточной провинциях, населенных преимущественно тамилами; введена жесткая цензура в СМИ, запрещающая любую критику, дискредитирующую действия правительства; продолжается сотрудничество с зарубежными странами по нейтрализации активных членов ТОТИ за рубежом и т. д. И если до 2009 года ленты мировых новостей пестрили сообщениями о все новых и новых терактах на Шри-Ланке, то после завершения гражданской войны не совершено ни одной террористической атаки.

При этом нельзя сказать, что конфликт практически исчерпан. Успешно завершилась его террористическая составляющая, что немаловажно с учетом тех потерь, которые понесли обе стороны в ходе столкновений. Конфликт унес от 80 до 100 тыс. человеческих жизней и обошелся ланкийской казне примерно в 200 млрд долл. [10].

Однако сохранилась сингало-тамилская межэтническая напряженность. Межэтнический конфликт не завершен и вряд ли в обозримом будущем о нем можно будет позабыть, так как в этнической памяти нельзя стереть кровавые события прошлого и должно смениться еще не одно поколение, чтобы сгладить прошлые противоречия и забыть обиды.

Уроки конфликта в Шри-Ланке

Каковы же уроки конфликта, которые следует учитывать государствам в других регионах мира и в частности в Причерноморье?

1. Первый и самый главный – перед угрозой территориальной целостности власти Шри-Ланки сумели мобилизовать все ресурсы, сплотиться и начать планомерную, методичную борьбу с ТОТИ, не рассчитывая на помощь извне.

2. Властям Шри-Ланки удалось внести раскол в ряды ТОТИ, в результате чего «тигры» Восточной провинции Шри-Ланки сложили оружие, приняли амнистию, лишив основные силы сепаратистов мобильности и приковав их к ограниченной территории, что стало началом конца Тамил Илама.

3. Тамилские антиправительственные группировки в Шри-Ланке, появившиеся при содействии соседней Индии, на юге которой тоже проживает тамилское население, на начальных этапах конфликта получили довольно мощную поддержку со стороны Индии. Именно на юге Индии появились лагеря, где прошли военное обучение выходцы из Шри-Ланки, которые стали впоследствии костяком повстанческого движения.

4. В 1987 г. Индия, испугавшись влияния ТОТИ на собственное тамилское население, отправила на Шри-Ланку войска для разоружения «тигров», но, потеряв более 1000 солдат, в 1990 году вывела войска, выйдя таким образом из горячей фазы конфликта.

5. Наличие харизматичного лидера – Велупиллая Прабхакарана – талантливого военачальника, обладавшего звериным чутьем, умелого руководителя, храброго и жестокого человека, на котором, как оказалось позднее, держалось все повстанческое движение. Его ликвидация положила конец террористическому этапу конфликта.

6. Против «Тигров освобождения Тамил Илама» с конца 80-х годов объединились все ведущие страны мира: Индия, Китай, Россия, США, Великобритания и др., обеспечивая властям Шри-Ланки поставки всевозможных видов техники и вооружений, оказывая логистическую поддержку, предоставляя спутниковые данные, участвуя в планировании военных операций.

Выводы

Сингало-тамильский конфликт в Шри-Ланке – классический пример межэтнических конфликтов современности. Сравнивая историю сингало-тамильского конфликта с историей последующих конфликтов, невольно обращаешь внимание на совпадение способов попыток их мирного урегулирования. В мировом сообществе установилось мнение, что межэтнические конфликты решить военным путем невозможно. Предлагается только комплекс инструментов и методов – проведение мирных переговоров, поиск компромиссов, взаимные уступки, международные гарантии, участие международных миротворческих сил, договоры о перемирии и т. п. Однако использование этих инструментов в Шри-Ланке с целью прекращения кровопролития закончилось полным провалом.

Вся 26-летняя история войны с «тиграми» сопровождалась попытками глобальных игроков – прежде всего европейцев и американцев – научить Коломбо правильно вести гражданскую войну: не воевать, а договариваться о мире. В конце концов власть поняла, что еще немного перемирий и у нее развалится бюджет, армия, страна. И она, вопреки внешнему давлению, всего за год сумела закончить войну и вернуть мир, став первой в мире страной, победившей терроризм на своей территории. Шри-Ланка доказала, что вернуть мир можно только путем уничтожения террористов, так как любые переговоры с ними приводят к еще большей эскалации террора, новым конфликтам, гибели людей.

Решить же межэтнические противоречия в государстве по рекомендациям внешних игроков невозможно. Межэтнический конфликт в Шри-Ланке продолжается, снова перейдя в латентную фазу. И только от мудрости и выдержанности ланкийских политиков зависит его дальнейшая судьба.

Литература

1. Edirippulige S. Ethnic conflict in Sri Lanka: obstacles to the peace process. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Political Studies, The University of Auckland, 2000. 172 p.
2. Dissanayaka T. D. S. A. War or Peace in Sri Lanka. Mumbai, 2004. 318 p.
3. Envisioning New Trajectories for Peace in Sri Lanka. Maharagama, 2006. 505 p.
4. Muni S. D. Pangs of Proximity: India and Sri Lanka's Ethnic Crisis. New Delhi, 1993. 259 p.
5. Bandarage A. The Separatist Conflict in Sri Lanka. Terrorism, Ethnicity, Political Economy. Bloomington, IN, 2009. 293 p.
6. Волхонский Б. М. Межэтнический конфликт в Шри-Ланке // Этничность и религия в современных конфликтах. М., 2012. С. 130–142.
7. Смолень С. Этнический конфликт в Шри-Ланке и Индо-Ланкийское соглашение 1987 года: дисс... канд. истор. наук: 07.00.15. М., 1990. 146 с.

8. Талмуд Э. Д. Сепаратизм, ирредентизм и внешние факторы. Шри-Ланка // Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М., 1991. С. 161–180.
9. Листопадов Н. А. Разгром террористов в Шри-Ланке // Азия и Африка сегодня. 2009. № 11. С. 23–26
10. Вильнин К. А. Межэтнический конфликт в Шри-Ланке: влияние на систему отношений в регионе Южной Азии: дисс... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2017. 193 с.

Ozhegova L. A.¹

Ozhegov A. Y.²

Edirippulige S.³

Interethnic conflict in Sri Lanka: experience for the states of the Black Sea region

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Simferopol, Russian Federation

² V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Institute of physics and technic, Simferopol, Russian Federation

³ Centre for Online Health, The University of Queensland, Brisbane, Australia

e-mail: ¹*luda-ozhegova@yandex.ru*,

²*Aleksandr.Ozhegov@kimkfu.ru*,

³*s.edirippulige@uq.edu.au*

Abstract. *The essence of the interethnic conflict in Sri Lanka is stated, the stages and factors of its development are analyzed. The role of external players in the conflict settlement is shown. The characteristics of the activities of the Tigers of Liberation of Tamil Eelam (LTTE) are given. Lessons learned from the conflict are formulated, which should be taken into account in other regions of the world. The peculiarities of the modern stage of the conflict settlement are revealed.*

Keywords: *inter-ethnic conflict, separatism, the Government of Sri Lanka, Tigers of Liberation of Tamil Eelam (LTTE), the settlement of the conflict*

References

1. Edirippulige S. Ethnic conflict in Sri Lanka: obstacles to the peace process. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Political Studies, The University of Auckland, 2000. 172 p. (in English).
2. Dissanayaka T. D. S. A. War or Peace in Sri Lanka. Mumbai, 2004. 318 p. (in English).
3. Envisioning New Trajectories for Peace in Sri Lanka. Maharagama, 2006. 505 p.
4. Muni S. D. Pangs of Proximity: India and Sri Lanka's Ethnic Crisis. New Delhi, 1993. 259 p. (in English).
5. Bandarage A. The Separatist Conflict in Sri Lanka. Terrorism, Ethnicity, Political Economy. Bloomington, IN, 2009. 293 p. (in English).
6. Volhonskij B. M. Mezhehtnicheskij konflikt v SHri-Lanke // EHtnichnost' i religiya v sovremennyh konfliktah. M., 2012. S. 130-142. (in Russian).

7. Smolen' S. EHtnicheskij konflikt v SHri-Lanke i Indo-Lankijskoe soglasenie 1987 goda: dis. ... kand. ist. nauk. M., 1990. 146 s. (in Russian).
8. Talmud EH. D. Separatizm, irredentizm i vneshnie faktory. SHri-Lanka // Mezhehtnicheskie konflikty v stranah zarubezhnogo Vostoka. M., 1991. S.161-180. (in Russian).
9. Listopadov N. A. Razgrom terroristov v SHri-Lanke // Aziya i Afrika segodnya. 2009. № 11. S.23-26 (in Russian).
10. Vil'nin K. A. Mezhehtnicheskij konflikt v SHri-Lanke: vliyanie na sistemu otnoshenij v regione YUzhnoj Azii: diss. ... kand.polit nauk. M., 2017, 193 s. (in Russian).

Поступила в редакцию 20.05.2018 г.

УДК 911.3+32.019.5 (477.75)

Д. А. Вольхин

**Крым в фокусе информационного
взаимодействия государств
Причерноморского региона**

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Таврическая академия
(структурное подразделение), г. Симферополь
e-mail: lomden@mail.ru

Аннотация. Крым рассматривается как фокус информационного взаимодействия государств Причерноморья. Изучены количественные и качественные характеристики и географическая структура информационных потоков о Крыме, генерируемых ведущими информационными агентствами стран Причерноморья. Приведена типология государств региона по степени информационного влияния на Крым. Дана сравнительно-географическая характеристика информационной политики информагентств стран Причерноморского региона в отношении Крыма.

Ключевые слова: Причерноморье, Крым, СМИ, информационные потоки, имидж, центр информационного влияния.

Введение

В современном информационном обществе информация и информационные технологии являются важнейшим ресурсом в управлении многими процессами, в том числе политическими и геополитическими. Информационно-психологическое воздействие на население выступает инструментом стабилизации или дестабилизации общественно-политического устройства в странах мира, оно используется как средство влияния на ценностные ориентиры и поведение населения государств и их регионов.

Возможности трансграничного оборота информации, все возрастающие скорости ее распространения, возникновение новых способов и каналов информационного влияния превратили массовую информацию в один из инструментов влияния на степень проявленности геополитических вызовов, а также эффективности внутренней и внешней политики государств. Борьба за информационное превосходство в виртуальном пространстве стала средством достижения территориальной экспансии государств. Географический эффект указанных процессов проявляется в формировании территориальных структур информационных потоков как результат взаимодействия центров информационного влияния и территорий информационного внимания.

В пределах геополитических макрорегионов мира можно выделить территории, обладающие повышенным информационным вниманием со стороны СМИ различных государств. В результате возникают фокусы информационного взаимодействия государств – точки пересечения их информационных пространств. В Причерноморском регионе одним из таких фокусов является Крым. Статус информационного фокуса полуострова связан с его геостратегическим положением, положением на стыке активных цивилизационных и геополитических взаимодействий, современными трансформационными процессами, запущенными

после воссоединения Крыма и России [1]. По мнению С. Н. Киселева, контактное положение Крыма в геополитических структурах различного масштаба, в том числе Причерноморья, может стать географической основой как положительного, так и отрицательного образа его территории: «связывающей и объединяющей государства и культуры (“крымский мост”, “летняя политическая столица”) или разъединяющей их (“ахиллесова пята России”, “крымская карта”, “крымский узел”» [2]. В связи с этим важной исследовательской задачей является изучение и уточнение территориальных особенностей современной информационной политики стран Причерноморья, которую они реализуют в отношении Крыма.

Материалы и методы

В современной науке существует множество подходов, методов и методик изучения количественных и качественных характеристик информационных потоков. В географических работах, посвященных данной проблематике, наиболее распространено сочетание следующих методов [3; 4; 5; 6; 7]:

1) контент-анализ, статистический метод и использование поисково-аналитических интернет-сервисов позволяют выявить количественные характеристики (количество, динамика информационных сообщений и другие показатели информационной востребованности территории) и смысловое содержание (тематика, контекст, смысловые конструкты) информационных потоков;

2) применение ГИС-программ, картографического метода, сравнительно-географического метода и пространственно-временного анализа, метода типологии и классификации позволяет выявить территориальные особенности информационных потоков, выяснить территориальную структуру информационного пространства территории, разработать имиджево-географические типологии центров информационного влияния и территорий информационного внимания на различных пространственных уровнях.

В рамках данного исследования приведенный выше комплекс методов был применен для изучения информационных потоков о Крыме, генерируемых ведущими информационными агентствами государств Причерноморья: Болгарии («Болгарское телеграфное агентство»), Грузии («Грузинформ»), Молдавии («ИА-Молдова»), России («РИА-Новости»), Румынии («Agerpres»), Турции («Анадолу») и Украины («Украинские национальные новости (UNN)»). Всего было выявлено более 63 тыс. сообщений о Крыме за период 2013–2017 гг.

Результаты и обсуждение

Анализ количества и смыслового наполнения публикаций о Крыме ведущих информационных агентств стран Причерноморья показал, что информационная политика этих государств в отношении полуострова имеет ряд отличительных черт. В первом приближении, по степени информационного влияния на Крым, все государства Причерноморского региона можно разделить на три типа (рис. 1):

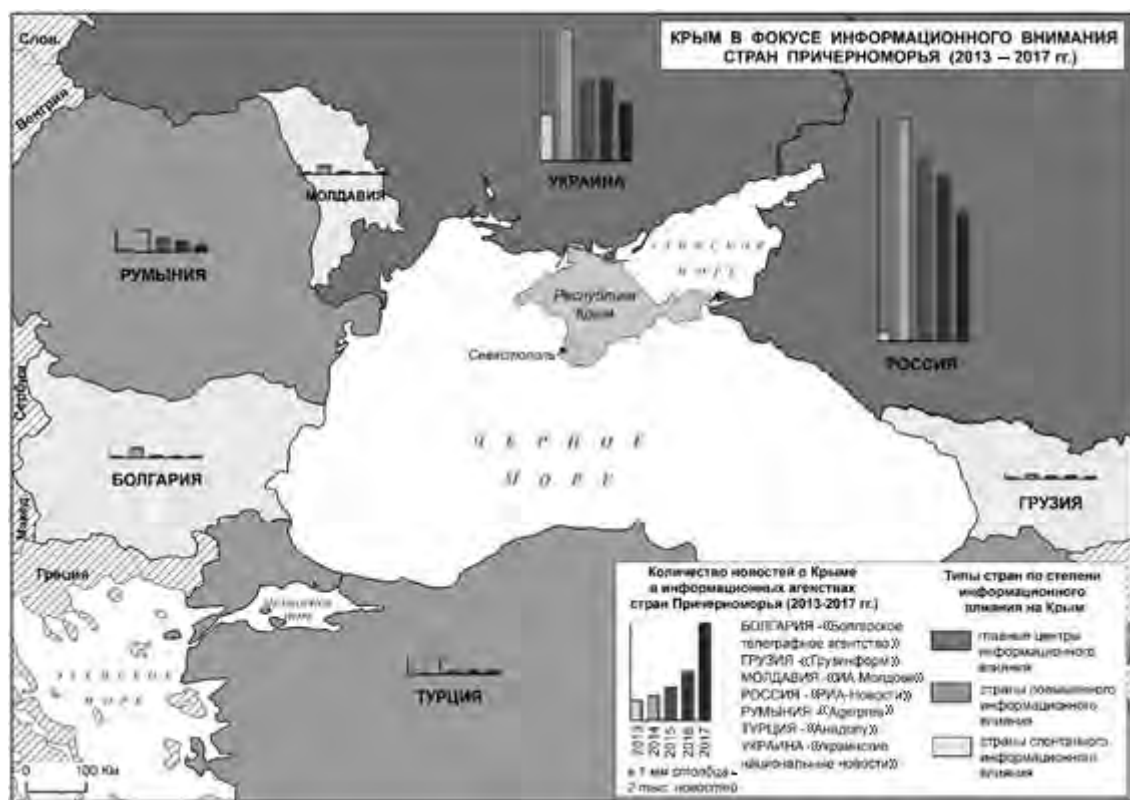

Рис. 1. Крым в фокусе информационных агентств стран Причерноморья, 2013–2017 гг. Составлено автором

1) *главные центры информационного влияния.* К странам такого типа относятся Россия и Украина, на их долю приходилось более 90 % («РИА-Новости» – более 40 тыс. сообщений, «Украинские национальные новости» – около 18 тыс. сообщений) совокупного информационного потока о Крыме, генерируемого исследуемыми информагентствами в период 2013–2017 гг.;

2) *страны повышенного информационного влияния.* В данную типологическую группу помещены Турция и Румыния, информационные агентства которых, по сравнению с главными центрами информационного влияния, заметно меньше уделяют внимания крымской проблематике в своем новостном контенте, однако последние годы демонстрируют интерес к событиям на полуострове в объеме 100–700 сообщений в год;

3) *страны спонтанного информационного влияния.* Характеристиками данного типа стран обладают Грузия, Болгария и Молдавия, поскольку информационные агентства этих государств проявляли неустойчивое внимание к Крыму. Полуостров в новостной ленте информагентств указанных трех государств упоминался, главным образом, по случаю резонансных событий на его территории.

Крымскую реальность причерноморские государства интерпретируют по-разному. Пограничным периодом, когда информационная политика всех государств в отношении Крыма резко изменилась, стал 2014 г., год воссоединения Крыма с Россией. События «Крымской весны» оказали «взрывной эффект» на информационное пространство всего Причерноморья: число сообщений о полуострове на интернет-сайтах исследуемых информационных агентств выросло в

десятки раз («РИА-Новости» – в 30 раз, «Agerpres» – в 100 раз, «UNN» – в 3 раза и т. д.). Главными информационными поводами в Крыму для СМИ всех стран стали референдум, процесс воссоединения Крыма с Россией, реакция на эти события Украины и других государств (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О поддержке территориальной целостности Украины», транспортная, энергетическая и продуктовая блокады Крыма, санкции и прочее), а также процессы интеграции Республики Крым и города Севастополя в правовое, экономическое, политическое, культурное, информационное пространства России. Общей чертой информационного потока о Крыме являлась тотальная политизация его реальности, которая для СМИ государств Причерноморья в настоящий момент сохраняется по инерции.

Общей чертой смыслового наполнения нового имиджа Крыма, формируемого СМИ Болгарии, Грузии, Румынии и Украины, является абсолютное доминирование негативных характеристик о всех территориях полуострова. Ведущее информагентство Турции чаще всего публиковало сообщения о Крыме в фокусе российско-украинских отношений и так называемого «крымско-татарского вопроса». Сообщения турецких СМИ на эти темы чаще всего имели негативный контекст и транслировали ноты озабоченности данной проблемой, которую выражало руководство Турции. С другой стороны, крымская проблематика крайне редко встречается в материалах «Анадолу», посвященных русско-турецким отношениям, т. е. в турецком информационном пространстве можно обнаружить некоторую информационно-географическую селективность в отношении Крыма. Абсолютно иную информационную политику в отношении Крыма проводит Россия: каждый информационный повод о Крыме СМИ страны отбирают по принципу его максимальной эффективности для формирования благоприятного имиджа новых субъектов федерации, что контрастирует с информационной политикой ведущих СМИ страны, реализуемой до 2014 года [8].

Анализ степени интереса к крымским событиям со стороны СМИ стран Причерноморского региона показал, что основной «рельеф» внешнего информационного пространства Крыма формируется во взаимодействии информационных потоков, генерируемых СМИ России и Украины. Смысловое содержание внешнего информационного пространства Крыма связано с существованием противопоставленных друг другу российского и украинского (комплементарного с западным) вариантов нового имиджа Крыма, которые можно представить в виде дихотомии. Главная дихотомия российского и украинского вариантов имиджа Крыма («Крым – Россия» vs «Крым – Украина») основывается на позиции ведущих СМИ двух стран в отношении его государственной принадлежности. Данная дихотомия стала основой для формирования целого ряда других противопоставленных друг другу имиджевых конструкторов: о легитимности воссоединения Крыма с Россией, о настроениях крымчан до и после референдума, о внешней легитимации российского Крыма, о социально-экономическом развитии нового Крыма, о «крымско-татарском вопросе» и прочем.

Главной особенностью географической структуры информационного пространства Крыма, формируемого информагентствами России и Украины, является территориальная асимметрия локализации информационных потоков. В результате чрезвычайно неравномерного распределения информационного внимания к различным территориям Крыма, географическая структура его информационного пространства формируется по принципу «центр-периферия» –

системы асимметричных друг к другу полюса информационного внимания (включает территорию Крыма, расположенную южнее линии Евпатория – Феодосия и город Керчь) и информационной периферии (большая часть полуострова, которая расположена севернее линии Евпатория – Феодосия). Подобная территориальная структура была выявлена для имиджа Крыма по материалам телевизионных СМИ России и Украины [9]. Информационные агентства Болгарии, Грузии, Молдавии, Румынии и Турции формируют еще более поляризованную географическую структуру информационных потоков о Крыме: в фокусе их внимания чаще всего находятся столичный Симферополь, военный город Севастополь, курортная Ялта и транспортные ворота полуострова – город Керчь, а остальная часть полуострова помещена в «информационную тень».

Выводы

Крым будет находится в фокусе информационного внимания стран Причерноморья до тех пор, пока будут существовать геополитические противоречия между странами данного региона, в том числе с участием других стран. Типологически современный Крым можно отнести к регионам России трансграничного конфликтного политизированного СМИ-информационного внимания.

Крымский пример информационного взаимодействия стран Причерноморского региона выявил наличие противоречий в их межгосударственных отношениях. Информационная сфера Причерноморского макрорегиона выступает резонатором современных геополитических вызовов, субъектом и объектом которых, в частности, является Крым, что усиливает сложность их разрешения. Нахождение Крыма в фокусе информационного противостояния стран Причерноморья с активным участием европейского и американского центров глобального информационного влияния является сдерживающим фактором развития Республики Крым и города Севастополя, главным образом, их внешней легитимации и внешних политических, экономических и культурных контактов.

Литература

1. Швец А. Б. Изменение функций социокультурных рубежей Крыма // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации. Материалы II международной научно-практической конференции. 2015. С. 226–233.
2. Киселев С. Н. Политико-географические и геополитические образы Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2007. Вып.2. С. 153–155.
3. Багров Н. В., Швец А. Б., Самулев А. А. Географическая имиджелогия: свидетельство о рождении // Культура народов Причерноморья. 2001. № 25. С. 187–194.
4. Грибок М. В. Образы регионов России в телевизионных новостях: геоинформационный подход // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 67–77.
5. Колосов В. А., Заяц Д. В. Геополитическая картина мира в публикациях «Независимой газеты» // География. 2001. № 9. С. 3–10.

6. Замятин Д. Н. Методологические подходы к исследованию понятия образа в географии // Известия РАН. Серия географическая. 2004. № 5. С. 95–101.
7. Чихичин В. В. Политико-географические образы субъектов РФ: факторы формирования (на примере Ставропольского края) // Полис. Политические исследования. 2005. № 2. С. 64–71.
8. Швец А. Б., Вольхин Д. А. Информационный имидж Крыма: особенности современной трансформации // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 142–147.
9. Вольхин Д. А., Шарко Е. А. Пространственная асимметрия современного имиджа Крыма // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2017. Том 3 (69). № 3. Ч. 2. С. 24–38.

Volkhin D. A.

***Crimea in the focus of information interaction
of the States of the Black Sea region***

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Simferopol, Russian Federation
e-mail: lomden@mail.ru

Abstract. *Crimea is considered as a focus of information interaction of the Black Sea states. Quantitative and qualitative characteristics and geographical structure of mass media-information flows about the Crimea generated by the leading news agencies of the Black Sea countries are studied. The typology of the States of the region on the degree of information influence on the Crimea is shown. The comparative-geographical characteristic of the information policy of news agencies of the Black Sea region in relation to the Crimea is given.*

Keywords: *Black Sea region, Crimea, mass media, information flows, image, center of information influence.*

References

1. Shvets A. B. *Izmenenie funkcij sociokul'turnyh rubezhej Kryma // Strategija razvitiya prigranichnyh territorij: tradicii i innovacii. Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* 2015. P. 226-233. (in Russian).
2. Kiselev S. N. *Politiko-geograficheskie i geopoliticheskie obrazy Kryma // Geopolitika i jekogeodinamika regionov.* 2007. Vyp.2. P. 153-155. (in Russian).
3. Bagrov N. V., Shvets A. B., Samulev A. A. *Geograficheskaya imidzhologiya: svidetel'stvo o rozhdenii // Kul'tura narodov Prichernomor'ja.* 2001. №25. P. 187-194. (in Russian).
4. Gribok M. V. *Obrazy regionov Rossii v televizionnyh novostjah: geoinformacionnyj podhod // Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija.* 2012. T. 1. №1. P. 67-77. (in Russian).
5. Kolosov V. A., Zayats D. V. *Geopoliticheskaja kartina mira v publikacijah «Nezavisimoj gazety» // Geografiya.* 2001. №9. P. 3-10. (in Russian).

6. Zamyatin D. N. Metodologicheskie podhody k issledovaniju ponjatija obraza v geografii // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2004. №5. P. 95-101. (in Russian).
7. Chihichin V. V. Politiko-geograficheskie obrazy subektov RF: faktory formirovaniya (na primere Stavropol'skogo kraja) // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2005. №2. P. 64-71. (in Russian).
8. Shvets A. B., Volkhin D. A. Informacionnyj imidzh Kryma: osobennosti sovremennoj transformacii // Social'no-jekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshhestvovedov. 2014. №3. P. 142-147. (in Russian).
9. Volkhin D. A., Sharko E. A. Prostranstvennaja asimmetrija sovremennogo imidzha Kryma // Uchjonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. 2017. Tom 3 (69). № 3. Ch.2. P. 24–38. (in Russian).

Поступила в редакцию 15.05.2018 г.

УДК 327.8
Никифоров А. Р.

Черноморский регион: опыт пространственных измерений

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Таврическая академия
(структурное подразделение), г. Симферополь
e-mail: nandrey@bk.ru

Аннотация. В определении границ Черноморского региона возникают существенные расхождения. При этом оно зачастую носит произвольный, случайный или конъюнктурный характер. Попробуем ввести количественные характеристики в определение принадлежности того или иного государства к Черноморскому региону. Для этого произведём измерение коэффициента принадлежности к Черноморскому региону (КПЧР) для государств, имеющих выход к Азово-Черноморскому побережью. В соответствии с ним установлен рейтинг КПЧР для данных государств.

Ключевые слова: Черноморский регион, коэффициент принадлежности к Черноморскому региону (КПЧР), Азово-Черноморское побережье, рейтинг черноморских государств.

Введение

Говоря о Черноморском регионе, приходится уточнять: какая именно пространственная конфигурация имеется в виду, поскольку в этом вопросе имеются существенные разночтения. В последние десятилетия наиболее распространённым стал страновой подход, когда регион «собирается» из государств, имеющих непосредственный выход к Азово-Черноморскому побережью, а также расположенных в непосредственной близости от него. Но даже при таком крайне упрощённом и расширительном подходе в определении границ Черноморского региона возникают существенные расхождения.

Если ориентироваться на состав региональной структуры Организации Черноморского Экономического Сотрудничества (ЧЭС), то регион формируют 12 государств – членов ЧЭС (Россия, Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдавия, Румыния, Сербия, Турция и Украина) [1]. Однако согласно инициативе Еврокомиссии «Черноморская синергия» и разработанной в рамках её реализации Резолюции Европарламента от 20 января 2011 года по стратегии ЕС в Чёрном море, стран Черноморского региона всего 10 (все члены ЧЭС, кроме Албании и Сербии) [2; 3]. Ещё более узким видится это пространство автору концепции Большого Черноморского региона – Рональду Асмусу, включавшему в него всего 9 государств (все упоминаемые в «Черноморской синергии», кроме Греции) [4].

Следует также отметить, что само по себе расположение вблизи или даже на берегах Чёрного моря не делает государство черноморским в функциональном смысле. Такое положение необходимо ещё использовать, что происходит далеко не всегда и с разной интенсивностью для различных государств в разные исторические периоды их существования.

Как наглядный пример такого несоответствия можно привести современную Украину, унаследовавшую большую часть черноморского побережья СССР. Не будем характеризовать состояние Военно-морских сил Украины. О них – или

хорошо, или ничего. Тем более и других характеристик вполне достаточно. Так, Украина перевозит своими судами не более 4–5 % всех своих грузов [5, с. 70]. Грузооборот украинских портов сократился с 265,6 млрд тонно-километров в 1990 г. до 11,3 млрд – в 2008-м: более чем в 23 раза [5, с. 89]. Украинское судостроение влечет жалкое существование: по экспертным оценкам, в ближайшее время от индустриального комплекса, доставшегося Украине, в котором было сосредоточено 30 % судостроительных мощностей СССР, останется 2–3 завода [5, с. 123].

Для других государств региона существуют другие обстоятельства, размывающие их черноморский статус. Скажем, Россия и Турция имеют выход и в другие акватории, помимо Азово-Черноморской. В случае Турецкой республики, она, в первую очередь, не черноморская, а средиземноморская держава. Что же касается Российской Федерации, то значительная часть её огромной территории особого тяготения к черноморскому побережью не испытывает.

Одним словом, измерять черноморское пространство странами не совсем корректно. Далее, если по поводу тех, которые имеют непосредственный выход к Азово-Черноморскому побережью, всё более или менее ясно, то дополнение перечня государств, относящихся к региону, за счет не имеющих такого выхода носит в разных трактовках произвольный, случайный или конъюнктурный характер.

Материалы и методы

Попробуем ввести количественные характеристики в определение принадлежности того или иного государства к Черноморскому региону. Это не позволит уйти от странового подхода, но даст возможность измерить степень принадлежности стран к интересующему нас пространству, уйти от умозрительных оценок.

Следует оговориться, что измерение производится не в геоэкономическом, а в геополитическом контексте. Т. е. в данном конкретном случае интересуют нас не тоннаж флота, объёмы торговли, расположение хозяйственных объектов, коммуникации, плотность и распределение населения, а также прочие параметры, позволяющие оценить и измерить актуальную ситуацию с тяготением того или иного государства к Азово-Черноморскому бассейну. В поле нашего внимания – более статичные показатели, определяющие потенциал такого тяготения на десятилетия или даже на века. Именно ими создаётся геополитическая «рамка» для социально-экономического освоения региона.

Итак, попробуем измерить коэффициент принадлежности к Черноморскому региону (КПЧР) для государств, имеющих выход к Азово-Черноморскому побережью. На сегодняшний день это Болгария, Грузия, Россия, Румыния, Турция и Украина. Кроме того, к этому списку добавим Республику Абхазия, независимость которой не получила всеобщего признания, но, тем не менее, она признана Российской Федерацией, а также ещё четырьмя государствами – членами ООН. С другой стороны, поскольку статус и границы Донецкой Народной Республики, под контролем которой находится фрагмент побережья Азовского моря, на сегодняшний день не определены, для неё измерения не производились.

Указанные в приведённом выше перечне государства – бесспорно черноморские страны. Потому речь идёт не об установлении самого факта их принадлежности, а о составлении своего рода рейтинга стран региона. Кроме того, разработка формулы КПЧР для этих государств позволит в дальнейшем трансформировать её в формулу для исчисления КПЧР для государств, черноморский статус которых не очевиден.

Среди параметров для нашего измерения предлагается учитывать следующие: длина береговой линии (БЛ), расстояние от столицы государства до ближайшей от него точки морского побережья (СБ) и общая площадь территории государства (ПГ). Исходим из того, что чем длиннее береговая линия государства, тем выше степень его принадлежности к региону. С увеличением расстояния от побережья до столицы, она, напротив, убывает. Кроме того, чем обширнее государство, тем больше вероятности появления у него других векторов развития/экспансии, помимо черноморского направления.

Итак, КПЧР прямо пропорциональна протяжённости береговой линии и обратно пропорциональна расстоянию от столицы до побережья и общей площади государства. Все эти соотношения выражаются в формуле:

$$\text{КПЧР} = \text{БЛ} \div (\text{СБ} \times \text{ПГ}).$$

Следует оговорить также, что в длину береговой линии мы включаем как протяжённость черноморского, так и азовского побережья (без залива Сиваш, который не судоходен) интересующих государств. Крымская береговая линия учитывалась как часть российской.

Сведения о протяжённости береговой линии, в отличие от данных о площади государств, в различных источниках заметно расходятся. В нашем случае они в основном брались из доклада профессора М. Минчева «Чёрное море как евразийский цивилизационный центр», сделанного им в Симферополе в 2008 г. в ходе работы международного круглого стола «Стабильность в Причерноморском регионе: внешние и внутрирегиональные угрозы и пути их преодоления» [6, с. 49]. По данным о площади государств в различных справочных изданиях никаких расхождений нет. Расстояние от столиц государств до Азово-Черноморского побережья измерялось вручную. В случае Абхазии, столица которой расположена непосредственно на побережье Чёрного моря, это расстояние обозначено как единица.

Результаты и обсуждения

В итоге произведённых измерений получены следующие результаты:

Таблица 1.

Рейтинг черноморских государств (по КПЧР)

n/n	Государство	КПЧР
1.	Абхазия	24 235,43
2.	Болгария	9,68
3.	Турция	8,19
4.	Украина	6,18

5.	Грузия	5,60
6.	Румыния	3,92
7.	Россия	0,13

Итак, за исключением первой и последней позиции, государства региона по КПЧР находятся в одном порядке, их показатели близки.

Явный лидер рейтинга – Абхазия; ушла в такой отрыв в основном за счёт берегового расположения своей столицы (единственный случай в регионе). Кроме того, у неё самое «черноморское» соотношение длины береговой линии и площади территории: 24,23, в то время как у, скажем, Болгарии оно 3,40, а у Румынии – 0,88. Это связано с тем, что, имея вполне сравнимую с ними береговую линию, Абхазия в десятки раз меньше по площади.

Такая «погружённость» Абхазии в Черноморский регион вовсе не обязательно даёт ей только преимущества. И совершенно точно – не даёт их автоматически. Достаточно вспомнить классическую «дипломатию канонерок», проводимую США в отношении стран Латинской Америки и Дальнего Востока, чтобы осознать уязвимость такого положения, в случае если оно не подкреплено необходимыми атрибутами государственной мощи. Впрочем, и без этого напоминания очевидно, что независимость Абхазии возможна только при сохранении её военно-политического союза с Россией.

Что же касается самой Российской Федерации, то её черноморский рейтинг оказался сравнительно низким в силу огромной территории государства, с которой не может сравниться не только какое-либо государство интересующего нас региона, но и даже все они вместе взятые. Тем не менее следует отметить, что после возвращения Крыма российский рейтинг заметно приблизился к средним по региону значениям.

С другой стороны, Украина, имевшая до 2014 г. самый высокий после Абхазии показатель КПЧР (11,20), с потерей Крыма понизила его почти вдвое. Мало того, запущенный процесс фрагментации государственной территории Украины вовсе не завершён. Его удалось заморозить, но ни одно противоречие, которое его запустило, не разрешено. Скорее, даже наоборот, эти противоречия усугубляются. А это означает, что существует вероятность дальнейшей фрагментации украинской береговой линии.

В ходе проведения измерений выявилось несколько любопытных деталей, установление которых не входило в наши первоначальные задачи. Скажем, оказалось, что государства региона предельно рационально прокладывали свой черноморский вектор. В результате ближайшая от столицы каждого из них точка побережья чаще всего приходится на окрестности важных портов. Для Болгарии это линия «София – Бургас», для Грузии – «Тбилиси – Батуми», для России – «Москва – Ростов-на-Дону», для Румынии – «Бухарест – Констанца», для Турции – «Анкара – Зонгулдак», для Украины – «Киев – Одесса».

Выводы

Установленный рейтинг позволяет сделать ряд заключений:

- В Черноморском регионе на сегодняшний день нет потенциального лидера, способного достичь доминирования в силу преимуществ своего положения.

Абхазия может эффективно использовать свои параметры только в связке с другим, существенно более могущественным государством региона. Украина, имевшая крайне благоприятные для черноморского лидерства показатели, не сумела ими распорядиться и, что выглядит вполне закономерно, эти показатели утрачивает.

- Из показателей КПЧР для России, взятых в динамике последних четырёх-пяти лет, становится вполне очевидно, что планы её выдавливания из Черноморского пространства, предусматривавшиеся американской концепцией Большого Черноморского региона, имели под собой вполне реальные основания. Однако так было до возвращения в состав Российской Федерации территории Крымского полуострова. С нынешними показателями российского КПЧР эта задача становится неразрешимой.
- Параметры, определяющие КПЧР, в историческом контексте подвижны и позволяют сравнивать между собой в количественных показателях положение в Черноморском регионе как ныне существующих, так и существовавших ранее государств, а также пространственные трансформации, происходившие в регионе различные исторические эпохи.

В целом же, как и предполагалось, данное измерение носит промежуточный характер. Оно является необходимым этапом для следующего, позволяющего вычислить КПЧР для стран, расположенных вблизи, но не имеющих непосредственного выхода к Азово-Черноморскому побережью. Результаты поиска такой формулы будут отражены в последующих публикациях.

Литература

1. Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) / справочная информация // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/chernomorskoe-ekonomiceskoe-sotrudnicestvo-ces/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/2517424
2. Black Sea Synergi – a new regional Cooperation Initiative // Commission of the European Communities. Communication from the Commission to the Consil and the European Parliament. Brussels, 11.4.2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2007:0160:FIN:EN:PDF>.
3. European Parliament resolution of 20 January 2011 on an EU Strategy for the Black Sea - 2010/2087(INI) // European Parliament. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&mode=XML&reference=A7-2010-0378&language=EN>.
4. Асмус Р., Джексон Б. Чёрное море и пределы свободы [Электронный ресурс] / Православное информационное агентство «Русская линия» со ссылкой на Policy Review. 9.07.2004. Режим доступа: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=102145>.
5. Макогон Ю. В., Лысый А. Ф., Гаркуша Г. Г., Грузан А. В. Украина – держава морская. Донецк: ДонНУ, 2010. 70 с.
6. Минчев М. Чёрное море как евразийский цивилизационный центр // Стабильность в Причерноморском регионе: внешние и внутрорегиональные

угрозы и пути их преодоления. Материалы международного круглого стола. М., 2012. С. 48–54.

Nikiforov A. R.

Black Sea region: the experience of spatial measurements

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Simferopol, Russian Federation
e-mail: nandrey@bk.ru

Abstract. *In determining the boundaries of the Black Sea region, significant discrepancies arise. In doing so, it often has an arbitrary, random or opportunistic nature. Let's try to introduce quantitative characteristics in determining the belonging of a state to the Black Sea region. To do this, we will measure the coefficient of belonging to the Black Sea region (HRC) for states that have access to the Azov-Black Sea coast. In accordance with it, the HRDD rating for these states is established.*

Keywords: *Black Sea region, the coefficient of belonging to the Black Sea region (CBBSR), the Azov-Black Sea coast, the rating of the Black Sea states.*

References

1. Organizatsiya Chernomorskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva (OCHES) / spravoch'naya informatsiya // Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii. Ofitsial'nyy sayt. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://www.mid.ru/web/guest/chernomorskoe-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-ces/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/2517424. (in Russian)
2. Black Sea Synergi – a new regional Cooperation Initiative // Commission of the European Communities. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Brussels, 11.4.2007. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2007:0160:FIN:EN:PDF>. (in English)
3. European Parliament resolution of 20 January 2011 on an EU Strategy for the Black Sea - 2010/2087(INI) // European Parliament. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&mode=XML&reference=A7-2010-0378&language=EN>. (in English)
4. Asmus R., Dzhekson B. Chornoye more i predely svobody [Elektronnyy resurs] / Ronal'd Asmus, Bryus Dzhekson – Pravoslavnoye informatsionnoye agentstvo «Russkaya liniya» so ssylkoy na Policy Review. 9.07.2004. Rezhim dostupa: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=102145>. (in Russian)
5. Makogon YU. V., Lysyy A. F., Garkusha G. G., Gruzan A. V. Ukraina – derzhava morskaya. Donetsk: DonNU, 2010. S.70. (in Russian)
6. Minchev M. Chornoye more kak yevraziyskiy tsivilizatsionnyy tsentr // Stabil'nost' v Prichernomorskom regione: vneshniye i vnutriregional'nyye ugrozy i puti ikh preodoleniya. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola. M., 2012. S. 48-54. (in Russian)

Поступила в редакцию: 28.05.2018 г.

УДК 316.3

Л. А. Ожегова¹

К. Ю. Сикач²

Организованная транснациональная преступность в Причерноморье

^{1,2}ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь
e-mail: ¹luda-ojegova@yandex.ru, ²sikach89@gmail.com

Аннотация. Транснациональная организованная преступность является обратной стороной важнейшего процесса современности – глобализации. Деятельность организованных преступных группировок (ОПГ) по всему миру нарушает нормальное состояние общественных систем. Несмотря на всеобъемлющий глобальный характер преступности в Причерноморье, организованная преступность обретает свою «индивидуальность» под воздействием региональных факторов.

Ключевые слова: транснациональная организованная преступность, Причерноморье, организованные преступные группировки.

Введение

Каждое государство по-своему уникально и индивидуально. Однако географическая близость, общая история и судьба могут вызвать экзистенциальные угрозы, имеющие общие причины и решения. Одной из таких угроз является транснациональная преступность, обусловленная глобализацией современного мира. Чтобы понять, как и почему государства подвергаются воздействию либо сами становятся источником транснациональной организованной преступности, необходимо осознать сущность государств и «культуры» организованной преступности в географическом регионе, к которому они относятся.

Причерноморье, начиная с античности, вместо того, чтобы объединять относящиеся к нему государства, стало регионом перекрёстка интересов. Региону не чужды ни политические, ни криминальные связи и противоречия, в т. ч. организованных преступных группировок.

Организованная преступность, как и преступность в целом, – сложное социальное явление, её всплески наблюдаются, как правило, в моменты социальных потрясений, смены экономических и политических отношений в обществе. Многочисленные геополитические потрясения в странах, имеющих выход к Черному морю, стали субстратом для развития данного вида преступности. Основными факторами активизации транснациональной организованной преступности в последние десятилетия стали: распад Советского Союза и возникновение независимых государств в Причерноморье, расширение НАТО на восток, нестабильность в странах Ближнего Востока, высокий уровень коррупции в большинстве стран Причерноморья и другие.

Деятельность организованных преступных группировок в регионе весьма многогранна: наркобизнес, торговля оружием и людьми.

Наиболее весомым негативным следствием распространения транснациональной организованной преступности является активизация

террористической и экстремистской деятельности. При условии напряженности в политической, этнической и других сферах актуализируется данная взаимосвязь.

Материалы и методы

Преступность является сложным и неоднозначным явлением. Одна из форм этого асоциального явления – организованная преступность.

Организованная преступность – сложное переплетение противоправных действий, совершаемых преступными формированиями, целью которых является достижение сверхприбылей с использованием коррупции, насилия и запугивания конкурентов и населения [1].

Взаимодействуя, ОПГ разных стран порождают одно из негативных следствий глобализации – транснациональную преступность.

Транснациональную организованную преступность можно определить как функционирование преступных организаций и сообществ, имеющих разветвленную сеть филиалов в других странах, использующих международные связи для постоянного осуществления глобальных незаконных операций, связанных с перемещением потоков информации, денег, физических объектов, людей, других материальных и нематериальных средств через государственные границы с целью использования благоприятной рыночной конъюнктуры в одном или нескольких иностранных государствах для получения существенной экономической выгоды, а также для эффективного уклонения от социального контроля с помощью коррупции, насилия и использования значительных различий в системах уголовного правосудия разных государств (рис. 1.) [1].

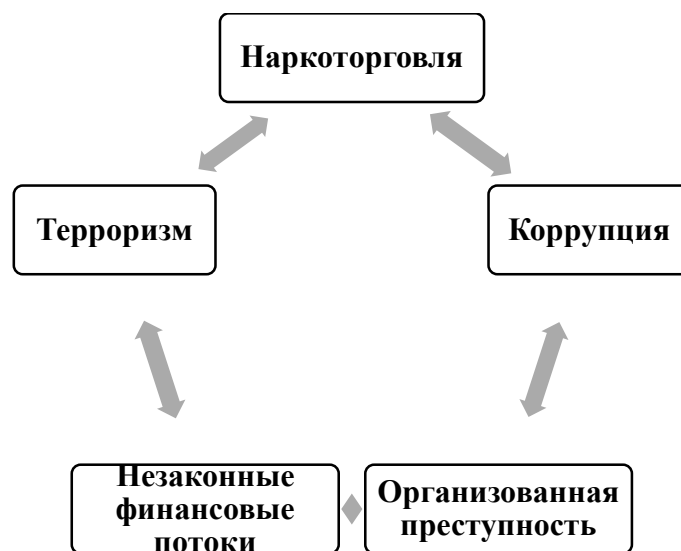

Рис. 1. Взаимодействие организованной преступности с иными формами общественно-опасной деятельности. *Составлен автором*

Исследования организованной преступности ведутся во многих государствах, а также под эгидой ООН и других общественных организаций на общемировом уровне.

Среди российских исследователей организованной преступности стоит отметить работы Долговой А. И. и Овчинского В. С. [4; 6].

При анализе организованной преступности используются различные источники информации. Прежде всего это статистические данные об организованной преступности и реагировании на нее. Но, опираясь только на статистическую информацию, невозможно провести объективный анализ состояния преступности в целом и тем более организованной преступности, отличающейся высочайшей степенью латентности. Следовательно, необходимо использование субъективных источников: средств массовой информации и др. [4].

В статье мы опирались на данные таких международных организаций, как Управление ООН по наркотикам и преступности, Контртеррористическое управление ООН и Европол.

На мировом уровне Управление ООН по наркотикам и преступности (UNDOC) ведет непрерывную работу по сбору и анализу данных о деятельности транснациональных ОПГ. Также это управление занимается сбором информации о наркоторговле и участии в ней ОПГ мира.

Контртеррористическое управление ООН (UNCCT) занимается вопросами борьбы с терроризмом, неотъемлемой частью которой является борьба с организованной транснациональной преступностью.

Результаты и обсуждения

Деятельность преступных организаций весьма многогранна. Помимо «низших» видов преступности: кражи, грабежи, убийства и т. д., особую опасность представляет её интеграция с иными общественно опасными преступлениями. Региональные особенности во многом обуславливают специфику взаимодействия различных видов преступлений.

Европол отмечает, что в странах Европы организованная преступность, связанная с торговлей наркотиками и людьми, коррелирует с уровнем коррупции в стране, но при этом не всегда связана с общим уровнем преступности в государстве. Терроризм, тесно взаимосвязанный с организованной преступностью, имеет высокий уровень корреляции с наркоторговлей, хотя есть и исключения из подобного приведенного «правила»: некоторые территории, где осуществляется производство наркотических веществ, не подвергаются террористическим атакам [10].

Управление ООН по наркотикам и преступности констатирует связь между организованной преступностью и нелегальной торговлей наркотиками во многих странах Причерноморья. Транзитное положение региона стало предпосылкой того, что через него проходят два основных маршрута переброски героина из Афганистана в Европу: Балканский и Кавказский пути.

Торговля и транзит героина в Турции, Болгарии и Румынии полностью регулируется ОПГ, также организованная преступность этих стран замешана в торговле кокаином. В трансграничном регионе Россия/Грузия осуществляется торговля кокаином и канабиоидами в рамках деятельности организованных преступных группировок обеих стран. Турецкие организованные преступные группировки причастны и к торговле канабиоидами [13].

Стоит отметить еще одного небезопасного соседа Причерноморских стран, где деятельность организованных группировок на фоне общего упадка экономики и развития страны достигла угрожающих масштабов – это Албания. На сегодняшний день условно территорию государства можно назвать своеобразным «хабом» по переброске наркотиков, проходящих транзитом через указанные выше страны Причерноморья и попадающих на рынок стран Западной Европы (рис. 2.).

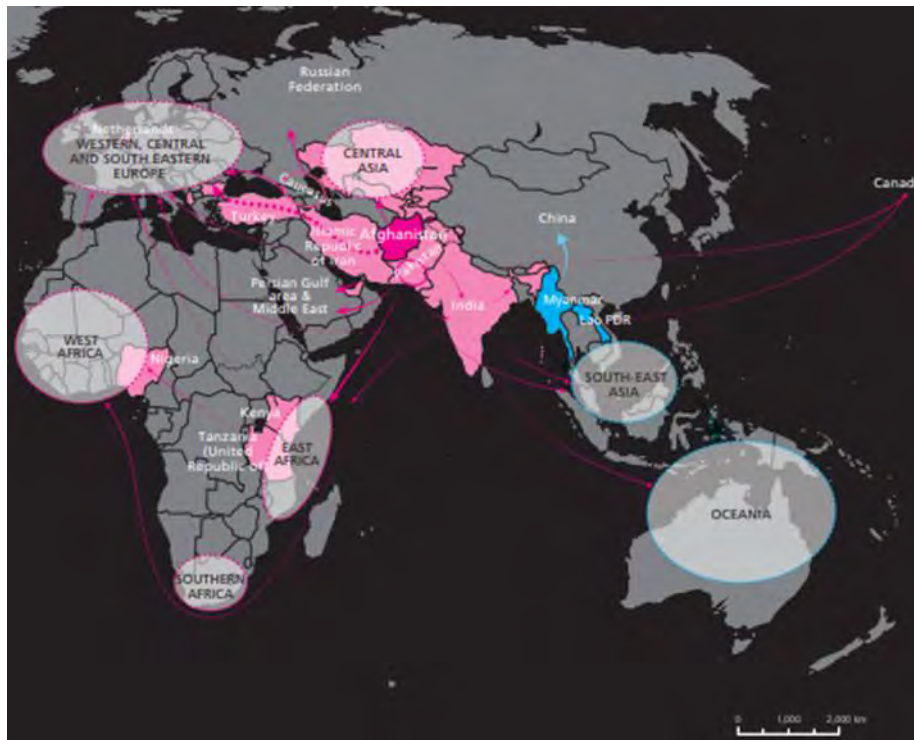

Рис. 2. Основные пути наркотрафика опиатов 2011–2015 гг. [13]

Исключительную опасность представляет в настоящее время значительно набирающая силу интеграция терроризма и организованной преступности как на международном, так и на внутригосударственном уровне.

Ю. М. Антонян отмечает: «Следует зафиксировать появление организаций-гибридов, которые практически невозможно отнести только к политическим террористическим группам или только к группам организованных преступников. Чисто криминальные организации чаще стали использовать терроризм для достижения своих целей – захват заложников, убийство политических и военных деятелей, взрывы, поджоги. В целом можно констатировать создание криминального интернационала, образованного в результате сращивания политического терроризма с наркобизнесом и незаконной торговлей оружием. Интернационал, используя все рычаги коррупции и прямое насилие, будет вызывать дестабилизацию обстановки в различных странах, устрашать и устранять неугодных государственных, политических и общественных деятелей, продвигать своих соучастников, в том числе в силовые ветви власти, проникать в информационные структуры. Не исключается захват власти интернационалом в отдельных странах» [2].

Международная практика борьбы с организованной преступностью показывает, что организованная преступная деятельность в большинстве случаев самым непосредственным образом связана с террористической деятельностью.

Институтом экономики и мира ежегодно высчитывается глобальный индекс терроризма, который показывает уровень воздействия терроризма на государство. Согласно данному индексу, среди стран Причерноморья наиболее уязвимы Турция (9 место в рейтинге из 163 государств), Украина (17 место, здесь данные весьма субъективны, так как авторы сборника причисляют к террористическим атакам столкновения, происходящие в Донецкой и Луганской народных республиках), Россия (33 место). Остальные страны черноморского региона мало подвержены воздействию терроризма [8]. Турецкие лидеры ОПГ не скрывают своих связей с террористическими организациями и даже манипулируют данными «преференциями» при достижении своих целей уже в связях с политическими силами государства. В остальных странах региона члены ОПГ либо менее активно сотрудничают с террористическими организациями, либо не афишируют подобное сотрудничество [5].

Устойчивые связи между организованной преступностью, наркобизнесом и терроризмом были бы невозможны без коррумпированности властей государств, в которых осуществляется преступная деятельность. Экономическая и политическая нестабильность во многих странах Причерноморья обуславливают рост уровня коррупции и, как следствие, активизацию преступного взаимодействия властей и ОПГ.

Транснациональная организованная преступность, имея определенные сходства, в Причерноморье обретает региональные черты и особенности. Мощнейшее влияние и активное взаимодействие с ОПГ других государств проявляют турецкие, российские и румынские ОПГ.

Так, интересы турецкой мафии представлены не только в самой Турции, но и в Нидерландах, Бельгии, Англии, на Балканах, в Германии и Австрии.

В составе турецкой мафии присутствуют не только этнические турки, но и албанцы, иранцы, выходцы с Балкан, киприоты, курды. Интересы: производство и торговля наркотиками, торговля оружием, торговля людьми, похищения людей с целью выкупа [13].

В Нидерландах и Бельгии турецкая мафия пытается завязать тесные контакты с властью. Кроме того, турецкие криминальные группировки, занимающиеся торговлей наркотиками, поддерживают связь с правэкстремистской политической партией «Серые волки». Турецкая мафия ведет кровавую борьбу с албанской за контроль над британским рынком героина.

Мафия стала серьезной внутренней угрозой для Турции. Так, с 2004 года идет война между такими преступными группировками, как Sarallar и Sedat Sahin, что приносит немалый вред государству. И это лишь один из примеров [5].

Российская организованная преступность стала неотъемлемым элементом транснационального организованного преступного сообщества, которое представляет угрозу и России, и Западу, и всему миру.

Изучение материалов криминальной аналитической разведки Генерального секретариата Интерпола о взаимосвязях лидеров организованных преступных сообществ – бывших и нынешних граждан России и СНГ, их фирмах для

отмывания денег показывает, что все они сотнями нитей переплетены между собой и с лидерами мафиозных структур Европы, США, Латинской Америки, Азии [6].

Большинство из выявленных преступных групп (две трети) имеют и поддерживают связи с аналогичными формированиями в странах ближнего зарубежья – СНГ и Балтии.

Российские группы наладили преступные связи во многих странах дальнего зарубежья: США, Италии, Испании, Германии, Швеции, Финляндии, Китае, Южной Корее, Израиле, Колумбии и др. [10].

Преступные группы, действующие на международной арене, специализируются на наркобизнесе, отмывании «грязных денег», хищении и контрабанде валютных ценностей и антиквариата, нелегальном вывозе сырьевых ресурсов, оружейном бизнесе, кражах автотранспорта, радиоактивных материалов, проституции.

Ряд лидеров преступных формирований приняли подданство других государств и выехали за границу, что порождает определенные трудности с их задержанием и привлечением к уголовной ответственности. Находясь вне пределов России, они продолжают руководить преступными формированиями, создают совместные фирмы для легализации криминальных доходов [6].

Анализируя особенности транснациональной организованной преступности в Причерноморье, стоит также остановиться на организованной преступности еще нескольких стран, имеющих выход к Черному морю.

В Болгарии организованная преступность начала развиваться после 1990 г., причем длительное время ОПГ имели «примитивную» форму. Их основной сферой деятельности были вымогательство, торговля людьми и наркотиками на локальном уровне. Интересным фактом является то, что вся система частной охраны в Болгарии, которая существует на сегодняшний день, была создана представителями ОПГ. Только к концу 2000-х болгарская организованная преступность начала вливаться в общую систему организованной преступности и в настоящее время активно участвует в Европейском наркотрафике [11].

В Румынии организованная преступность начала зарождаться несколько раньше, уже в начале 80-х гг. В отличие от Болгарии, многие ОПГ изначально имели связь с политическими кругами страны. В результате, помимо остальных видов деятельности, огромные масштабы приобрело отмывание денег. ОПГ Румынии тесно взаимосвязаны с российскими, украинскими и молдавскими. Основная сфера деятельности: торговля наркотиками, людьми, краденными автомобилями. Переброска нелегальных товаров осуществляется через порт Констанца. Представители румынских ОПГ монополизировали управление проституцией в Испании. Сегодня Румыния также стала ареной для иностранных преступных групп, таких как Китайские Триады, вьетнамские преступные группы, занимающиеся незаконным ввозом мигрантов и незаконной торговлей товарами через порт Констанца [11].

Особо тесные связи болгарская и румынская мафия поддерживает с турецкими ОПГ, основной род деятельности которых – торговля наркотиками. [12]

Стоит отметить, что в Причерноморье особенностью многих ОПГ является этническая принадлежность. Так, в Румынии распространены цыганские ОПГ, в Турции – курдские, в России – грузинские, армянские и другие.

Организованная преступность представляет собой серьезную проблему для государств Черноморского региона. Учитывая важность этого вопроса, Комитет по правовым и политическим вопросам ПАЧЭС (Парламентской Ассамблеи Черноморского Экономического Сотрудничества) регулярно проводит работу в рамках вопроса урегулирования организованной преступности в регионе с 1996 года [7].

Выводы

Эра глобализации привела к появлению нового социального порядка в мире, характеризуемого, в первую очередь, повышенной мобильностью людей, капитала и бизнеса, а также либеральным пограничным контролем. Глобализация общества и достижения в сфере транспорта и технологий связи предоставляют различные возможности не только для процветания общества, но и для криминального мира. Используя эти возможности, организованная преступность стала главным вызовом для общества. Организованные преступные группировки адаптировались к новым международным реалиям процесса глобализации, новым технологиям, возможностям Интернета и международной банковской практики, зачастую скрываясь за ширмой законной деятельности.

Транснациональная организованная преступность оказывает влияние на каждую страну, однако существенные социально-экономические и культурные различия между странами приводят к различным подходам и приоритетам борьбы с организованной преступностью.

Слабые, бедные и охваченные конфликтами государства наиболее подвержены организованной преступности, особенно в качестве площадок для незаконной торговли людьми, наркотиками и оружием. Замороженные конфликты способствуют распространению организованной преступной деятельности, сдерживая при этом демократическое развитие. Подобные особенности социально-экономического развития характерны для стран Причерноморья.

Инновационный характер криминальных сетей, не знающих административных границ, требует больше знаний, лучших мер и методов для эффективного, постоянного и функционального реагирования. Борьба с организованной преступностью по-прежнему остается одним из наиболее важных приоритетов в национальной повестке государств.

Важно осуществлять координацию и гармонизацию отраслевых стратегий, планов действий и других мер, предусматривая при этом их одновременное и равномерное осуществление и достигая при этом целей борьбы с организованной преступностью.

Наряду с этим, политика открытых, но в то же время контролируемых с помощью эффективного управления государственных границ, ведёт к эффективным достижениям на региональном уровне.

Решение проблемы борьбы с организованной преступностью предполагает всеобъемлющий подход к укреплению ресурсов правительств, бизнеса и институтов гражданского общества, позволяющих противостоять влиянию преступности. Это предполагает многосторонний подход к оказанию содействия правоохранным органам, проведению судебной реформы, стимулированию прозрачности и надзора, борьбе с коррупцией и укреплению социального

измерения. Поэтому для укрепления мер, направленных против проникающего влияния организованной преступности, национальным правительствам, международным организациями и гражданскому обществу следует действовать в тесном взаимодействии друг с другом.

Для эффективного использования имеющихся инструментов необходимо более эффективное сотрудничество на региональном и международном уровнях. Определен спектр региональных и международных инициатив, призванных обновить и упорядочить организационно-правовые аспекты регионального сотрудничества в борьбе с организованной преступностью. Однако существующие методы борьбы с растущей угрозой организованной преступности недостаточны. В связи с этим необходима более эффективная координация, сотрудничество и связь между правоохранительными и судебными органами в регионе.

Учитывая глобальный характер организованной преступности, борьба с ней больше, чем национальная обязанность государств. Каждая страна несет региональную и международную ответственность за достижение необходимой синергии и эффективную борьбу с организованной преступностью. Поэтому правительства и парламенты государств Причерноморья должны работать как индивидуально, так и сообща, чтобы эффективно способствовать успешной борьбе с организованной преступностью в регионе и мире в целом.

Литература

1. Конвенция ООН, по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Нью-Йорк. 15 ноября 2000 г.
2. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М.: «Логос», 2004. 448 с.
3. Грачев С. И. Терроризм и его активная интеграция с организованной преступностью в условиях глобализма // Российский следователь. 2007. № 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/m3071.html>.
4. Долгова А. И., Евланова О. А. Методика анализа организованной преступности. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2005. 128 с.
5. Лидер турецкой ОПГ и фанат Эрдогана сделал скандальное заявление по России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://islamreview.ru/politics/lider-tureckoj-opg-i-fanat-erdogana-sobiraetsa-gotovit-cecenskih-terroristov/>.
6. Овчинский В. С. Российская организованная преступность (мафия) как форма социальной организации жизни // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010г. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/3/Ovchinsky/>.
7. Стоян Гюзелев Выполнение соглашений между государствами-членами ЧЭС о борьбе с организованной преступностью [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/m3071.html><http://pabsec.org/depo/documents/reports-and-recommendations/ru-rep-erxnwrpve.pdf>
8. Global terrorism index / Intitute for economics and peace. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economicsandpeace.org/>

9. Ernesto U. Savona, Michele Riccardi From Illegal Markets to Legitimate Businesses: the Portfolio of Organised Crime in Europe, Final Report of Project OCP – Organised Crime Portfolio. Trento: Transcrime, Università degli Studi di Trento. 2015. 256 p.
10. Europol, SOCTA 2017: European Union: Serious and Organised Crime Threat Assessment, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/>.
11. Hans Nelen, Dina Siegel Contemporary Organized Crime Developments. Utrecht, The Netherlands: Springer. 2016. 285 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-55973-5#editorsandaffiliations> Hans Nelen Dina Siegel Editors/
12. Lada L. Roslycky Organized transnational crime in the Black Sea Region: a geopolitical dilemma? // Trends Organ Crime. 2009. DOI 10.1007/s12117-008-9061-x.
13. United Nations Office on Drugs and Crime, World Drug Report. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/wdr2017/field/Booklet_1_EXSUM.pdf.

Ozhegova L. A.¹
Sikach K. U.¹

Organized transnational crime in the Black sea region

^{1,2}V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Simferopol, Russian Federation
e-mail: ¹luda-ozhegova@yandex.ru, ²sikach89@gmail.com

Abstract. *Transnational organized crime is the reverse side of globalization. The activities of organized criminal groups (OPG) around the world are disrupting the normal state of social systems. Despite the comprehensive global nature of crime in the Black sea region, organized crime has acquired its "identity" under the influence of regional factors.*

Keywords: *transnational organized crime, Black sea, organized criminal groups.*

References

1. Konvenciya OON, po bor'be s transnacional'noj organizovannoj prestupnost'yu. N'yu-Jork. 15 noyabrya 2000 g. (in Russian)
2. Antonyan YU. M. Kriminologiya. Izbrannye lekci. M.: «Logos», 2004. 448 s. (in Russian)
3. Grachev S. I. Terrorizm i ego aktivnaya integraciya s organizovannoj prestupnost'yu v usloviyah globalizma // Rossijskij sledovatel". 2007. № 18[Electronic resource]. URL: <http://www.center-bereg.ru/m3071.html>. (in Russian)
4. Dolgova A. I., Evlanova O. A. Metodika analiza organizovannoj prestupnosti. M.: Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya. 2005. 128 s. (in Russian)
5. Lider tureckoj OPG i fanat Erdogana sdela skandal'noe zayavlenie po Rossii [Electronic resource]. URL: <http://islamreview.ru/politics/lider-tureckoj-opg-i-fanat-erdogana-sobiraetsa-gotovit-cecenskih-terroristov/>. (in Russian)

6. Ovchinskij V. S. Rossijskaya organizovannaya prestupnost' (mafiya) kak forma social'noj organizacii zhizni // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2010g. № 3. [Electronic resource]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/3/Ovchinsky/>. (in Russian)
7. Stoyan Gyuzelev Vypolnenie soglashenij mezhdru gosudarstvami-chlenami CHEHS o bor'be s organizovannoj prestupnost'yu. [Electronic resource]. URL: <http://www.center-bereg.ru/m3071.html><http://pabsec.org/depo/documents/reports-and-recommendations/ru-rep-erxnwrpve.pdf>. (in Russian)
8. Global terrorism index / Intitute for economics and peace. 2017. [Electronic resource]. URL: <http://economicsandpeace.org/>. (in English)
9. Ernesto U. Savona, Michele Riccardi From Illegal Markets to Legitimate Businesses: the Portfolio of Organised Crime in Europe, Final Report of Project OCP – Organised Crime Portfolio. Trento: Transcrime, Università degli Studi di Trento. 2015. 256 p. (in English)
10. Europol, SOCTA 2017: European Union: Serious and Organised Crime Threat Assessment, 2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.europol.europa.eu/>. (in English)
11. Hans Nelen, Dina Siegel Contemporary Organized Crime Developments. Utrecht, The Netherlands: Springer. 2016. 285 p. [Electronic resource]. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-55973-5#editorsandaffiliations> Hans Nelen Dina Siegel Editors/. (in English)
12. Lada L. Roslycky Organized transnational crime in the Black Sea Region: a geopolitical dilemma? // Trends Organ Crime. 2009. DOI 10.1007/s12117-008-9061-x. (in English)
13. United Nations Office on Drugs and Crime, World Drug Report. 2017. [Electronic resource]. URL: https://www.unodc.org/wdr2017/field/Booklet_1_EXSUM.pdf. (in English)

Поступила в печать 22.05.2018г.

УДК 911.3:30:316.48(477.75)

Яковлев А. Н.

Трансформация социокультурной конфликтности в Крыму в новых геополитических реалиях

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Таврическая академия
(структурное подразделение), г. Симферополь
e-mail:andrey_yakovlev84@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции трансформации социокультурной конфликтности в Крыму после 2014 года на примере изменения одной из базовых составляющих социокультурных конфликтных процессов – формы проявленности конфликтов и противоречий.

Ключевые слова: социокультурная конфликтность, трансформация, форма проявленности конфликта, причерноморский регион.

Введение

Среди вопросов, которые решают современные общественные науки, обозначена необходимость осмысления территориальных причин и следствий масштабных социальных трансформаций, которые происходят в странах, возникших в границах бывшего Советского Союза [1].

Трансформация – процесс, связанный с быстрыми социальными изменениями системных качеств общества как ответ на исчерпание (угрозу) ресурсов конкретной сферы развития [2]. Эти трансформации часто имеют конфликтную основу и способны привести к дезорганизации общественной системы. В региональных общественных процессах дезорганизация общества является, прежде всего, следствием длительного или интенсифицированного системного кризиса государства, когда все скрытые противоречия или конфликты актуализируются в новых формах организации, многие из которых оказывают крайне негативное влияние на процессы формирования и развития устойчивой общественно-территориальной системы.

Значительная часть конфликтных трансформационных процессов наиболее остро проявила себя в постсоветских государствах причерноморского региона, по сегодняшний день хранящих мощный заряд конфликтогенности. Причерноморье номинально включает в себя 6 государств: Российскую Федерацию, Украину, Турцию, Грузию, Болгарию, Румынию, в геополитическом и геоэкономическом контексте регион понимается более широко, включая в себя Армению, Азербайджан, Молдову и две непризнанных республики – Абхазию и Южную Осетию [3]. По мнению известного крымского географа и политолога Киселева С. Н., «средоточие множественных конфликтов всегда было естественным состоянием Причерноморского региона и составляет большую часть его геополитической истории» [4]. В настоящее время можно выделить несколько регионов, способных стать «точкой» эскалации старых и новых конфликтов. К наиболее выраженным можно отнести следующие: конфликт Грузии с Абхазией и Южной Осетией; пограничные споры между Румынией и Украиной; претензии румынской элиты на часть территории Молдовы; Украина-Молдовские

территориальные споры; приднестровский конфликт, с которым связано образование еще одного непризнанного государства на карте причерноморского региона – Приднестровья; конфликт в Нагорном Карабахе между Арменией и Азербайджаном; внутривластный конфликт, приведший к изменению субъектности Крыма и гражданской войне в Украине, и др. [5].

К территории потенциального этнополитического конфликта, формирующегося на постсоветском пространстве в причерноморском регионе, многие политологи относили Крымский полуостров. Объективно в автономии не было и отсутствуют сегодня причины для возникновения межэтноконфессиональной конфликтности (вид социокультурного конфликта), что доказали десятилетия мирной репатриации ранее депортированных из Крыма народов, хотя в конце 1970-х годов некоторые аналитики строили самые мрачные прогнозы в отношении межэтнических и межконфессиональных контактов в пространстве христианизированного Крыма [6]. Межэтническая напряженность в Крыму впервые после развала Советского Союза проявила себя в начале 90-х [7]. Её возникновение было обусловлено двумя факторами: непростыми отношениями между русскими и украинцами Крыма, обретавшими новую этническую и политическую титульность в суверенной Украине, а также общей настороженностью славянского населения полуострова в отношении процесса массового возвращения крымских татар, грозившего серьезным изменением демографической структуры Крыма, в которой традиционно доминировали русские. Адаптационные процессы репатриантов усложнялись несбалансированностью программы первоначального приёма и расселения вернувшихся на свою историческую родину народов, противоречиями и неспособностью «старых и молодых» этнических, конфессиональных, бюрократических и политических элит Крыма идти на договорные компромиссы, желанием элит различными способами сохранить «свой» властный ресурс [8].

В целом крымская региональная общественная система дважды переживала мощные трансформационные процессы, связанные с глобальными геополитическими метаморфозами: после распада Советского Союза, в результате которого полуостров стал одним из субъектов Украинского государства, и в 2014 году в результате изменения субъектности Крыма после воссоединения с Российской Федерацией.

Целью данной работы является рассмотрение основных тенденций трансформации социокультурной конфликтности в Крыму, начавшейся после периода, названного в СМИ «Крымской весной», на примере трансформации одного из базовых индикаторов конфликтных процессов социокультурной сферы – формы проявления конфликтов и противоречий.

Материалы и методы

Основными методами в работе стали: мониторинг печатных и электронных СМИ, в материалах которых отмечались конфликтные проявления на территории полуострова в период с 1990 по 2017 годы, сравнительно-географический, сравнительно-исторический анализ, а также анализ литературы по исследуемой тематике.

Результаты и обсуждение

Рассматриваемые социокультурные процессы дезорганизации общества наиболее остро, интенсивно проявили себя в украинский период развития Крыма в процессе затяжного, прогрессирующего системного кризиса украинского государства, что неизбежно приводило к возникновению противоречий и конфликтов, связанных с необходимостью защиты ценностных установок и ориентиров различных этносов полуострова, постоянно демонстрируя резонансность и широкую географию актуализации, продуцируя новые формы проявленности конфликтов и противоречий. Среди наиболее широко представленных на полуострове форм проявленности конфликтов и противоречий следует выделить следующие: манифесты, декларации, резолюции, протестные заявления, земельные захваты, захваты административных зданий, перекрытие дорог, массовые столкновения протестующих сторон, акты вандализма и девиантного поведения конфликтующих сторон и др.

Кульминацией конфликтного развития дезорганизованного крымского общества в украинский период (период украинской политико-правовой системы) стал 2014 год, продемонстрировавший все факторы и объекты формирования конфликтности в Крыму, все отмеченные ранее и представленные впервые формы, высочайшую интенсивность, динамику, повсеместность и резонансность социокультурных конфликтов и противоречий. В год «Крымской весны» региональное сообщество пережило острую системную трансформацию, связанную с изменением государственной принадлежности (субъектности) Крыма, что автоматически привело к мощным мобилизационным процессам в межэтнических отношениях, отмеченных 72 случаями конфликтных проявлений. [9]

При этом 2014 г. стал отправной точкой мощных трансформационных процессов, качественно изменивших социокультурное развитие полуострова.

После воссоединения Крыма с Российской Федерацией изменилась политико-правовая среда развития общественных процессов, что привело к подчиненности возможных ранее проявлений конфликтности, мер и способов решения конфликтных ситуаций «букве закона», нивелированию источников конфликтности (в том числе запрет на дальнейшую деятельность организации и объединений экстремистского характера), планомерно проводимой политике развития толерантности и добрососедства, стабилизации межэтноконфессиональных отношений. Конфликтные ситуации и противоречия постепенно приобретают латентную форму, не приводящую к сколь-нибудь значимому общественному резонансу в регионе. Практически полностью отсутствуют представленные на протяжении более чем двадцатилетнего периода, ставшие традиционными формы проявления конфликтов и противоречий, что подтверждается данными экспертных оценок и государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым [10; 11; 12].

Формируется новая дифференциация организационных форм социокультурных конфликтных ситуаций и противоречий: они по-прежнему представлены актами вандализма над объектами, представляющими культурно-историческую ценность для народов полуострова, весь остальной массив

конфликтогенных проявлений следует характеризовать как противоречия, не проявляющие эскалационной динамики в регионе. Вышеупомянутые конфликтогенные проявления характеризуются снижающейся интенсивностью и низким разнообразием форм проявления по отношению к 2014 году, имея близкие количественные показатели: 2015 – 46; 2016 – 43, 2017 – 43 зафиксированных СМИ случая. Также в последние годы на территории полуострова отмечается интенсификация новой, широко представленной в регионах формы конфликтогенных проявлений – профилактики экстремизма и терроризма. «Профилактика» осуществляется органами правопорядка в виде обысков, изъятия запрещенной литературы и символики, задержаний и арестов, осуществляемых преимущественно в местах компактного проживания крымских татар. Целью указанных действий является предотвращение экстремистской деятельности и ликвидации т. н. «спящих ячеек» – запрещенных в России радикальных религиозных организаций [13; 14]. Указанные действия органов правопорядка часто сопровождаются недовольством и протестными выступлениями крымских татар жителей поселков и в дальнейшем активно используется украинскими, крымскотатарскими (на территории Украины) и западными СМИ в антироссийской риторике, в т. ч. среди крымскотатарского населения республики.

Наиболее резонансно указанная форма проявленности социокультурных конфликтов и противоречий была отмечена в Симферопольском, Бахчисарайском, Белогорском районах, а также Алуштинском, Судакском, Ялтинском городских округах, единичные случаи отмечены в Джанкойском и Ленинском районах. Подобная география концентрации социокультурных конфликтов и противоречий фиксируется нами с начала 2000-х годов, формируя ареал устойчивой конфликтогенности, в пределах группы центральных и южных районов полуострова [6; 8; 15]. При этом следует отдельно указать на то, что все вышеупомянутые трансформации относятся к вариантам внутренних (внутрирегиональных) противоречий и конфликтов. После воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией впервые и крайне остро проявила себя внешняя конфликтная составляющая, источником которой выступило украинское государство. Именно украинские государственные и неподконтрольные государству организации неоднократно пытались дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в Крыму, основной формой организации данных попыток стали диверсии. В 2016, 2017 годах на полуострове сотрудниками специальных служб и правоохранительных органов Российской Федерации задерживались диверсионно-террористические группы, пресекались и устранялись последствия диверсии и провокаций. Диверсионные действия Украинской стороны в 2016, 2017 годах отмечены 9 случаями, наиболее резонансно актуализированных на территории Армянского, Алуштинского, Судакского городских округов, диверсионные группы задерживались в городах Симферополе и Севастополе.

Выводы

Крымская региональная общественная система дважды переживала мощные трансформационные процессы, связанные с глобальными геополитическими метаморфозами: после распада Советского Союза, в результате которого полуостров стал одним из субъектов Украинского государства, и в 2014 году в

результате изменения субъектности Крыма после воссоединения с Российской Федерацией. Начиная с 90-х годов на полуострове фиксируются проявления социокультурной конфликтности и противоречий, постоянно расширяющих формы проявленности и географию локализации. Отправной точкой мощных трансформационных процессов крымского регионального сообщества стал наиболее конфликтногенный 2014 год. Трансформационные процессы коснулись всех сфер жизни общественно-политической системы, в том числе сформировавшихся в регионах Крыма социокультурных конфликтов и противоречий. С 2014 года кардинально меняется политико-правовая среда развития общественных процессов, это привело к подчиненности возможных ранее конфликтов «букве закона», нивелированию источников конфликтности. Следствием указанных трансформаций стало сокращение вариантов фиксируемых ранее форм проявленности конфликтов и противоречий. Конфликтные ситуации и противоречия постепенно приобретают латентную форму, не приводящую к эскалации и резонансности протекания. Основными актуализированными формами проявления конфликтов и противоречий остаются акты вандализма, а также вызывающая настороженность и недовольство части населения Крыма профилактика экстремизма. Наиболее резонансной формой становятся диверсии (попытки организации диверсии) на территории полуострова, проводимые подконтрольными украинскому государству организациями.

Литература

1. Швец А. Б., Яковлев А. Н. Типологический подход в исследовании социокультурной конфликтности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. География. Т. 20 (59). 2007. № 2. С. 73–77.
2. Овсей Шкаратан. Социология неравенства. Теория и реальность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/ovsey_shkaratan/sociologiya_neravenstva_teoriya_i_realnost/read.
3. Воротнюк М. А. Конфликты в Черноморском регионе: некоторые аспекты теоретического анализа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rerfdb.ru/look/2709243.html>.
4. Киселев С. Н. Обилие конфликтов в Причерноморье естественно, - эксперт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novoross.info/politiks/15469-obilie-konfliktov-v-prichernomore-estestvenno-ekspert.html>.
5. Самсонов А. В зоне внимания – Черное море. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/3044-v-zone-vnimaniya-chernoe-more.html>.
6. Яковлев А. Н. Территориальные формы локализации социокультурных противоречий в современном Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2008. Вып. 1–2. С. 112–116.
7. Айдынгюн И. Крымские татары: конфликт или стабильные отношения между русскими жителями полуострова и украинцами? // Россия и мусульманский мир. 2005. № 3 (153). С.62–70.

8. Шве́ц А. Б., Беднарский И. Г., Яковлев А. Н. Проявления социокультурной конфликтности в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 73. С. 165–175.
9. Яковлев А. Н. Территориальные особенности социокультурных конфликтов в Российском Крыму (2014г.) // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: География. 2014. Т. 22. № 3. С. 52–60.
10. Киселева Н. В., Мальгин А. В., Петров В. П., Форманчук А. А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
11. Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым // Информация об основных наиболее важных результатах реализации государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия» на 2015–2017 годы» за 2016 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gkmn.rk.gov.ru/file/info_zal6.pdf.
12. Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Крым стабильное – Заур Смирнов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gkmn.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/354785.htm>.
13. ФСБ раскрыла деятельность ячейки террористической организации в Крыму. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusnext.ru/news/1507708979>.
14. Полуостров без экстремизма: ФСБ пресекла деятельность ячейки «Хизбут – Тахрир» в Крыму. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cont.ws/@id347647498/738632>.
15. Шве́ц А. Б., Яковлев А. Н. Динамика территориальной локализации социокультурных противоречий в современном Крыму // Проблемы гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Сборник научных статей. Симферополь, 2009. С. 67–77.

Yakovlev A. N.

***The transformation of socio-cultural
conflicts of the Crimea in the new
geopolitical realities***

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Simferopol, Russian Federation
e-mail: andrey_yakovlev84@mail.ru

Abstract. *The article describes the main trends of transformation of socio – cultural conflict in the Crimea after 2014, on the example of changes in one of the basic components of socio-cultural conflict processes-the form of manifestation of conflicts and contradictions.*

Keywords: *socio-cultural conflict, transformation, form of manifestation of the conflict, the black sea region.*

References

1. SHvec A. B., YAkovlev A. N. Tipologicheskij podhod v issledovanii sociokul'turnoj konfliktnosti // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Geografiya. T.20 (59). 2007. № 2. S.73-77. (in Russian)
2. Ovsey SHkaratan - Sociologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://modernlib.ru/books/ovsey_shkaratan/sociologiya_neravenstva_teoriya_i_realnost/read. (in Russian)
3. Vorotnyuk M. A. Konflikty v CHernomorskom regione: nekotorye aspekty teoreticheskogo analiza. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://regfdb.ru/look/2709243.html>. (in Russian)
4. Kiselev S. N. Obilie konfliktov v Prichernomor'e estestvenno, - ehkspert. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://novoross.info/politiks/15469-obilie-konfliktov-v-prichernomore-estestvenno-ehkspert.html>. (in Russian)
5. Aleksandr Samsonov. V zone vnimaniya - CHernoe more 23.05.2018. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://topwar.ru/3044-v-zone-vnimaniya-chernoe-more.html>. (in Russian)
6. YAkovlev A. N. Territorial'nye formy lokalizacii sociokul'turnyh protivorechij v sovremennom Krymu // Geopolitika i ehkogeodinamika regionov. 2008. Vyp.1-2. S. 112-116. (in Russian)
7. Ajdyngyun Ismail Krymskie tatary: konflikt ili stabil'nye otnosheniya mezhdu russkimi zhitelyami poluostrova i ukraincami? [Tekst] // Rossiya i musul'manskij mir. 2005. № 3 (153). S.62 – 70. (in Russian)
8. SHvec A. B., Bednarskij I. G., YAkovlev A. N. Proyavleniya sociokul'turnoj konfliktnosti v Krymu // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2006. № 73. S.165 -175. (in Russian)
9. YAkovlev A. N. Territorial'nye osobennosti sociokul'turnyh konfliktov v Rossijskom Krymu (2014g.) // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Geografiya. 2014. T. 22. № 3. S. 52-60. (in Russian)
10. Kiseleva N. V, Mal'gin A.V., Petrov V.P., Formanchuk A.A. EHtnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih resheniya. Simferopol': Salta, 2015. 352 s. (in Russian)
11. Gosudarstvennyj komitet po delam mezhnacional'nyh otnoshenij i deportirovannyh grazhdan Respubliki Krym // Informaciya ob osnovnyh naibolee vazhnyh rezul'tatah realizacii gosudarstvennoj programmy Respubliki Krym po ukrepleniyu edinstva rossijskoj nacii i ehtnokul'turnomu razvitiyu narodov Rossii «Respublika Krym – territoriya mezhnacional'nogo soglasiya» na 2015 - 2017 gody» za 2016 god. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://gkmn.rk.gov.ru/file/info_zal6.pdf. (in Russian)
12. Sostoyanie mezhnacional'nyh i mezhhkconfessional'nyh otnoshenij v Respublike Krym stabil'noe – Zaur Smirnov. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://gkmn.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/354785.htm>. (in Russian)
13. FSB raskryla deyatel'nost' yachejki terroristicheskoy organizacii v Krymu. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://rusnext.ru/news/1507708979>. (in Russian)

14. Poluostrov bez ehktremizma: FSB presekla deyatel'nost' yachejki «Hizbut - Tahrir» v Krymu. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cont.ws/@id347647498/738632>. (in Russian)
15. SHvec A. B., YAkovlev A. N. Dinamika territorial'noj lokalizacii sociokul'turnyh protivorechij v sovremennom Krymu // Problemy garmonizacii mezhehtnichnyh i mezhekfessional'nyh otnoshenij v Krymu. Sbornik nauchnyh statej. Simferopol', 2009. S. 67-77. (in Russian)

Поступила в редакцию 28.05.2018 г.

РАЗДЕЛ II

ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ

УДК 911.3:316

И. Н. Воронин¹

Н. В. Страчкова²

Е. А. Лукьяненко³

Потенциал сбыта рекреационного продукта Крыма на рынке стран Причерноморья

^{1, 2, 3} ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Таврическая академия
(структурное подразделение), г. Симферополь
e-mail: natastrachkova@mail.ru

Аннотация. Проведена оценка потенциала сбыта Республики Крым на рынке рекреационных услуг стран Причерноморья. Определены основные конкурентные регионы Причерноморья. Проведена оценка транспортной доступности регионов с использованием метода топологических расстояний. Выделены типы регионов в зависимости от величины индекса потенциала сбыта туристского продукта.

Ключевые слова: геомаркетинг, потенциал сбыта, регион Причерноморья, конкурентные позиции.

Введение

Трансформация социально-экономической географии в географию общественную позволяет представить целостную картину территориальной организации и комплексно-пропорционального развития жизни общества. При этом возрастает потребность в специальных исследованиях территориальной организации рыночных структур, понимаемых как общественно-географические образования, при изучении которых необходимо ориентироваться на социальный заказ.

В мировой практике подобный вид исследований развивается в рамках особого научно-практического направления – геомаркетинга. Использование методического инструментария геомаркетинга создает базу для принятия эффективных управленческих решений в условиях конкурентной бизнес-среды, формирования позитивного имиджа территории и усиления ее конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности.

Методы геомаркетинга весьма перспективны для исследования рынка рекреационных услуг в силу специфики и особенностей спроса и предложения. Рекреационный продукт как специфический вид услуги отличается неосязаемостью, индивидуальным характером потребления, неспособностью хранения, неразрывностью процесса производства и потребления при условии учета не только результата, но и самого процесса оказания услуги. Спрос на рекреационный продукт отличается индивидуальностью, предшествует производству, имеет местный характер и практически невзаимозаменяем. При отсутствии ограничений в потреблении рекреационного продукта, значительной эластичности относительно конъюнктуры рынка, уровня доходов и цен характерен значительный территориальный разрыв между центрами формирования рекреационного спроса и местами его реализации, что делает рекреационный спрос чувствительным к величине транспортных тарифов.

В условиях политических и экономических трансформаций, произошедших в последние годы, отрасль туризма Республики Крым претерпела существенные изменения в связи с переориентацией на российский потребительский рынок. Это обусловило значительное количество научных и практических межотраслевых исследований в сфере оптимизации транспортного комплекса в направлении поиска путей снижения цен на транспортную составляющую турпакетов, уменьшения времени в пути и повышения уровня удобства и комфорта туристов в процессе прибытия к месту отдыха, повышения инвестиционной активности в туристской и транспортной отрасли Крыма.

При этом следует отметить, что Республика Крым имеет достаточно мощный туристско-рекреационный потенциал, способный обеспечить конкурентные позиции региона не только на национальном, но и на международном рынке рекреационных услуг, что отражают задачи Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым на 2017–2020 годы [1]. Этим обусловлена необходимость оценки потенциала сбыта Крыма на макрорегиональном туристском рынке. Несмотря на санкционный режим, спрос на рекреационные услуги Крыма формируется в основном за пределами региона, при этом число иностранных туристов в 2017 году составило более 500 тыс. чел., что обеспечило Крыму третью позицию в рейтинге въездного туризма Российской Федерации после Краснодарского края и Приморья [2]. В связи с чем исследования, направленные на выявление потенциальных возможностей рекреационного продукта Крыма на рынке стран Причерноморья, одновременно выступающих как конкурирующие рынки, так и рынки потенциального межрегионального взаимодействия, представляются весьма своевременными и актуальными.

Целью данной статьи явилась оценка потенциала сбыта рекреационного продукта Крыма на рынке рекреационных услуг стран Причерноморья.

Материалы и методы

Для оценки потенциала сбыта рекреационного продукта Республики Крым на рынке стран Причерноморья был разработан алгоритм исследования, включивший такие этапы, как:

- выбор потенциальных рынков Причерноморского региона;
- оценка транспортной доступности с использованием модифицированного нами метода топологических расстояний. Его сущность заключается в определении индекса потенциала сбыта продукции или услуг. Учитывая прямо пропорциональную зависимость спроса на туристский продукт от уровня доходов и числа потребителей и обратно пропорциональную – от расстояния до места проведения отдыха и уровня цен туристского предложения региона, формулы расчета потенциала сбыта выглядит следующим образом:

$$V_j = (C_j P_j / R_{ij} K_i) / 100 \quad (1),$$

где V_j – индекс потенциала сбыта j -го рынка;

C_j – объем туристского потока j -го рынка, млн чел.;

P_j – средняя заработная плата j -го рынка, тыс. руб.;

R_{ij} – кратчайшее (топологическое) расстояние j -го рынка от рынка реализации спроса i , тыс. Км;

K_i – средняя цена туристского пакета рынка реализации спроса i .

- определение сильных и слабых сторон Республики Крым на рынке Причерноморского региона.

Результаты и обсуждение

На макрорегиональном уровне на рынке рекреационных услуг Республика Крым как субъект Российской Федерации вступает в конкурентные отношения с Краснодарским краем Российской Федерации, а также с приморскими регионами стран-соседей, имеющих выход к Азово-Черноморскому бассейну – Грузии, Абхазии, Болгарии, Румынии, Турции.

Все регионы имеют близкие природные и экономические предпосылки для развития рекреационной деятельности; их основные рекреационные районы располагаются на побережье Черного моря. Исключение составляет Турция, наиболее развитая сеть курортов которой находится на побережье Средиземного моря. Однако Черноморское побережье Турции согласно Стратегии развития туризма страны до 2023 года относится к потенциальным, с проектированием здесь тематических туристских зон, туристских городов и коридоров туристского развития [3].

Географическое положение регионов Причерноморья достаточно выгодное, все они имеют приморское положение, удобные бухты для развития портовой инфраструктуры. Близость к Средиземному морю и возможность прямого выхода через проливы Босфор и Дарданеллы способствует внешней торговле. Следует отметить, что большинство регионов Причерноморья являются определенными точками напряжения, местом схождения интересов мировых и региональных держав, доходящие в отдельных случаях до активных действий. Поэтому геополитическое положение отдельных регионов Причерноморья является лимитирующим фактором развития туристской деятельности. Это в первую очередь относится к Республике Крым и Республике Абхазии, остающимися непризнанными для международного сообщества, что ограничивает развитие в них международного туризма. Геополитические позиции Турции ослабляет курдский конфликт и близость Сирии, а Грузии – политические противоречия с Российской Федерацией, непризнание Абхазии и близость к Армении и Азербайджану и региону Нагорного Карабаха.

Приморские регионы стран Причерноморья можно рассматривать как своеобразную систему рынков, являющихся в той или иной степени как партнерами, так и конкурентами на рынке рекреационных услуг России. Учитывая, что одним из факторов, препятствующих посещению рекреационной территории, является ее удаленность от мест проживания потенциальных потребителей рекреационных услуг. Основным рынком формирования спроса на услуги рекреационных регионов стран Причерноморья нами выбрана Москва, имеющая наиболее развитую систему авиационных сообщений и наиболее емкий генерирующий рынок: по данным исследований Министерства курортов и туризма Республики Крым, более 30 % туристского потока формируется в Москве и Московской области [4].

Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Оценка потенциала сбыта стран Причерноморья на рынке рекреационных услуг Российской Федерации (Москва)

Рынок реализации спроса	Расстояние по прямой, км	Объем туристского потока, млн чел.	Средняя цена туристского предложения, тыс. руб.	Индекс потенциала сбыта
Р. Крым	1227	4,8	от 65	0,42
Краснодарский край	1361	15,8	от 48	16,42
Болгария	1520	0,56	от 45	0,56
Румыния	1437	0,02	от 75	0,13
Турция	2162	4,5	от 50	2,83
Грузия	1598	1,1	от 60	0,78
Абхазия	1400	4,3	от 25	8,34

Составлена авторами

Средняя заработная плата в Москве на 2018 составила 67 899 руб. Средняя цена туристского предложения определялась как стоимость тура на 6 ночей в июле на 2 взрослых от ведущих туроператоров России (Библио Глобус и Tez Tour). Цена включала авиаперелет из Москвы и обратно, проживание в номере стандарт отеля 3*, завтрак (кроме Турции все включено). Наиболее выгодную ценовую позицию занимает Абхазия, туры в Гагру в среднем предлагаются в диапазоне 20–30 тыс. руб. Предложения туров в Румынию явились наиболее ограниченным и отсутствовали на данный период у крупнейших туроператоров. Несмотря на то, что предложение в Республику Крым находится в среднем ценовом диапазоне, оно оказалось дороже, чем международные туры в Болгарию, Турцию или Абхазию, что ухудшает конкурентные позиции Крыма.

Таким образом, распределение регионов Причерноморья по индексу потенциала сбыта относительно генерирующего рынка Москвы и его основным параметрам имеет следующий вид (рис. 1).

Данные регионы в зависимости от величины потенциала сбыта можно разделить на 3 основные группы:

1 группа – регионы со значением потенциала сбыта выше среднего. К ней относятся Краснодарский край и Абхазия. При этом высокие значения индекса обусловлены разными причинами. Краснодарский край, обладая достаточной материально-технической базой, богатыми природно-рекреационными и историко-культурными ресурсами для конкурентного развития рынка санаторно-курортных и туристских услуг, является лидером внутреннего туристского спроса Российской Федерации. Краснодарский край имеет 500 км побережья на Черном и Азовском морях, 18 курортных территорий, из которых 3 имеют статус федерального значения, в том числе горно-климатический круглогодичный курорт Сочи как явное конкурентное преимущество. При этом расстояние не является явным лимитирующим фактором, также существует возможность использовать помимо

авиационного как относительно недорогого железнодорожный транспорт, так и более удобный для семейного отдыха автомобильный транспорт.

Абхазия, привлекая практически такой же объем туристского потока, как и Крым, имеет более высокие значения индекса потенциала сбыта в основном за счет самого конкурентного ценового предложения. Стоимость одного туродня в 2017 году в Абхазии почти в 3 раза ниже, чем в Краснодарском крае и в 3,5 раза ниже, чем в Крыму. Это усиливает влияние ценовой конкуренции и обостряет риски развития рынка рекреационных услуг даже наиболее успешных регионов Причерноморья. При этом Абхазия по сравнению с Краснодарским краем имеет более богатое культурно-историческое наследие как фактор привлекательности потенциальных потребителей, лимитирующими факторами выступают значительная изношенность материально-технической базы, несовершенство системы продвижения туристского продукта республики, а также необходимость пересечения российско-абхазской границы.

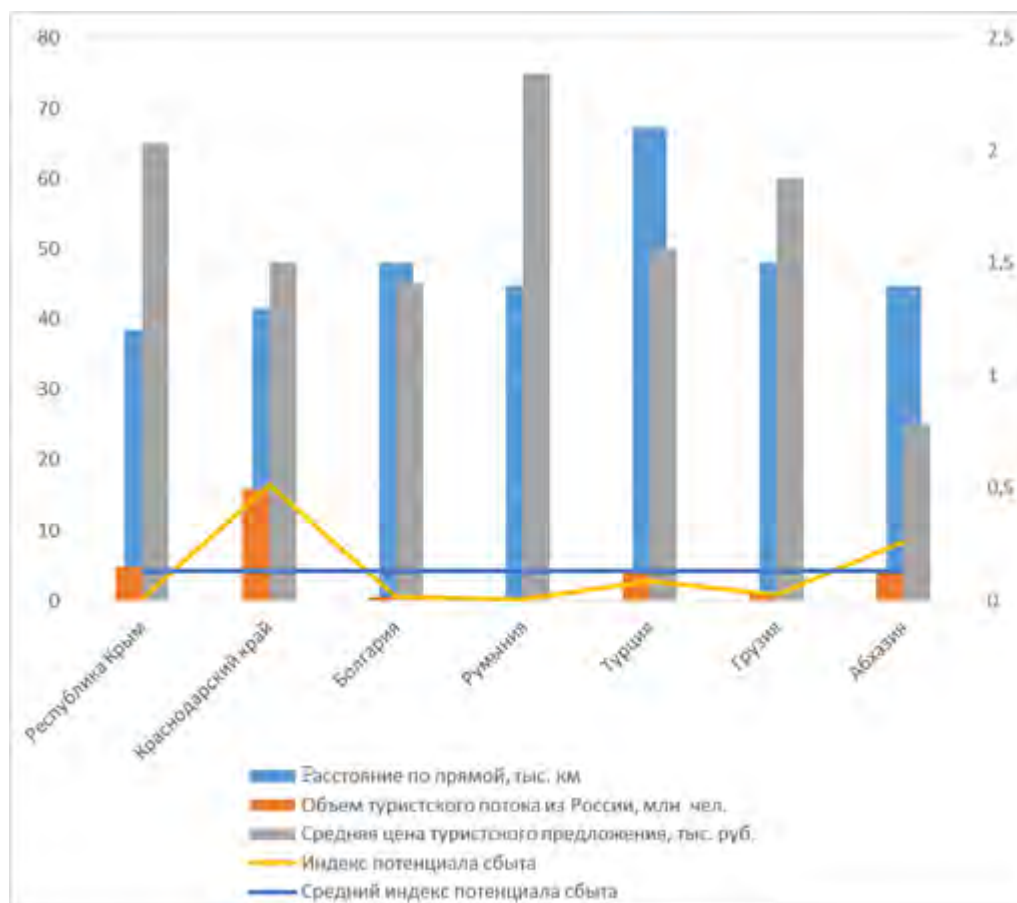

Рис. 1. Распределение регионов Причерноморья по индексу потенциала сбыта на генерирующем рынке Москвы. Составлено авторами

2 группа – регионы со значением потенциала сбыта, приближенного к среднему. К данной группе относится Турция – одно из крупнейших направлений выездного туризма в России. Главным преимуществом Турции является сглаживание проблемы значительной территориальной удаленности организацией

как регулярных, так и чартерных рейсов, достаточно выгодная ценовая позиция на рынке, обусловленная повсеместным использованием системы «все включено», а также более продолжительный период комфортной купально-пляжной рекреации и значительный культурно-исторический потенциал. Ограничения на авиасообщения с пляжными курортами Египта еще более укрепило Турцию на российском туристском рынке. Данное направление справедливо оценивается аналитиками журнала *International Investment* как способное к небыстрому, но стабильному развитию [5].

3 группа – регионы с низким значением потенциала сбыта. К данной группе относятся недостаточно освоенные направления зарубежного выездного туризма России в Болгарию, Румынию и Грузию, а также Республика Крым. Снижение популярности курортов Болгарии и Румынии в 2016 и 2017 гг. объясняется отказом от зарубежных поездок граждан Российской Федерации со средним доходом, формировавших основной спрос на данные страны. На данную ситуацию не повлияло даже закрытие турецкого направления в 2016 году. Потенциал сбыта данных стран на российском рынке снижается также благодаря низкому по сравнению с другими странами ЕС уровню сервиса, а также национальной политике импортозамещения, активно продвигающей отдых в России.

При этом отмечается рост доли Грузии на российском рынке выездного туризма. Географическая близость, высокий туристский потенциал и достаточно выгодное ценовое предложение делает Грузию привлекательной для туристов среднего уровня доходов, и для многих Грузия способна заменить ставшие менее доступными иные направления, в частности европейское или турецкое, ставшее для российских потребителей традиционным, и стать новым трендом рынка рекреационных услуг стран Причерноморья.

Республика Крым, являясь единственным в данной группе внутренним туристским рынком, имеет относительно низкий индекс потенциала сбыта. Несмотря на определенный рост туристских предпочтений на рынке внутреннего туризма Российской Федерации, до последнего времени проблемы транспортной доступности и высоких цен, а также санкционного режима со стороны Украины и мирового сообщества выполняли роль лимитирующих факторов спроса на региональный туристский продукт. Учитывая также определенные внутренние проблемы, в том числе доступность пляжей как основного рекреационного ресурса Республики и их санитарное состояние, чистота туристских центров, низкое качество услуг санаторно-курортных и гостиничных организаций [4], потенциал сбыта услуг Республики Крым на рынке стран Причерноморья в существующих условиях не может быть реализован полностью и не соответствует имеющемуся туристско-рекреационному потенциалу. Определенный положительный эффект принесет открытие Крымского моста в начале курортного сезона 2018 года, что снизит проблемы транспортной доступности для автотуристов и ослабит зависимость посещения Крыма от погодных условий и работы Керченской паромной переправы, а также нового терминала международного аэропорта «Симферополь», который является наиболее инновационным в России. Однако одной из первоочередных мер активизации туристского потока является снижение цен на туристско-рекреационные услуги региона, которые при низком качестве обслуживания значительно влияют на снижение потенциала сбыта и ухудшают конкурентные позиции региона.

Выводы

Сегодня крымский рекреационный продукт рассчитан в основном на внутренний российский рынок, в связи с чем исследование потенциала спроса российского генерирующего рынка относительно стран Причерноморского региона является весьма актуальным. Для оценки влияния транспортной доступности, а также иных факторов, усиливающих или ослабляющих воздействие последней на объем туристского потока, был использован метод определения индекса потенциала сбыта.

В целом оценка потенциала сбыта с учетом стимулирующих и лимитирующих факторов развития туристско-рекреационной сферы регионов стран Причерноморья отражает определенную дифференциацию с резким преобладанием Краснодарского края как главного сегмента внутреннего туристского рынка и новых растущих направлений туристского потока – Грузии и Абхазии. В связи с чем вызовы для Крыма относительно укрепления конкурентных позиций в данных сегментах обусловлены необходимостью снижения цен с одновременным повышением качества туристского обслуживания, а также совершенствованием транспортной инфраструктуры. При этом следует отметить, что данную оценку целесообразно осуществлять в комплексе с другими факторами формирования спроса на рекреационный продукт региона.

Литература

1. Постановление Совета Министров Республики Крым от 29 декабря 2016 г. № 650 «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым на 2017–2020 годы». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/strategy/gosprog/utv/03/razvitiya_kurortov.pdf.
2. ТурСтат. Итоги въездного туризма в Россию в 2017 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://turstat.com/foreigntravelrussia2017>
3. Tourism Strategy of Turkey – 2023 / Ministry of Culture and Torism. - Ankara, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kuiturism.gov.tr>
4. О развитии туристской отрасли Республики Крым за 2017 год. Отчет Министерства курортов и туризма Республики Крым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpMDdz5m_2017.pdf
5. Российский выездной туризм 2014–2017: тренды и рейтинги. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://internationalinvestment.biz/uploads/files/2018-02/1517939625_rossiiskogo-vyeznogo-turizma-2014_2017.pdf

Voronin I.,
Strachkova N.
Lykyanenko E.

Structural and dynamic features of recreational agglomeration

^{1, 2, 3}V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Simferopol, Russian Federation
e-mail: ³natastrachkova@mail.ru

Abstract. *The potential of the Republic of Crimea sales in the market of recreational services of the black sea countries is estimated. The main competitive regions of the black sea region are determined. The estimation of transport accessibility of regions using the method of topological distances is carried out. The types of regions depending on the value of the index of the potential sales of the tourist product are identified.*

Key words: *geomarketing, sales potential, black sea region, competitive positions.*

References

1. Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Krym ot 29 dekabrya 2016 g. №650 «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy razvitiya kurortov i turizma v Respublike Krym na 2017-2020 gody». [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/strategy/gosprog/utv/03/razvitiya_kurortov.pdf. (in Russian).
2. TurStat. Itogi v"ezdnogo turizma v Rossiyu v 2017 godu. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://turstat.com/foreigntravelrussia2017>. (in Russian).
3. Tourism Strategy of Turkey - 2023 / Ministry of Culture and Torism. - Ankara, 2007. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://kuiturism.gov.tr>.
4. O razvitii turistskoj otrasli Respubliki Krym za 2017 god. Otchet Ministerstva kurortov i turizma Respubliki Krym. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpMDdz5m_2017.pdf. (in Russian).
5. Rossijskij vyezdnoj turizm 2014-2017: trendy i rejtingi. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://internationalinvestment.biz/uploads/files/2018-02/1517939625_rossiiskogo-vyeznogo-turizma-2014_2017.pdf. (in Russian).

Поступила в редакцию 20.05.2018 г.

УДК 911.3.338.48

И. М. Яковенко

Туризм в Причерноморье: новые вызовы

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь
E-mail: yakovenko-tnu@ya.ru

Аннотация. В статье рассмотрено место Причерноморского региона в мировом туристском движении. Определено влияние комплекса факторов на структуру и динамику туристских потоков, дана характеристика сдвигов в территориальной организации курортов и туристских районов. Выявлены важнейшие тенденции и проблемы развития туризма, обозначены приоритетные направления сотрудничества причерноморских стран в сфере туризма.

Ключевые слова: Причерноморье, национальный туристский продукт, международное кооперирование в сфере туризма.

Введение

Благодаря своему стратегическому положению, Причерноморский регион является зоной пересечения геополитических, деловых, социокультурных, экологических и иных интересов многих государств, международных политических и экономических альянсов и надгосударственных институтов. Одним из приоритетных направлений его развития становится туризм, не только удовлетворяющий разнообразные рекреационные потребности местного населения и гостей стран Причерноморья, но и выступающий средством региональной консолидации и налаживания межкультурных коммуникаций.

Причерноморье выступает развивающимся международным туристским рынком, состояние и перспективы развития которого являются предметом рекреационно-географических и экономических исследований. С начала 2000-х гг. особое внимание уделялось анализу конкурентных преимуществ стран и регионов Причерноморья [8], оценке влияния туризма на экономику, социальную сферу и окружающую среду региона [3; 5; 7; 11; 13; 25]. Так, в статье Булин Д., Миру Н. и Георгец Г. отмечается, что если социальные и экологические последствия туристской активности в Причерноморье являются одновременно как позитивными, так и негативными, то выгоды для экономики от развития туризма и индустрии путешествий бесспорны. Важность туризма для 12 стран Черноморского региона авторы оценивают на основе показателей удельного веса туризма в ВВП и в численности занятых, а также путем расчета мультипликационного эффекта, производимого туризмом в национальных экономиках [11]. В исследовании Реутова В.Е. и Вельгош Н.З. также уделено внимание межстрановому сопоставлению основных показателей влияния международного туризма на социально-экономическое развитие стран Причерноморья; в качестве репрезентативных использованы показатели доли

доходов от международного туризма в ВВП страны, числа занятых в туризме от общего числа занятых, удельного веса валютных поступлений от туризма в экспорте страны и доли ПИИ в туристской сфере в общем объеме ПИИ. Авторами предпринята попытка прогнозирования макроэкономических показателей в сфере туризма региона на основе расчета многолетних темпов роста отмеченных показателей [5].

Немногочисленные публикации посвящены выявлению актуальных геоэкологических проблем и поиску путей устойчивого развития туризма в Причерноморье [13].

Высокая динамика современных геополитических, социокультурных и социально-экономических процессов в странах Черноморского региона формирует сложную внутреннюю и внешнюю среду для развития туристского бизнеса, функционирования систем национального управления и межгосударственной координации в сфере туризма. Актуальной задачей выступает комплексный мониторинг условий и факторов развития регионального туризма с целью выявления новых вызовов и обоснования стратегических и оперативных задач.

Целью данной статьи является анализ современных тенденций и проблем развития туризма в Причерноморье под влиянием различных факторов и определение приоритетных направлений сотрудничества причерноморских стран в сфере туризма.

Материалы и методы

В качестве основного метода исследования использован литературно-аналитический метод, в рамках которого проанализированы опубликованные отечественные и зарубежные материалы, имеющие отношение к изучаемой проблеме. Для анализа макроэкономических показателей туристской активности в регионе использовалась статистическая информация UNWTO и других международных туристских организаций, отчетность национальных статистических служб причерноморских стран.

Результаты и обсуждение

Оценить масштабы развития причерноморского туризма можно с известной долей приближенности. Так, если говорить о 6 странах, непосредственно выходящих к Черному морю, то их суммарный въездной туристский поток оценивается, по данным 2016 г., в 90,9 млн чел. В рамках Организации черноморского экономического сотрудничества, насчитывающей уже 12 стран, данный показатель увеличивается до 125 млн чел. за счет туристских потоков, принимаемых Молдовой, Арменией, Азербайджаном, Сербией, Грецией и Албанией [23]. Обеспечивая 22,5 % международных прибытий и более 15 % валютных поступлений от туризма в Европе, страны Причерноморья согласно типологии стран мира по масштабам участия в международном туризме представляют так называемую полупериферию, уступая центру мирового туристского пространства, представленному высокоразвитыми странами Западной Европы, Северной Америки и Восточной Азии.

Роль причерноморского сегмента в национальной системе туризма рассматриваемых стран неоднородна. Если для Болгарии, Румынии, Грузии и России побережье Черного моря выступает фокусом в траекториях движения

туристских потоков (более 1/3 въездного потока страны), то в Турции Причерноморье до недавнего времени находилось в тени традиционных средиземноморских курортов и рассматривалось как район отложенного рекреационного освоения.

Динамика числа туристов и валютных поступлений на протяжении последних 16 лет имела положительный тренд в большинстве стран Причерноморья за исключением России и Украины (рис. 1). В России в 2016 г. число прибытий туристов сократилось на 2,6 млн чел. по сравнению с 2015 г., а валютные доходы снизились с 11,8 млрд долл. в 2014 г. до 7,8 млрд долл. в 2016 г. Отрицательную динамику макроэкономических показателей развития туризма имела также Украина: въездной поток в страну в 2016 г. по сравнению с 2010 г. снизился на 7,9 млн чел. (37,3 %), валютные поступления от туризма за тот же период уменьшились в 3,5 раза [23].

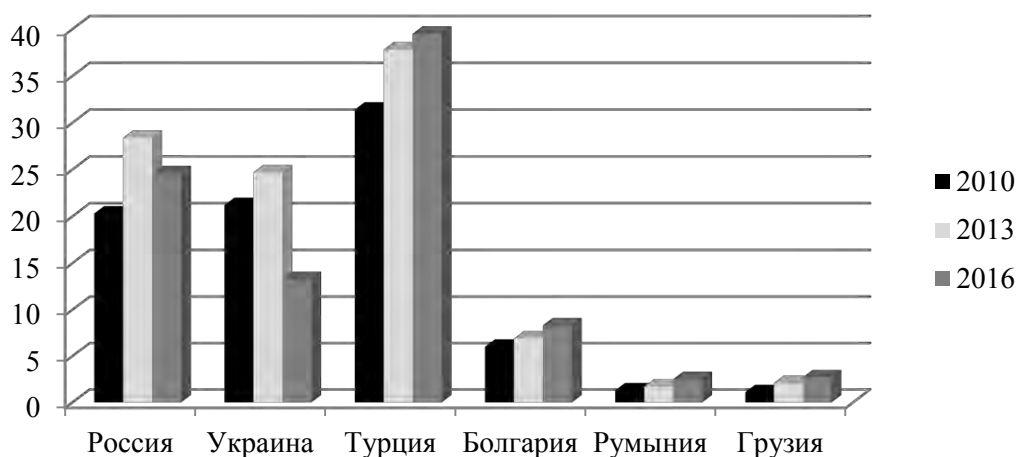

Рис. 1. Число въездных туристов в страны Причерноморья в 2010–2016 гг., млн чел. Составлено по: [12; 16; 19; 20; 23]

Развитие туризма в Причерноморском регионе определяется многими факторами, среди которых важнейшую роль играют следующие:

- природно-географические (объем и структура природно-ресурсного рекреационного потенциала территории);
- социокультурные (этноконфессиональная структура населения, культурное наследие, уровень развития межкультурных связей);
- социально-экономические (уровень социально-экономического развития страны и ее регионов, туристская политика государства, международное кооперирование);
- геополитические (развитие отношений между государствами региона, реальные и потенциальные конфликты);
- экологические (состояние окружающей среды Причерноморья).

На разных этапах рекреационно-географического процесса роль отдельных факторов усиливалась или ослабевала. На стадии рекреационного освоения территории высокую значимость имело наличие ресурсного потенциала рекреации и его пространственная структура, в т. ч. размещение пляжных ресурсов, запасов минеральных вод и грязей, гор и лесных угодий, объектов культурного наследия.

Особую аттрактивность дестинации у потенциальных туристов обеспечивает наличие уникальных объектов, включенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В странах изучаемого региона таких объектов в 2017 г. насчитывалось: в Болгарии – 10; в Грузии – 3; в Румынии – 8; в Турции – 14; на Украине – 7; в России зарегистрировано 23 объекта из Списка ЮНЕСКО, однако непосредственно в Причерноморском регионе они не представлены [6].

В настоящее время многократно усилилось влияние геополитического фактора и ряда социально-экономических детерминант, среди которых немаловажное значение приобретает туристская политика государств и интересы крупных игроков туристского рынка, в т. ч. гостиничных корпораций и ведущих туроператоров.

Геополитический фактор в развитии туризма, по мнению Александровой А. Ю. и Крутиковой М. В., проявляется в четырех группах геополитических ситуаций. Первая группа ситуаций оказывает резко негативное воздействие на состояние туризма (в т. ч. политические революции с применением насилия, военные действия, международный терроризм, техногенные катастрофы, закрытость государства); вторая группа ситуаций, также негативного характера, представлена «бескровными» цветными революциями и дипломатическими разногласиями; третья группа включает ситуации нейтрального воздействия – мирное распределение территорий стран и сепаратистские движения; четвертая группа геополитических ситуаций влияет на состояние туризма положительно (процесс глобализации с развитием ТНК в сфере туризма и формирование глобальных интеграционных экономических группировок) [1]. В оценке роли геополитического фактора для развития туристско-рекреационной сферы Причерноморья необходимо отметить значимость геополитических ситуаций, относящихся ко всем четырем группам, в т. ч.:

- деструктивное воздействие политических и экономических санкций Запада, последовавших за вхождением Крыма в состав Российской Федерации. Их результатом стало сокращение потоков въездного и выездного туризма, ухудшение условий туристского и отельного бизнеса, обострение транспортно-логистических проблем вследствие создания барьерной границы между Республикой Крым и Украиной; упадок в черноморском сегменте международного круизного туризма России [10]; изменение конъюнктуры туристского рынка Причерноморья под влиянием ухудшающихся дипломатических отношений между государствами. Показательна динамика политических отношений между Россией и Турцией, отражением которой стало изменение позиций Турции в системе не только регионального, но и мирового туризма. С середины 2000 по 2015 г. крупнейшие российские туроператоры, созданные с участием турецкого капитала (Pegas Turistic, Anex Tour и Coral Travel), реализовывали программу экспансии на туристский рынок чартерных рейсов в Турцию, что обеспечивало ежегодный приток российских туристов на турецкие курорты в объеме не менее 3 млн чел. в год. Отмена Россией безвизового режима и чартерных рейсов в 2016 г. после инцидента с уничтожением Турцией российского бомбардировщика СУ-24 в ноябре 2015 г. обусловила значительные экономические потери от сокращения потока российских туристов, которые в сочетании с потерями от ухудшения внутривнутриполитической обстановки в стране составили суммарно около 8 млрд

долл. (рис. 2). Следствием нормализации двусторонних отношений между Россией и Турцией стало восстановление объемов турецкого направления: уже в 2017 г. в Турцию на отдых выехало 4,4 млн россиян (в 5,7 раз больше, чем в 2016 г.);

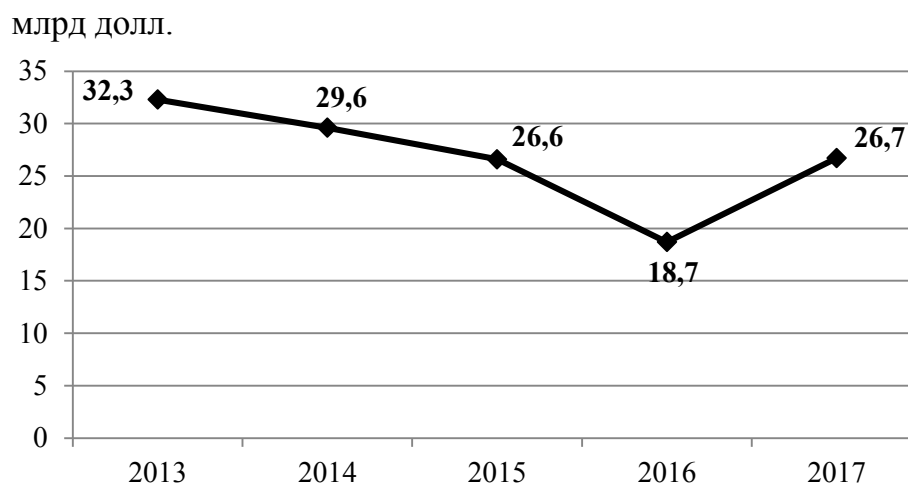

Рис. 2. Изменение доходов от туризма в Турции в 2013–2017 гг., млрд долл.
Составлено по: [20; 23]

- проблема терроризма наиболее остро проявилась в Турции в 2015–2016 гг. В 2015 г. в стране было совершено более 30 террористических актов, погибли более 150 чел., в т. ч. в историческом центре Стамбула, активно посещаемом туристами. Это крайне негативно сказалось на имидже страны как безопасной туристской дестинации;
- принципиальное значение в контексте развития программ международного круизного туризма в акватории Черного моря имеет сохранение открытого статуса черноморских проливов.

Анализ функциональной и территориальной структуры туризма в Причерноморье позволил выявить ряд долгосрочных тенденций. Несмотря на то, что в мире отмечается насыщение, а по некоторым дестинациям – и перенасыщение целевого рынка купально-пляжного туризма, он остается массовым направлением регионального туристского продукта. На протяжении 1970–2000 гг. в прибрежной зоне создавались многочисленные курортные системы, высшей стадией развития которых явилось формирование рекреационных агломераций – Б. Сочи, Б. Ялты, Средиземноморского побережья Турции (Анталья, Аланья, Бодрум, Мармарис и др.), Албена-Варна в Болгарии. В настоящее время перед многими староосвоенными курортами стоит задача радикальной модернизации санаторно-курортного хозяйства, гостиничного фонда и специальной инфраструктуры с учетом возрастающих запросов к качеству туристского сервиса. Большинство стран практически исчерпали возможности дальнейшего экстенсивного рекреационного освоения побережья. В оборот вовлекаются территории со сравнительно худшими и, по этой причине, ранее неиспользуемыми рекреационными ресурсами, которые часто нуждаются в предварительной инженерной подготовке или рекультивации.

Районом масштабного курортного освоения становится Восточное Причерноморье Турции [21]. В последние два года резко вырос поток инвестиций из стран Персидского залива – ОАЭ, Кувейта, Катара и Иордании, а также из Саудовской Аравии. По данным офиса губернатора Трабзона, 1271 объектов жилой недвижимости, в т. ч. гостиниц, были приобретены резидентами арабских стран; город ежегодно посещают около 400 тыс. арабских туристов [22].

В стремлении расширить функциональную структуру рекреации и туризма и сгладить сезонную неравномерность туристских потоков многие страны Причерноморья развивают различные направления массового и специализированного (нишевого) туризма. Это обусловлено наличием либо соответствующих ресурсов, либо желанием получить новые преимущества за счет продуктовых инноваций. К группе ресурсоориентированных видов туризма относится широко представленный в регионе культурный туризм, опирающийся на уникальное культурно-историческое наследие. Он получил развитие во всех странах региона, при этом ряд дестинаций и отдельных объектов приобрели мировую известность (Севастополь, Ливадийский и Воронцовский дворцы в Крыму; Несебыр в Болгарии; Стамбул, Эфес, Троя в Турции; Одесса в Украине; Трансильвания в Румынии и др.).

Среди специализированных видов туризма в Причерноморье представлены: климато-, бальнео- и грязелечение (Россия, Украина, Болгария); горнолыжный туризм (Россия, Болгария, Грузия, Турция); трекинг, спелеотуризм (Крым, Турция, Абхазия).

Экологический туризм относится к числу новых и активно продвигаемых видов туризма в России, Болгарии, Украине и Турции. В Болгарии популярны экомаршруты в Родопях. Турецкая Черноморская зона продолжается коридором Плато с пешеходными горными и экологическими маршрутами, образуя перспективный пояс экологического туризма в стране [2]. В Крыму эколого-просветительские экскурсии организуются в Крымском, Карадагском и Опускском заповедниках, урочище Новом Свете (Голицынская тропа), на Тарханкуте. В Причерноморье Украины экологический туризм традиционно базируется в заповеднике Аскания-Нова, а также проводится в низовьях Ю. Буга и Дуная; дельта Дуная также рассматривается как перспективный район экотуризма в Румынии.

Наиболее высокоразвитую систему яхтинга имеет Турция: она представлена 954 яхтенными компаниями с 1704 яхтами и 17109 койко-местами, 21 маринами, отмеченными Голубым флагом; в турецкие порты заходят 91,5 тыс. иностранных яхт с 104,2 тыс. яхтсменами на борту [20].

Круизный туризм в Черноморском бассейне, призванный консолидировать туристскую систему Причерноморья, демонстрирует явные признаки системного кризиса. Число судозаходов и пассажирооборот резко сократились не только в подвергшихся санкциям портах Крыма, но и в портах соседних стран. В 2013 г. в Севастополь прибыло 130 лайнеров с 37 тыс. пассажирами, в Ялту – 108 судов с 60 тыс. туристов [9]. После вхождения Крыма в состав РФ заход первого круизного лайнера в порты Крыма ожидается в мае 2017 г.; судно будет следовать по маршруту Сочи – Новороссийск – Ялта – Севастополь – Стамбул. По данным ассоциации MedCruise, в 2017 г. число круизных пассажиров на Черном море колебалось от 100 чел. в Трабзоне до 5 тыс. чел. в Сочи (для сравнения: турецкий средиземноморский порт Кушадаси принял 118 тыс. чел.) (рис. 3) [14]. В

перспективе развитие круизного туризма потребует решения многих гидротехнических и инфраструктурных проблем. Например, только два порта Черного моря – Констанца (Румыния) и Одесса (Украина) могут принимать круизные лайнеры длиной более 300 м. Модернизация причального фронта и морских вокзалов уже началась в городах Бургас, Сочи, Ялта и Батуми.

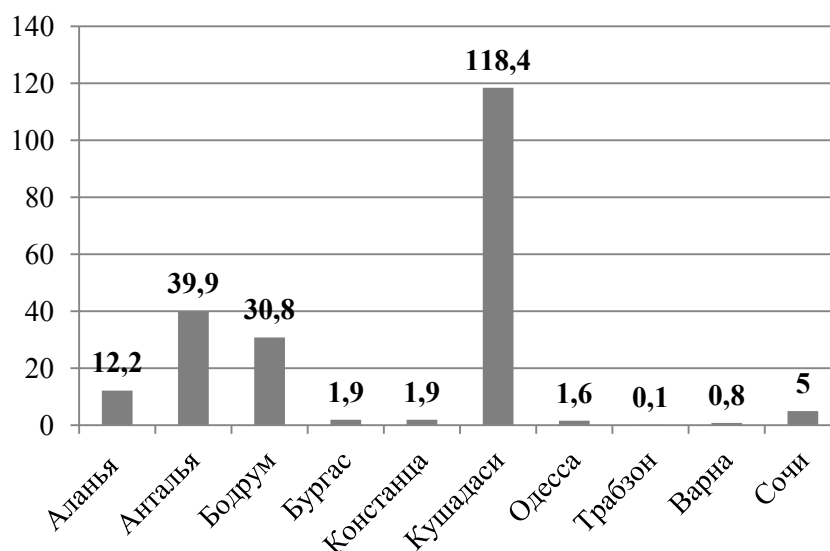

Рис. 3. Число пассажиров круизов в портах Причерноморья, тыс. чел., 2017 г.
Составлено по: [14]

Инновационными направлениями туризма для Черноморского региона выступают SPA-туризм, MICE-туризм, этнографический, гастрономический и винный туризм, гольф-туризм (Турция).

Конкурентная среда туристского рынка Причерноморья, формируемая туристскими продуктами 6 стран, выходящих к Черному морю, характеризуется традиционно высоким уровнем конкурентной борьбы в сегменте оздоровительной купально-пляжной рекреации. Безусловным лидером последних лет выступает Турция, отельеры которой проводят политику демпинговых цен на программы «все включено», пользующихся особой популярностью среди туристов из стран Восточной и Центральной Европы. В общем индексе конкурентоспособности в сфере путешествий и туризма в 2017 г. лучшие позиции в регионе занимали Россия, Турция и Болгария (соответственно, 43, 44, 45 места из 136 возможных) [24].

Закономерностью развития туризма в Причерноморье следует признать неоднородность влияния международного туризма на социально-экономическое развитие стран региона. Данные Всемирного совета по путешествиям и туризму свидетельствуют о сравнительно небольшом прямом вкладе туризма в ВВП страны (1–3 %); исключением являются национальные экономики Турции и Грузии, где данный показатель составляет 4,1 и 8,1 % соответственно (табл. 1). Ориентация этих стран на цели туризма подтверждается также высокими значениями удельного веса туризма в экспорте страны: в Грузии он достигает 40 %, что, однако, косвенно свидетельствует об отсутствии альтернативных направлений экспортного производства товаров и услуг. Среди макроэкономических показателей особого

внимания заслуживает показатель удельного веса туризма в прямых иностранных инвестициях (ПИИ), отражающий степень благоприятности перспектив развития туристской индустрии. Больше привлекательностью для инвесторов в 2017 г. обладали Турция, Болгария и Румыния. Вклад международного туризма в национальную экономику России можно оценить как минимальный: по данному показателю в 2016 г. она занимала 168 позицию из 185 участвующих в рейтинге стран мира, в долгосрочном прогнозе до 2027 г. ожидается сдвиг на 157 ступень рейтинга.

Таблица 1.

Макроэкономические показатели развития международного туризма в странах Причерноморья (World Travel & Tourism Council, 2017 г.)

Страна	Прямой вклад туризма в ВВП страны, %	Удельный вес туризма в числе занятых, %	Удельный вес туризма в экспорте страны, %	Удельный вес туризма в ПИИ, %
Болгария	3,4	3,2	12,0	7,5
Грузия	8,1	6,8	40,0	3,6
Р. Федерация	1,3	1,2	3,5	3,0
Румыния	1,3	2,4	2,7	8,1
Турция	4,1	1,8	14,0	12,5
Украина	1,5	1,3	2,8	1,9

Составлено по: [24]

Тенденцией последних лет является усиление роли государства в разработке, создании и продвижении национального туристского продукта. Координирующая функция государственных институтов прежде всего проявляется в стратегическом планировании развития туристской отрасли, использовании организационных и экономических методов в рамках государственной туристской политики и реализации принципов частно-государственного партнерства. Примером масштабной финансовой поддержки государством планов модернизации туристской инфраструктуры региона следует признать ряд проектов, реализуемых в Республике Крым и г. Севастополе в рамках Федеральной целевой программы до 2020 г. [4]. Конструктивной направленностью и детальностью проработки территориального раздела стратегического плана отличается Стратегия развития туризма в Турции до 2023 г.

С 2007 г. Причерноморье выступает полигоном для реализации инициатив по международному кооперированию в сфере туризма. В табл. 2 представлены ключевые проекты, касающиеся совместного решения актуальных проблем и реализованные в период с 2011 по 2015 гг. Среди них – проекты сертификации качества в агротуризме; развития культурных портов от Эгейского до Черного моря; содействия инновационному сельскому туризму; создания сети открытых приключенческих путешествий в Черноморском регионе; разработки стратегии совместного туристского маркетинга; создания трансграничной сети продвижения стандартов качества для культурного туризма и др. В 2007–2013 гг. работала совместная операционная программа «Бассейн Черного моря», в одном из проектов

которой («Туристские пути Черноморского региона») разрабатывалась система маршрутов, основанная на комбинировании ресурсов стран региона, использовании местных инициатив и традиционных продуктов [15]. Однако проблема кооперирования по-прежнему злободневна. Форум, посвященный региональным проблемам туризма, прошел в мае 2017 г. в Варне под красноречивым названием «Думая вместе. Черноморский регион: конфронтация или сотрудничество?» [18].

Таблица 2.

Инициативы по международному кооперированию в сфере туризма в Причерноморье в 2011–2015 гг.

Название проекта	Период	Участники
Tradition, Originality, Uniqueness and Richness for an Innovative Strategy for Tourism development in Black Sea Region (TOURIST)	2011–2013	Болгария, Румыния
OLKAS. From Aegean to the Black Sea. Medieval Ports in the Maritime Routes of the East	2012–2014	Болгария, Греция, Румыния, Турция, Украина
Quality Certification System in Agro-tourism (CerTour)	2013–2015	Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Украина
Cultural Ports from Aegean to the Black Sea (LIMEN)	2013–2015	Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Румыния, Турция, Украина
Promoting Innovative Rural Tourism in the Black Sea Basin Region (PIRT)	2013–2015	Армения, Болгария, Грузия, Турция
Black Sea Network for Sustainable Tourism – Strategies for joint tourism marketing and development in the Black Sea region (BS NTS)	2014–2015	Болгария, Грузия, Молдова, Турция, Украина
Tourism Paths of the Black Sea Region (BSB – TOUR)	2014–2015	Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Турция, Украина
Collaborative Networks of Multilevel Actors to advance quality standards for heritage tourism at Cross Border Level (ALECTOR)	2014–2015	Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Румыния, Турция, Украина
Development of Outdoor Adventure Tourism network in Black Sea Region (DOOA)	2014–2015	Болгария, Грузия, Молдова, Румыния, Турция

Составлено по: [15]

Новым вызовом для перспективного развития системы туризма Причерноморья является усиливающаяся опасность негативного воздействия

туризма на природную и культурную среду региона. К числу деструктивных последствий нерационального использования территории и акватории Черного моря в целях отдыха и туризма относятся:

- рост уровня урбанизации рекреационных зон и нарушения аутентичности в застройке курортов;
- ухудшение качества воздуха за счет автомобильных выбросов;
- ухудшение качества воды Черного моря в районах интенсивной навигации; истощение пляжных и бальнеогрязевых ресурсов;
- дигрессия лесов, замусоривание территорий и акваторий;
- угроза сохранению локальной социокультурной среды.

В регионе отсутствует единый реестр объектов рекреационного земле-, водо- и лесопользования и объектов природного и культурного наследия, не введена единая система мониторинга экологической ситуации в береговой зоне, не разработаны универсальные методики оценки качества курортных территорий и туристских зон.

Выводы

Причерноморье, обладая значительным и разнообразным рекреационным потенциалом, выступает перспективным районом мирового туристского движения, способным обеспечить поступательное социально-экономическое развитие государств региона. Вместе с тем нарастающая напряженность геополитической ситуации, разрушение межгосударственных связей и эскалация конфликтов, деградация традиционных укладов в природопользовании и социокультурном развитии в странах Причерноморья нуждается в реализации коллективных усилий по разработке стратегии устойчивого развития региона. Ее приоритетными направлениями в сфере туризма должны стать:

- признание туризма стратегическим направлением развития Причерноморья;
- создание кадастров природных и культурно-исторических ресурсов региона;
- гармонизация туристской политики стран Причерноморья в сфере туризма (стратегии, менеджмент, статистический учет);
- реализация в рамках кооперирования единых инфраструктурных проектов, например трансчерноморской автомагистрали;
- разработка туристских программ на основе совместного использования туристско-рекреационных ресурсов;
- разработка и реализация моделей экологизации туристского продукта;
- интеграция в сфере научных исследований и подготовки кадров для туризма;
- создание единого туристского портала стран Причерноморья.

Литература

1. Александрова А. Ю., Крутикова М. В. Геополитический фактор развития туризма // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования.

- Труды XII Международной научно-практической конференции. М. 25–26 апреля 2017 г. М.: Диалог культур. 2017. С. 146–159.
2. Ашуготоян С. Г. Развитие альтернативных видов туризма в целях диверсификации национального туристского продукта (на примере Турции) / Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Труды XII Международной научно-практической конференции. М. 25–26 апреля 2017 г. М.: Диалог культур. 2017. С. 159–162.
 3. Нездойминов С. Г. Туризм – стратегический фактор развития Черноморского региона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dspace.oneu.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/1569>.
 4. Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года». Постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г., № 790.
 5. Реутов В. Е., Вельгош Н. З. Влияние международного туризма на социально-экономическое развитие стран Причерноморья // Мировая экономика. 2015. № 6 (127) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsn.ru/files/pdf/201506/201506_178.pdf.
 6. Список Всемирного наследия ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_Всемирного_наследия_ЮНЕСКО.
 7. Статистика и динамика развития туристско-рекреационной системы региона: Краснодарский край: Монография / Под ред. Д. В. Максимова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, Просвещение-Юг. 2016. 184 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kubsu.ru/sites/default/files/faculty/monografiya_maksimov.pdf.
 8. Страчкова Н. В. АР Крым на рынке рекреационных услуг стран Причерноморья // Экономика и управление. 2005. № 1. С. 18–21.
 9. Шарафутдинов В. Н., Яковенко И. М., Позаченюк Е. А., Онищенко Е. В. Крым: новый вектор развития туризма в России. М.: ИНФРА-М. 2017. 364 с.
 10. Яковенко И. М., Воронина А. Б. Туристско-рекреационная деятельность в Крыму в условиях политических санкций Запада / Сборник работ Международной научной конференции «Геополитические процессы в современном евразийском пространстве». Баян-Лука. 2017. С. 343–355.
 11. Bulin D., Miru N., Gheorghe G. The Impact of Tourism Industry in the Economy. The case of Black Sea region countries // Horizons - Economics. Vol. 6. No. 2. PP. 74–79 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.orizonturi.ucdc.ro/arhiva/2014_khe_6_pdf/khe_vol_6_iss_274to79.pdf.
 12. Georgian Tourism in Figuras/ 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gnta.ge/wp-content/uploads/2016/06/2015-eng.pdf>.
 13. Golumbeanua M., Nenciuia M., Teohareva M., Stepanova K., Rubel O., Dyachenko A., Goriup N., Gilca A., Bilashvili K. Environmental Sustainable Tourism within Black Sea region // Journal of environmental protection and ecology. 2014. 15 (2). PP. 574–579 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/295594839>.
 14. MedCruise [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.medcruise.com>.
 15. Organization of the Black Sea Economic Cooperation. Report of the Meeting of the BSEC Working group on Cooperation in Tourism BSEC Headquarters, 21 November 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bsec-organization.org/aoc/Tourism/Reports/Report%20WGCT%20Nov%202016.pdf>.

16. Republic of Bulgaria. National Statistical Institute 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsi.bg/en/content/7067/annual-data>.
17. The Travel & Tourism Competitiveness Index 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2017>.
18. Thinking Together. The Black Sea Region: Confrontation or Cooperation? VARNA FORUM 2.0 (13–14 May 2017, Riviera Resort, Varna) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cpmr-balkan-blacksea.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/03/VF2-2017-Information-Note-20.04.pdf>.
19. Tourism in Romania 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.insse.ro/cms/en/content/romanian-tourism-%E2%80%94-statistical-abstract>.
20. Tourism Industry in Turkey [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fmconsulting.com/store/file/common/3b61c08c8ff1c4c070b1dccc0ad22244.pdf>.
21. Tourism on Turkey's Black Sea Coast: Interview with Dr. Gülçin Bilgin Turna [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.balkananalysis.com/turkey/2014/12/06/tourism-on-turkeys-black-sea-coast-interview-with-dr-gulcin-bilgin-turna/>.
22. Turkey's Black Sea region hotspot for Gulf Arab tourists [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/tourism/2016/06/15/turkeys-black-sea-region-hotspot-for-gulf-arab-tourists>.
23. UNWTO Tourism Highlights: 2017 Edition [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419029>.
24. World Travel & Tourism Council, 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wttc.org/economic-impact/country-analysis/country-reports/>.
25. Zefi D. Perspectives on Tourism in the Black Sea area // World Commerce review. December 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.worldcommercereview.com/publications/article_pdf/913.

Yakovenko I.

Tourism in the Black Sea Region: New Challenges

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Simferopol, Russian Federation
E-mail: yakovenko-tnu@ya.ru

Abstract. *The role of the Black Sea Region in the global tourist movement is considered in the article. The region, which includes six countries (Bulgaria, Georgia, Romania, Russian Federation, Turkey and Ukraine) with access to the Black Sea, has a significant and diverse recreational potential and is a perspective area of the world tourism movement. The total incoming tourist flow is estimated, according to 2016, at 90.9 million people. The dynamics of the number of tourists and foreign receipts over the past 16 years have had a positive trend in the most countries of the Black Sea Region, excepting Russia and Ukraine.*

At different stages of the recreational and geographical process, the role of individual factors increased or decreased. The availability of the resource potential of recreation and its spatial structure were of high importance at the stage of recreational development of the territory. Currently, the influence of the geopolitical factor and of some socio-economic determinants has increased many times, among which the tourism policy of states and the interests of major players in the tourism market, including hotel corporations and leading tour operators, are of great importance.

The geopolitical factor in the development of tourism and recreation in the Black Sea Region manifested itself in the destructive impact of political and economic sanctions of the West, following the entry of the Crimea into the Russian Federation. Under the influence of diplomatic relations between States, for example, between Russia and Turkey, the situation of the tourist market is changing. Domestic and international terrorism has a devastating effect on tourism.

The mass direction of the regional tourist product remains bathing and beach recreation. For the purpose of diversification cultural tourism, active types of mountain and sea tourism, ecological tourism are developing. Cruise tourism in the Black Sea Region is in a state of crisis. Innovative directions in the region are SPA-tourism, MICE-tourism, ethnographic tourism, gastronomic and wine tourism, golf tourism.

The trend of the recent years is the strengthening of the role of the state in the development, creation and promotion of the national tourist product. Since 2007, the Black Sea Region has been a testing ground for the implementation of international cooperation initiatives in the field of tourism. A new challenge for the future development of tourism system is the growing danger of the negative impact of tourism on the natural and cultural environment of the region.

Prospects for tourism development in the region are associated with the development of a collective strategy for sustainable development. The priorities are: creation of inventories of natural, cultural and historical resources of the region; harmonization of tourism policy in the Black Sea Region in the field of tourism (strategy, management, statistical accounting); implementation of common infrastructure projects, such as the TRANS-Black Sea motorway, within the framework of cooperation; development of tourist programs based on the joint use of tourist and recreational resources; development and implementation of models for the greening of the tourism product; integration in the field of research and training for tourism; creation of a common tourist portal of the Black Sea countries.

Keywords: *Black Sea Region, national tourist product, international cooperation in the field of tourism.*

References

1. Aleksandrova A. Ju., Krutikova M. V. Geopoliticheskij faktor razvitija turizma (The geopolitical factor of tourism development) / Turizm i rekreacija: fundamental'nye i prikladnye issledovanija. Trudy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M. 25-26 aprelja 2017 g. M.: Dialog kul'tur. 2017. S. 146-159. (in Russian).
2. Ashugotojan S. G. Razvitie al'ternativnyh vidov turizma v celjah diversifikacii nacional'nogo turistskogo produkta (na primere Turcii) (Development of alternative types of tourism in order to diversify the national tourism product (by the example of

- Turkey) / Turizm i rekreacija: fundamental'nye i prikladnye issledovanija. Trudy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M. 25-26 aprelja 2017 g. M.: Dialog kul'tur. 2017. S. 159-162. (in Russian).
3. Nezdjominov S. G. Turizm – strategicheskij faktor razvitija Chernomorskogo regiona (Tourism is a strategic factor in the development of the Black Sea region) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://dspace.oneu.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/1569>. (in Russian).
 4. Ob utverzhdenii federal'noj celevoj programmy «Social'no-jekonomicheskoe razvitie Respubliki Krym i g. Sevastopolja do 2020 goda (About the approval of the Federal target program “Social and economic development of the Republic of Crimea and Sevastopol till 2020”. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 avgusta 2014 g., №790. (in Russian).
 5. Reutov V. E., Vel'gosh N. Z. Vlijanie mezhdunarodnogo turizma na social'no-jekonomicheskoe razvitie stran Prichernomor'ja (The impact of international tourism on the socio - economic development of the Black Sea countries) // Mirovaja jekonomika. 2015. №6 (127) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://ecsn.ru/files/pdf/201506/201506_178.pdf. (in Russian).
 6. Spisok Vsemirnogo nasledija JuNESKO (The world heritage list of UNESCO) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_Vsemirnogo_nasledija_JuNESKO. (in Russian).
 7. Statistika i dinamika razvitija turistsko-rekreacionnoj sistemy regiona: Krasnodarskij kraj: Monografija (Statistics and dynamics of the tourist and recreational system of the region: Krasnodar region: Monograph) / Pod red. D.V. Maksimova. Krasnodar: Kuban. gos. un-t, Prosveshhenie-Jug. 2016. 184 s. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://kubsu.ru/sites/default/files/faculty/monografiya_maksimov.pdf. (in Russian).
 8. Strachkova N. V. AR Krym na rynke rekreacionnyh uslug stran Prichernomor'ja (AR Crimea in the recreational services market of the Black Sea region) // Jekonomika i upravlenie. 2005. №1. S. 18-21. (in Russian).
 9. Sharafutdinov V. N., Jakovenko I. M., Pozachenjuk E. A., Onishhenko E. V. Krym: novyj vektor razvitija turizma v Rossii (Crimea: a new vector of tourism development in Russia). M.: INFRA-M. 2017. 364 s. (in Russian).
 10. Jakovenko I. M., Voronina A. B. Turistsko-rekreacionnaja dejatel'nost' v Krymu v uslovijah politicheskikh sankcij Zapada (Tourist and recreational activities in the Crimea under the political sanctions of the West) / Sbornik rabot Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Geopoliticheskie processy v sovremennom evrazijskom prostranstve». Banja-Luka. 2017. S. 343-355. (in Russian).
 11. Bulin D., Miru N., Gheorghe G. The Impact of Tourism Industry in the Economy. The case of Black Sea region countries // Horizons - Economics. Vol. 6. No. 2. PP. 74–79 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.orizonturi.ucdc.ro/arhiva/2014_khe_6_pdf/khe_vol_6_iss_2_74to79.pdf.
 12. Georgian Tourism in Figuras/ 2016 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://gnta.ge/wp-content/uploads/2016/06/2015-eng.pdf>.
 13. Golumbeanu M., Nenciu M., Teohareva M., Stepanova K., Rubel O., Dyachenko A., Goriup N., Gilca A., Bilashvili K. Environmental Sustainable Tourism within

- Black Sea region // Journal of environmental protection and ecology. 2014. 15 (2). PP. 574-579 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.researchgate.net/publication/295594839>.
14. MedCruise [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.medcruise.com>.
 15. Organization of the Black Sea Economic Cooperation. Report of the Meeting of the BSEC Working group on Cooperation in Tourism BSEC Headquarters, 21 November 2016 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.bsec-organization.org/aoc/Tourism/Reports/Report%20WGCT%20Nov%202016.pdf>.
 16. Republic of Bulgaria. National Statistical Institute 2017 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.nsi.bg/en/content/7067/annual-data>.
 17. The Travel & Tourism Competitiveness Index 2017 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2017>.
 18. Thinking Together. The Black Sea Region: Confrontation or Cooperation? VARNA FORUM 2.0 (13 – 14 May 2017, Riviera Resort, Varna) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://cpmr-balkan-blacksea.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/03/VF2-2017-Information-Note-20.04.pdf>.
 19. Tourism in Romania 2016 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.insse.ro/cms/en/content/romanian-tourism-%E2%80%94-statistical-abstract>.
 20. Tourism Industry in Turkey [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.fmconsulting.com/store/file/common/3b61c08c8ff1c4c070b1dccc0ad22244.pdf>.
 21. Tourism on Turkey's Black Sea Coast: Interview with Dr. Gülçin Bilgin Turna [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.balkananalysis.com/turkey/2014/12/06/tourism-on-turkeys-black-sea-coast-interview-with-dr-gulcin-bilgin-turna/>.
 22. Turkey's Black Sea region hotspot for Gulf Arab tourists [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.dailysabah.com/tourism/2016/06/15/turkeys-black-sea-region-hotspot-for-gulf-arab-tourists>.
 23. UNWTO Tourism Highlights: 2017 Edition [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419029>.
 24. World Travel & Tourism Council, 2017 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.wttc.org/economic-impact/country-analysis/country-reports/>.
 25. Zefi D. Perspectives on Tourism in the Black Sea area // World Commerce review. December 2014 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.worldcommercereview.com/publications/article_pdf/91.

Поступила в редакцию 20.05.2018 г.

УДК 911.3:640.4

С. А. Гуров¹

В. В. Гавриленко²

Влияние геополитических изменений на территориальную систему гостиничного хозяйства Республики Крым

¹ ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь
e-mail: gurrov@mail.ru

² ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь
e-mail: gavrilenko0405@gmail.com

Аннотация. Проведён анализ основных показателей развития гостиничного хозяйства до и после вступления Крыма в состав РФ. Выявлены особенности в территориально-функциональной структуре гостиничного хозяйства. Раскрыты основные проблемы развития гостиничного хозяйства в Крыму.

Ключевые слова: гостиничное хозяйство, геополитика, гостиница, туризм, переходный период.

Введение

В настоящее время гостиничное хозяйство является одной из важнейших составляющих сферы услуг Республики Крым, основой материально-технической базы туристской деятельности. В условиях рыночных трансформаций ситуация в данном секторе туристского бизнеса в регионе довольно сложная – материально-техническая база устарела, а качество оказываемых услуг не соответствует уровню цен. Ситуация усугубилась вследствие влияния геополитического фактора (санкции). В связи с этим появилась необходимость поиска и разработки новых решений для повышения эффективности функционирования территориальной системы гостиничного хозяйства.

В научной литературе за последние годы появилось множество публикаций, в которых представлены результаты исследований гостиничного хозяйства. Среди прочих можно выделить монографию «Концепция развития туристско-рекреационного потенциала Крыма» под редакцией проф. Лайко М. Ю., в которой проанализированы инфраструктурные составляющие индустрии гостеприимства и туризма республики и предложены научно-методические основы модернизации этого сектора. Вопросам современного состояния гостиничного сектора, в частности процесса классификации, посвящена научная статья к. э. н. Стахно Н. Д. «Особенности формирования конкурентоспособности средств размещения в Республике Крым». Многие проблемы развития гостиничного бизнеса в Крыму рассмотрены в работах Дышлового И. Н., Василенко В. А., Сафиной С. С., Лимониной И. Г., Бельшевой Г. Г., Руденко К. В., Шаповаловой Е. О. В то же время, несмотря на разностороннюю освещенность проблем гостиничного хозяйства в трудах вышеназванных авторов, недостаточное внимание уделяется

изучению влияния геополитического фактора на территориальную структуру гостиничного бизнеса и рекомендациям по его комплексному развитию.

Цель – изучение влияния геополитических изменений на территориальную систему гостиничного хозяйства Республики Крым и поиск на основе проводимых исследований механизмов оптимизации развития гостиничного комплекса региона.

Материалы и методы

Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: ретроспективный, географический, сравнительный, классификации и типизации, статистический, картографический. Информационную базу исследования составили: материалы Федерального агентства по туризму; материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики (Крымстат); Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»; материалы научно-практических конференций по исходной проблематике; а также публикации в отечественной и зарубежной прессе научного и прикладного характера.

Результаты и обсуждение

Прежде чем перейти к рассмотрению территориальной системы гостиничного хозяйства Крыма, важно проследить динамику основных показателей туристской отрасли. Ведь именно туристский поток и число организованных туристов определяют количественные показатели развития коллективных средств размещения.

Рис. 1. Посещаемость Крымского региона в 2010–2017 гг., тыс. чел.
Составлено авторами по данным [11; 12]

Как видно из рисунка, туристский поток в 2014 году сократился по сравнению с 2013 на 2,1 млн человек и составил 64,4 % от уровня базового года. В последующие два года наблюдалась положительная динамика. Так, в 2015 году в Крыму отдохнули

4,6 млн человек, а в 2016 – более 5,5 млн человек [12; 19]. В 2017 году сокращение туристского потока было вызвано геополитическим фактором – улучшение политических отношений с Турцией привело к тому, что многие россияне предпочли Турцию Крыму.

Уменьшение турпотока в переходный период было вызвано прежде всего переориентацией транспортного сообщения, вызванного также геополитическим фактором. В 2014 году произошёл переход от приоритетного ранее железнодорожного транспорта к авиатранспорту и паромной переправе. Но и новые способы сообщения подверглись ряду ограничений. В апреле 2014 года Европейская организация по безопасности аэронавигации ввела запрет на осуществление международных полетов в Крым, в частности в Симферополь и Севастополь. В июле Украина официально объявила о том, что морские порты Евпатория, Керчь, Севастополь, Феодосия и Ялта закрыты для международного морского судоходства. Это означало, что любое судно, которое заходит в морские порты полуострова, делает это на свой страх и риск, и экипаж может столкнуться с серьезными санкциями, штрафами и даже тюремным заключением. Результатом воздушной и морской блокады Крыма стало кардинальное изменение позиций полуострова в системе международного туристского движения.

Помимо невыстроенной логистики, проблемными особенностями курортного сезона 2014 года были такие: образ небезопасной территории; информационная война; нестабильность работы средств размещения. Сформировав общее представление о развитии туристского комплекса Крыма после вхождения в состав Российской Федерации, более подробно следует рассмотреть ситуацию в гостиничном хозяйстве.

Таблица 1.

**Основные показатели деятельности коллективных средств размещения (КСР)
по полному кругу хозяйствующих субъектов в 2013–2015 гг.**

Показатель деятельности	Все КСР		
	2013	2014	2015
Число организаций, единиц, всего	1225	825	1149
В том числе:			
гостиницы и аналогичные средства размещения	762	358	550
специализированные средства размещения	463	467	599
Число мест, единиц	145518	86850	166823
Число ночевок, единиц	13718385	5083387	15748640
Среднее количество дней пребывания, дней	10,9	12,3	11
Численность размещенных лиц всего, человек	788175	489465	911515
Средняя стоимость 1 койко-дня	1141,6	1347,1	1751

Составлено по [12; 13; 14]

Данные таблицы 1 показывают отрицательную динамику по ряду показателей. Так, количество КСР сократилось на 400 единиц (-33 %). Более чувствительными к изменениям внешней среды оказались гостиницы и аналогичные средства размещения, их количество в 2014 году составило 47 % единиц от действующих в 2013 году. Следует отметить, что из 825 функционировало 540 объектов размещения. Такое положение дел обусловлено невозможностью работы в сезоне 2014 из-за отсутствия статуса юридического лица, отсутствия средств для открытия, наличия

необходимости проведения реконструкции номерного фонда и материально-технической базы, политических причин и т. д. До 2014 года количество средств размещения динамично увеличивалось прежде всего за счет роста мини-гостиниц, составляющих среди коллективных средств размещения основную долю, равную более 90 %. Такой рост числа коллективных средств размещения, принадлежащих физическим лицам, явился одним из основных факторов существенного снижения показателей в 2014 г. [7]. Увеличение среднего количества дней пребывания с 10,9 до 12,3 дней в 2014 году обусловлено первоочередным вводом в действие специализированных средств размещения. Ведь, как известно, для достижения лечебного эффекта длительность пребывания в санатории должна составлять не менее 21 дня.

Для сопоставления денежных показателей 2013–2015 годов целесообразно привести гривны и рубли к одной денежной единице – доллару США. Для этого были использованы среднегодовой курс гривны к доллару НБУ за 2013 год и среднегодовые курсы рубля ЦБ РФ последующих годов [19]. Получены следующие данные: в 2013 году курс доллара к гривне составил 7,9930, в 2014 году курс доллара к рублю составил 38,4667, в 2015 году курс доллара к рублю составил 61,2946.

Используя полученные котировки, мы рассчитали среднюю стоимость 1 койко-дня для каждого из анализируемых периодов, в том числе и в долларовом эквиваленте по курсу тех лет: средняя стоимость 1 койко-дня в 2013 году – 309,8 грн. (38,76 долл. США), в 2014 году – 1 374,1 руб. (35,72 долл. США), в 2015 году – 1751 руб. (28,57 долл. США).

Таким образом, несмотря на то, что в 2014 году средняя стоимость одного койко-дня составила 1374 руб., а в 2015 г. – 1751 руб., сложно говорить о реальном повышении цен. Ведь наблюдалась девальвация курса национальной валюты. А индекс потребительских цен на гостиничные услуги в 2014 году к индексу 2013 составил 136 %. В 2015 году по отношению к 2014 данный индекс был равен 135,7 %. [10]. Расчёты показывают, что стоимость 1 дня в КСР в долларах снизилась, что свидетельствует о привлекательной ценовой политике для зарубежных посетителей и росте цены для внутренних туристов. Но в настоящих условиях, ввиду санкций, значительный рост числа иностранных туристов невозможен.

Одним из важнейших показателей деятельности средств размещения является их загрузка на протяжении года. Переходный период привёл к сокращению заполняемости гостиничного фонда более чем в два раза. Средняя загрузка КСР за анализируемые период изменялась и в 2013 году составила 37,1 %, в 2014 году – 15,5 % а в 2015 – 25 %. В 2015 году в связи с вводом в действие гостиничных учреждений, не работавших в 2014 году, средний показатель загрузки гостиничных и аналогичных средств размещения увеличился вдвое. Среднегодовая заполняемость специализированных средств размещения выросла на 8 %.

Стоит отметить положительный результат реализации адресной программы обеспечения загрузки коллективных средств размещения Республики Крым и г. Севастополя в 2014 году.

Впервые за 23 года в IV квартале 2014 года работающие здравницы были заполнены на 100 %. Однако достижение данных показателей основано, прежде всего, на развитии внутреннего туризма.

Оценить качество гостиничного фонда и его соответствие международным стандартам позволяет структура гостиничного фонда по категориям звёздности. В

настоящее время гостиничная база Крыма имеет серьезный перевес в сторону КСР низкого класса. Такая ситуация обусловлена традиционной ориентацией на украинского туриста, который предпочитал бюджетный отдых. Гостиничный фонд Крыма представлен в основном гостиницами без категории и 3 звёзд. Такая ситуация обусловлена и нежеланием владельцев гостиниц класса 2–3 звезды проходить процедуру классификации, поскольку это влечёт определённые финансовые затраты.

Анализ статистической информации дает лишь общее представление о развитии гостиничного хозяйства. В силу особенностей налогового учета и желания значительной части владельцев мини-отелей уйти от налогообложения, данные о номерном фонде, вместимости средств размещения и стоимости размещения могут быть заниженными. Вступление Крыма в состав РФ имело неравномерный характер воздействия на разные гостиничные предприятия. Чтобы оценить влияние этого события на деятельность отдельных средств размещения, рассмотрим результаты исследования Иванова С., Иджиловой Е., Вебстера К. [17]. В анкетировании приняли участие 60 отелей, что обеспечило 33,71 % ответов, поэтому мнения респондентов можно считать репрезентативным для отрасли. Исследование опиралось на относительные процентные изменения в 2014 году по сравнению с 2013 годом.

Результаты показали ухудшение работы гостиниц в 2014 году по сравнению с 2013 годом. Уменьшилось число туристов, увеличились общие расходы и расходы на сотрудников, а также сократились доходы. Это было ожидаемо, учитывая сокращение турпотока из Украины и международные санкции. Воздействие было неоднородным в зависимости от категории средств размещения: в двухзвездочных гостиницах наблюдалось более значительное сокращение числа туристов (7,5 %), чем в гостиницах других категорий. Цены в отелях с количеством номеров более 100 увеличились в среднем на 6,88 %, в то время как цены в гостиницах с меньшим количеством номеров остались прежними или незначительно снизились. Принадлежность к цепи оказала существенное влияние на результаты деятельности. Сети отелей потеряли меньше украинских туристов (1,67 %), общее количество ночевков возросло на 2,78 %, ночевков туристов из Российской Федерации в частности на 1,11 % по сравнению с несетевыми гостиницами, что объясняется более эффективной деятельностью сетевых отелей и известным брендом.

Транспортная доступность Крыма оказалась наиболее влиятельным фактором для гостиничного бизнеса как по степени важности, так и по силе воздействия. По мнению отельеров этот фактор имел положительный эффект. Это можно объяснить введением дополнительных регулярных и чартерных рейсов в Крым из других аэропортов Российской Федерации и расширением аэропорта Симферополя. Международные санкции, по мнению владельцев гостиниц, оказались умеренно важными и имели нейтральный эффект, тогда как налоговый режим оказался более важным и имел положительный эффект. Девальвация рубля вызывала большее беспокойство у менеджеров двух- и трехзвездочных гостиниц, чем у четырех- и пятизвездочных, вероятно потому, что покупательная способность посетителей дорогих отелей выше и они менее чувствительны к росту цен, чем клиенты экономичных средств размещения.

Гостиницы заключили новые контракты с российскими партнерами, в то время как часть контрактов с украинскими были отменены. В целом переход на новую правовую систему отельеры оценили как очень плавный.

Результаты исследования отражают адаптируемость предприятий к изменениям политической и экономической среды. И показывают, что гостиничные учреждения, планируя свою деятельность, помимо подсектора, в котором работает фирма, должны учитывать и другие факторы (местоположение, размер, принадлежность к сети и т. д.).

Рассматривая территориальный аспект развития гостиничного хозяйства на этапе структурных преобразований экономики, важно отметить определяющее значение исторически сложившихся региональных диспропорций. Так, в Крыму несколько регионов традиционно концентрируют на своей территории несравненно большее количество гостиничных предприятий, нежели остальные. Неэластичность предложения гостиничных услуг определяет относительное постоянство в территориальной структуре. Чтобы проследить динамику и возможные изменения в территориальной структуре гостиничного хозяйства Крыма, рассмотрим количество КСР по регионам до переходного периода (2013 год) и спустя 3 года после (2016 год).

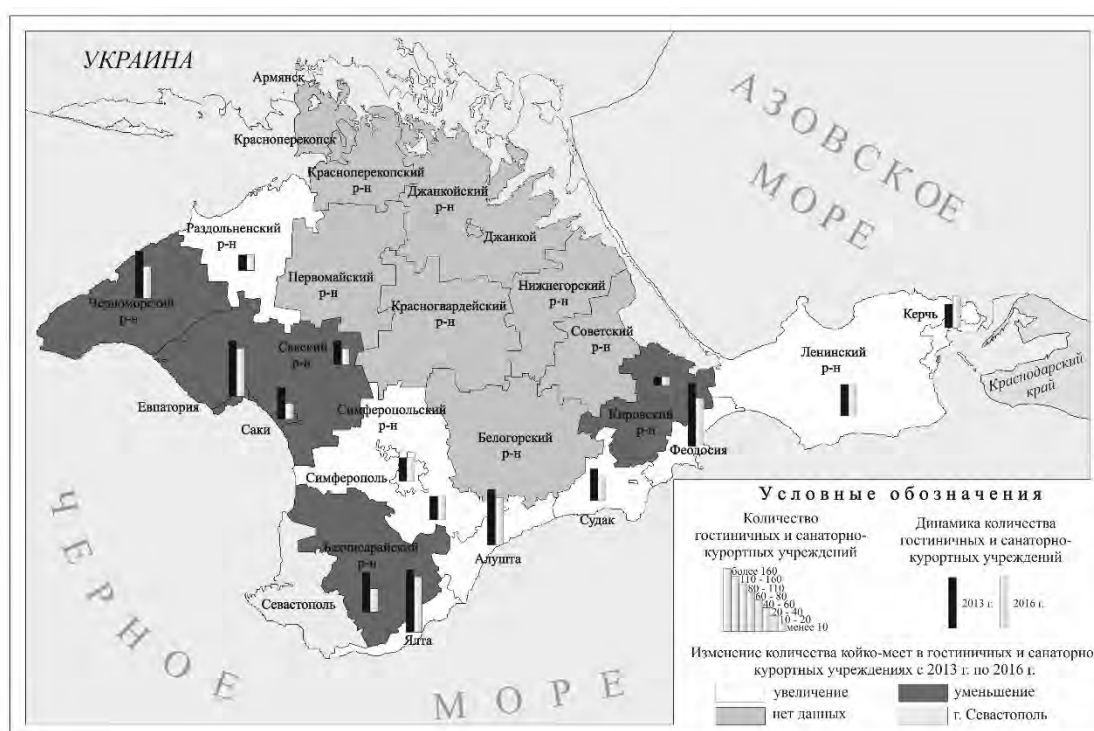

Рис. 2. Динамика территориальной структуры гостиничного фонда Республики Крым в 2013–2016 гг. *Составлено авторами*

Как видно из рисунка, территориальная структура туристско-рекреационного комплекса Крыма отличается неравномерным характером рекреационного освоения. По показателю количества КСР наблюдается отрицательная динамика практически для всех регионов. Рост числа объектов размещения зафиксирован лишь в Керчи и Раздольненском районе. Там количество КСР увеличилось на 2 и 3 учреждения соответственно. Вместе с тем коечный фонд по состоянию на 2016 год по ряду регионов демонстрирует положительную динамику по сравнению с 2016. Таким образом, на 2016 год по количеству санаторно-курортных и гостиничных учреждений традиционным лидером является Южный рекреационный район, где функционирует 262 КСР, с коечным фондом около 60 тысяч мест. ЮБК является наиболее

аттрактивным для отдыхающих регионом по ряду причин: живописный, пригодный для разнообразных типов рекреационной деятельности рельеф, комфортный климат, позиционирование района как зоны элитного отдыха [15]. Самая востребованная часть ЮБК – территория курортной агломерации Большая Ялта.

В Юго-Восточном Крыму насчитывается 134 КСР, которые способны принять около 22 тысяч человек. Перспективным проектом является строительство туристско-рекреационного комплекса «Межозерье». Реализация данного проекта даст возможность создать дополнительные рабочие места, а также укрепит статус Феодосии как курортного города [18].

В Восточном Крыму расположено 44 средства размещения с 4,5 тыс. койко-мест. Уровень актуализации рекреационного потенциала территории значительно ниже, чем на ЮБК. На Западный Крым приходится 141 КСР с 42 тысячами койко-мест. Степень актуализации ресурсов высока, что определяется наличием значительных гидроминеральных и пляжных рекреационных ресурсов, и, соответственно, лечебно-оздоровительной специализацией данного региона. [18].

В Северо-Западном Крыму находятся 59 КСР, которые способны разместить 7850 человек. Северо-Западный Крым охватывает территории Черноморского и Раздольненского районов Республики Крым. Рекреационно-ресурсный потенциал Тарханкутского полуострова весьма разнообразен, но здесь развитие гостиничного бизнеса сдерживается отставанием хозяйственной освоенности района, в том числе транспортной [16].

Центральный Крым располагает 103 КСР с суммарным коечным фондом почти 15 тысяч мест. Для района характерны резкие перемены в рекреационной освоенности территории – от густо застроенных участков побережья до практически безлюдных районов восточного предгорья Крымских гор. Наблюдается тенденция к формированию курортных поселений (Николаевка, Песчаное, Береговое) на территориях, ранее используемых неорганизованными туристами [2].

В функциональной структуре предприятий, предоставляющих услуги только по размещению, на долю гостиниц приходится почти 60 % учреждений, на долю домов и баз отдыха – чуть более 40 %, а кемпингов – 0,5 %. Оздоровительные услуги без лечения предоставляют 213 учреждений. В их структуре преобладают пансионаты – более 60 %; 35 % учреждений – детские оздоровительные лагеря; почти 4 % – спортивно-оздоровительные комплексы и 0,5 % – образовательно-оздоровительный центр «Артек». Учреждений, предоставляющих санаторно-курортное лечение, насчитывается 148 единиц. Территориальную структуру сети здравниц формирует, главным образом, Южный и Юго-восточный берег Крыма (более 80 % предприятий этого типа), Западный (почти 18 %), Восточный берег Крыма — около 1 % и глубинные территории — около 2 %. Санатории сосредоточены в основном на ЮБК и в Евпатории. Но если ЮБК специализирован на лечении взрослого населения, то курорт Евпатория — на лечении детей.

Для более чёткого понимания проблем гостиничного хозяйства рассмотрим факторы, оказывающие воздействие на данную отрасль. Так, В. В. Ливанов касательно гостиничной индустрии выделяет факторы внешней и внутренней среды. К первой группе он относит совокупность экономических, политических, специфических инвестиционных, социокультурных, демографических и информационно-технологических факторов. Среди факторов внутренней среды автор выделяет кадровое обеспечение индустрии гостеприимства [8].

В контексте геополитических трансформаций особое значение приобретают инфраструктурно-коммуникационный, политико-правовой, информационный и экономический факторы. В блоке инфраструктурно-коммуникационных факторов, прежде всего, следует выделить следующие проблемы:

1. проблема транспортной доступности Крымского региона наземным и воздушным транспортом, минуя территорию Украины. Помимо существующей проблемы низкой пропускной способности транспортных узлов и коммуникаций РК, важную роль играет воздушная блокада полуострова. Исходя из данных ограничений, транспортный комплекс полуострова был в состоянии принять не более 4 млн отдыхающих из РФ в «сезон», на период до 2018 г., т. е. до завершения основных мероприятий по развитию транспортного комплекса (строительство Керченского моста и федеральной трассы «Таврида»).

В политико-правовой сфере гостиничного хозяйства Крыма можно выделить следующие проблемы:

1. недостаточное развитие законодательства в сфере туризма региона, в том числе из-за геополитических изменений. Крымские средства размещения продолжают адаптироваться к российским стандартам качества;
2. программы поддержки малого бизнеса находятся на начальной стадии развития;
3. в стадии запуска находятся инфраструктурные проекты;
4. характерны частые проверки надзорными органами. Вместе с тем упростились процедуры регистрации и ликвидации малых предприятий;
5. высокая доля нелегализованного частного сектора в структуре туристских услуг Республики Крым. [6; 19].

Немаловажную роль играет экономический фактор. Ведь, как известно, реальный спрос на гостиничные услуги зависит от платёжеспособности туристов, которая формируется под влиянием экономической ситуации. Влиянием данного фактора вызваны такие проблемы:

1. снижение реального дохода населения, что провоцирует снижение спроса на туристские услуги. По данным Минэкономразвития РФ в 2016 году, из-за размера реальных располагаемых доходов около половины населения страны осталось в период отпусков дома [1];
2. санкционный режим для западных инвесторов. Несмотря на значительный потенциал, полуостров пока недостаточно привлекателен для инвесторов. Это вызвано невыгодными экономическими условиями для привлечения инвестиций в туристскую инфраструктуру и отсутствием готовых инвестиционных площадок и типовых инвестиционных проектов. Не сформирован механизм работы с зарубежными инвесторами. Кроме того, в Крыму не развита финансовая инфраструктура, не работают международные платежные системы [17]. Имеется проблема, связанная с уходом зарубежных гостиничных цепей с крымского рынка. Например, американская корпорация отелей Carlson Rezidor Hotel Group под влиянием санкций покинула крымский рынок и закрыла известный отель Radisson Resort & SPA Alushta.

В век научно-технических достижений сложно переоценить роль информационного фактора в реализации гостиничных услуг. Несмотря на динамичное развитие данной сферы, есть определённые проблемы [9]:

1. низкая осведомленность россиян и иностранных туристов о туристских возможностях Крыма, разрозненность информационных ресурсов в сфере гостиничного хозяйства и отсутствие единой системы информационной поддержки въездного и внутреннего туризма;

2. невыстроенная маркетинговая политика. Нет чёткого позиционирования республики на туристском рынке. Многими СМИ формируется образ небезопасной территории. [3].

Перечисленные проблемы показывают взаимосвязь между развитием гостиничного бизнеса и региона. Предприятия гостиничного хозяйства интенсивнее развиваются там, где стабильны экономическая и геополитическая ситуация, а также многообразна социально-культурная инфраструктура. Следовательно, для преодоления лимитирующих факторов развития гостиничное хозяйство Крыма нуждается в разработке и реализации комплекса мероприятий.

Выводы

Вхождение Крыма в состав РФ повлекло за собой в 2014 году сокращение турпотока на 35 %. Уменьшилось количество КСР в связи с отсутствием статуса юридического лица, вдвое снизился показатель загрузки и более чем в два раза сократилось число туристских учреждений детского отдыха и оздоровления. Благодаря действенной государственной политике удалось достичь и положительных результатов. Впервые за 23 года в IV квартале 2014 года работающие здравницы были заполнены на 100 %.

Результаты исследований зарубежных авторов показывают неравномерный характер воздействия переходного периода на развитие гостиничной индустрии. В целом эффективность деятельности гостиниц снизилась: сократились доходы, уменьшилось число туристов, выросли общие расходы и расходы на персонал. При это больший негативный эффект ощутили несетевые двух-, трехзвездочные гостиницы с номерным фондом менее 100 номеров. Аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении девальвации рубля, и потери деловых партнёров. Полярность двух рассмотренных подходов к изучению динамики развития гостиничного хозяйства указывает на необходимость более детального изучения отрасли с привлечением владельцев гостиничного бизнеса. А при планировании деятельности гостиничных предприятий нужно учитывать категорию, размер, принадлежность к сети и т. д.

Опыт последних лет показал, что развитие дестинации, даже в условиях международной информационной войны и создания для неблагоприятного имиджа, возможно при условии создания в регионе условий для отдыха самого высокого уровня. В сезоны 2014–2016 годов туристский интерес к Крыму возрос на фоне международной напряженности, в результате которой основные туристические направления (Египет и Турция) оказались закрыты для российских туристов. В 2017 году, когда стал доступен альтернативный вариант отдыха в Турции, ситуация ухудшилась. Поэтому чрезвычайно важно совершенствовать региональный рынок гостиничных услуг, что впоследствии позволит формировать более конкурентоспособную отрасль.

Литература

1. Гавриленко В. В., Гуров С. А. Развитие гостиничного хозяйства республики Крым в условиях социально-экономических трансформаций // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация. Материалы II Международной междисциплинарной научной конференции. Под общей редакцией А. Д. Петренко. Симферополь: ООО «Антиква», 2018. С. 255–258.
2. Гуров С. А., Гавриленко В. В. Территориальная структура сети коллективных средств размещения в Крыму // «Молодая Наука». Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. Научный редактор Н. Г. Гончарова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 148–149.
3. Дышловой И. Н. Состояние, проблемы и перспективы развития санаторно-курортной и туристской отрасли Республики Крым // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. № 1. С. 51–59.
4. Егорова Е. А. Статистическое исследование туристской отрасли в Республике Крым. М.: Изд-во «Русайнс», 2015. 316 с.
5. Колосова О. Ю., Вергун Т. В., Авраменко Ю. С. Региональные аспекты функционирования гостиничной индустрии // Материалы II Всеросс. науч.-практ. семинара. Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2015. 246 с.
6. Кравченко Н. А., Иванов С. И. Причины и условия роста уровня теневой экономики (на примере Крымского федерального округа) // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 165–168.
7. Кучмаева О. В., Махова О. А. Развитие туристской сферы в Республике Крым: проблемы и оценка // Статистика и экономика. 2015. № 6. С. 88–89.
8. Ларионов В. А. Адаптация транснациональных корпораций гостиничного бизнеса к институциональным условиям страны пребывания: дисс... канд. экон. наук: спец. 08.00.14. Ростов-на Дону: ФГБОУ ВПО «РИНХ», 2015. 107 с.
9. Любимова Л. А., Морева С. Н. Факторы и их влияние на развитие гостинично-ресторанного бизнеса // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №10. С.93–96.
10. Республика Крым. 2015: стат. ежегод. / под ред. Н. Н. Григорь, Н. А. Полонская, А. А. Мысков. Симферополь: Крымстат, 2016. С. 321–322.
11. Стахно Н. Д. Особенности формирования конкурентоспособности средств размещения в Республике Крым // Гуманитарий Юга России. 2017. № 1. С. 233–252.
12. Туризм и туристские ресурсы Республики Крым за 2015 год: стат. бюлл. / под ред. Н. А. Полонской. Симферополь: Крымстат, 2016. С. 38–104.
13. Туризм и туристские ресурсы Республики Крым за 2014 год: стат. сб./ под. ред. Н. А. Полонской. Симферополь: Крымстат, 2015. С. 27–78.
14. Туристская деятельность в Республике Крым в 2013 году: стат. бюлл. / под. ред. Н. А. Полонской. Симферополь: Крымстат, 2014. С. 41–51.
15. Туристско-рекреационный ресурсный потенциал Республики Крым и г. Севастополь / под. ред. Яковенко И. М. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. 408 с.
16. Яковенко И. М. Стратегическое видение развития туристско-рекреационного комплекса АР Крым // Экономика Крыма. 2010. № 3 (32). С. 11–13.

17. Ivanov S., Idzhylova K., Webster C. Impacts of the entry of the Autonomous Republic of Crimea into the Russian Federation on its tourism industry: An exploratory study // *Tourism Management*. 2016. Vol. 54. P. 162–169.
18. Исследование рынка рекреационной недвижимости Республики Крым [Электронный ресурс]. 2015. Режим доступа: <http://ocenkasig.ru/news-all/science/103-issledovanie-rynka-rekreatsionnoj-nedvizhimosti-respubliki-krym/#ixzz4fMeZJMue>.
19. О развитии туристской отрасли Республики Крым в 2016 году [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа: http://mtur.rk.gov.ru/file/o_razvitiy_turistskoy_otrasli_respubliki_krim_v_2016_godu.
20. Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно [Электронный ресурс]. 2017. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/currency/>.

S. A. Gurov¹
V.V. Gavrilenko²

The impact of geopolitical changes on the territorial system of the hotel industry of the Republic of Crimea

¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Simferopol, Russian Federation
e-mail: gurov@mail.ru

² V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Simferopol, Russian Federation
e-mail: gavrilenko0405@gmail.com

Abstract: *The analysis of the main indicators of development of the hotel industry before and after the entry of the Crimea into the Russian Federation. The features in the territorial and functional structure of the hotel industry are revealed. The main problems of development of hotel industry in the Crimea are revealed.*

Keywords: *hotel industry, geopolitics, hotel, tourism, transition period.*

References

1. Gavrilenko V. V., Gurov S. A. Razvitie gostinichnogo hozyajstva respubliky Krym v usloviyah social'no-ehkonomicheskikh transformacij // *Konvergentnye tekhnologii HKHI: variativnost', kombinatorika, kommunikaciya. Materialy II Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii. Pod obshchej redakciej A.D. Petrenko. Simferopol': «Antikva», 2018. P. 255-258. (in Russian)*
2. Gurov S. A., Gavrilenko V. V. Territorial'naya struktura seti kollektivnykh sredstv razmeshcheniya v Krymu // «Molodaya Nauka». Sbornik nauchnykh trudov nauchno-prakticheskoy konferencii dlya studentov i molodykh uchenykh. Nauchnyy redaktor N.G. Goncharova. Simferopol': IT «ARIAL», 2017. P. 148 – 149. (in Russian)
3. Dyshlovoj I. N. Sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya sanatorno-kurortnoj i turistskoj otrasli Respubliki Krym // *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 2015. №1. P.51-59. (in Russian)

4. Egorova E. A. Statisticheskoe issledovanie turistskoj otrasli v Respublike Krym. M.: Izd-vo «Rusajns», 2015. 316 p. (in Russian)
5. Kolosova O. YU., Vergun T. V., Avramenko YU. S. Regional'nye aspekty funkcionirovaniya gostinichnoj industrii // mat. II Vseross. nauch.-prakt. seminar. Stavropol': AGRUS Stavropol'skogo gos. agrarnogo un-ta, 2015. 246 p. (in Russian)
6. Kravchenko N. A., Ivanov S. I. Prichiny i usloviya rosta urovnya tenevoj ehkonomiki (na primere Krymskogo federal'nogo okruga) // Obshchestvo i pravo. 2015. №4 (54). P.165-168. (in Russian)
7. Kuchmaeva O. V., Mahova O. A. Razvitie turistskoj sfery v Respublike Krym: problemy i ocenka // Statistika i ehkonomika. 2015. №6. P.88-89. (in Russian)
8. Larionov V. A. Adaptaciya transnacional'nyh korporacij gostinichnogo biznesa k institucional'nym usloviyam strany prebyvaniya: dis. na soisk. uchyon. stepeni k. ehkon. nauk: spec. 08.00.14 mirovaya ehkonomika. Rostov-na Donu: FGBOU VPO «RINH», 2015. 107 p. (in Russian)
9. Lyubimova L. A., Moreva S. N. Faktory i ih vliyanie na razvitie gostinichno-restorannogo biznesa // Social'no-ehkonomicheskie yavleniya i processy. 2013. №10. P.93-96. (in Russian)
10. Respublika Krym. 2015: stat. ezhegod. / pod red. N. N. Grigor', N. A. Polonskaya, A. A. Myskov. Simferopol': Krymstat, 2016. P.321-322. (in Russian)
11. Stahno N. D. Osobennosti formirovaniya konkurentosposobnosti sredstv razmeshcheniya v Respublike Krym // Gumanitarij YUga Rossii. 2017. №1. P.233-252. (in Russian)
12. Turizm i turistskie resursy Respubliki Krym za 2015 god: stat. byull. / pod. red. N. A. Polonskoj. Simferopol': Krymstat, 2016. P.38-104. (in Russian)
13. Turizm i turistskie resursy Respubliki Krym za 2014 god: stat. sb. / pod. red. N. A. Polonskoj. Simferopol': Krymstat, 2015. P.27-78. (in Russian)
14. Turistskaya deyatel'nost' v Respublike Krym v 2013 godu: stat. byull. / pod. red. N. A. Polonskoj. Simferopol': Krymstat, 2014. P.41-11. (in Russian)
15. Turistsko-rekreacionnyj resursnyj potencial Respubliki Krym i g. Sevastopol' / pod. red. YAkovenko I.M. Simferopol': IT «ARIAL», 2015. 408 p. (in Russian)
16. YAkovenko I. M. Strategicheskoe videnie razvitiya turistsko-rekreacionnogo kompleksa AR Krym // EHkonomika Kryma. 2010. №3 (32). P. 11-13. (in Russian)
17. Ivanov S., Idzhylova K., Webster C. Impacts of the entry of the Autonomous Republic of Crimea into the Russian Federation on its tourism industry: An exploratory study // Tourism Management. 2016. Vol. 54. P. 162-169. (in Russian).
18. Issledovanie rynka rekreacionnoj nedvizhimosti Respubliki Krym [Electronic resource]. 2015. URL: <http://ocenkasig.ru/news-all/science/103-issledovanie-rynka-rekreatsionnoj-nedvizhimosti-respubliki-krym/#ixzz4fMeZJMue>
19. O razvitii turistskoj otrasli Respubliki Krym v 2016 godu [Electronic resource]. 2016 URL: http://mtur.rk.gov.ru/file/o_razvitii_turistskoy_otrasli_respubliki_krim_v_2016_godu. (in Russian)
20. Oficial'nye kursy valyut na zadannuyu datu, ustanavlivaemye ezhednevno [Electronic resource]. 2017. URL: <http://www.cbr.ru/currency/>. (in Russian)

Поступила в редакцию 26.05.2018 г.

УДК 338.48-31:167.1
Е. В. Логвина

Проблемы сезонности в туризме и пути их преодоления в условиях санкционной политики в Крыму

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь
e-mail: vivat.log.1474@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сезонности в условиях санкционной политики. Учитывая выявленные проблемы, касающиеся сезонности в туристской отрасли в Крыму, рассмотрены пути расширения рамок курортного сезона путем диверсификации видов туризма, стимулирования сферы туризма, переориентации на внутренний туризм, а также привлечения инвестиций с использованием механизмов государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: полуостров, политические и экономические санкции, сезонность, туризм, границы сезонности, туристский продукт, туристская отрасль Крыма, санкции, туристский сезон.

Введение

В условиях политических и экономических санкций в Крыму сократились туристские потоки въездных туристов из Европы и Азии, увеличились риски реализации совместных инвестиционных проектов индустрии гостеприимства.

Ответом туристского бизнеса полуострова будет решение одной из важнейших задач – расширение границ сезонности, что будет способствовать переориентации на внутренний туризм.

Главной особенностью туристического бизнеса является подверженность резким сезонным колебаниям спроса на туристский продукт.

Под сезонностью понимается устойчивая закономерность внутригодовой динамики определенных явлений, которые проявляются во внутригодовых повышениях или понижениях уровней показателей на протяжении ряда лет. Если рассматривать сезонность применительно к туристской индустрии – это устойчиво повторяющаяся, характерная для данного места цикличность туристической деятельности, связанная с изменением условий рекреации. С экономической точки зрения это повторяющиеся колебания спроса с чередующимися пиками и спадами.

На протяжении столетий в Крыму развивается туризм, являясь при этом приоритетной отраслью развития народного хозяйства Республики.

Сезонность в туризме оказывает большое влияние на рентабельность всех туристских предприятий, а также др. производств, ориентированных на обслуживание туристов (особенно это сказывается на предприятиях с высокой трудоемкостью и капиталоемкостью, а также на сфере услуг). Изучение сезонности в туризме позволяет не только выявить степень влияния природно-климатических условий на формирование потока туристов, установить продолжительность туристического сезона, а также определить экономические последствия сезонности на уровне региона и туристской фирмы и разработать комплекс мероприятий по снижению сезонной неравномерности в обслуживании туристов и т. п.

Проблема сезонности, цикличности в туризме прослеживается на протяжении столетий. Функционирование туристского рынка и связанных с ним предприятий туристской индустрии подвержено резким сезонным колебаниям спроса на туристский продукт.

Расширение границ туристского сезона оказывает влияние на эффективность работы в туризме:

- полная «занятость» населения ведет к сокращению безработицы;
- наиболее полное использование «основных фондов» других отраслей – транспорта, питания, коммунально-бытового хозяйства и др.;
- сглаживание сезонных колебаний ведет к более рациональному использованию природных ресурсов [1].

Материалы и методы

Крым в чрезвычайно непростой международной обстановке продолжает интеграцию в российскую государственную и экономическую систему [2].

В связи с геополитической обстановкой и введением санкций западными странами против Крыма произошло осознание новых реальностей и определение возможных изменений, а также возможностей им противостоять.

Как работает Крым в условиях санкций? За четыре года в российском Крыму реализованы масштабные проекты, направленные на обеспечение его устойчивого развития: строительство транспортного моста через Керченский пролив, трассы «Таврида», нового аэровокзального комплекса симферопольского аэропорта.

Повлияли ли санкции на развитие туристской отрасли Крыма?

Ответ такой: какие бы санкции не вводились, Крым всегда будет привлекать туристов природной красотой гармонично сочетающихся лесной, степной и горной зон, а также историко-культурным наследием.

Рассмотрим анализ следующих показателей. Так средства, поступившие от реализации туристского продукта в 2016 году, по сравнению с 2014 годом возросли в 6,2 раза (соответственно 2813972,5 тыс. руб. – 2016 г. и 454835,0 тыс. руб. – 2014 г.).

По итогам 2015 года Крым посетили 4,6 млн туристов, что на 21,0 % выше уровня 2014 года, а в 2016 году – 5,6 млн туристов (21,2 % выше уровня 2015 года).

Налоговые поступления в бюджет Крыма от туристской отрасли составили: в 2014 году – 1 млрд 697 млн руб.; в 2015 году – 2 млрд 055 млн руб.; и в 2016 году – 2 млрд 362 млн руб.

В 2015 году из общего количества туристов на ЮБК отдохнуло 59 %, на Восточном побережье 17 %, на Западном также 17 %, в других регионах – 6 %.

В 2016 году ЮБК – 46,5 %, на Восточном – 18 %, на Западном – 31 %, в других регионах – 4,5 %.

Предпочтения в 2016 туристами отдано ЮБК и Западному побережью.

В 2016 г. проведена работа по модернизации более 20 санаторно-курортных и гостиничных учреждений.

Таблица 1.

Анализ структуры туристских фирм по видам деятельности

Виды деятельности	2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%

Туроператорская деятельность	13	18,0	4	8,3	10	2,9
Туроператорская и турагентская	18	25,0	14	29,2	51	14,7
Турагентская	24	34,0	24	50,0	125	36,1
Экскурсионная	16	23,0	6	12,5	160	46,3
Всего, ед.	71	100	48	100	346	100

Составлено автором [3]

Из таблицы видим, что в 2016 году количество турфирм, занимающихся турагентской деятельностью, возросло до 125 единиц (в 2015 году данный показатель составил 24 единицы). А в структуре общего количества турфирм составило 36,1 %. Отметим, что экскурсионная деятельность в 2016 году осуществлялась 160 единицами, что в структуре – 46,3 % (в 2015 году – 6 единиц, или 12,5 %). Также отметим, что в 2016г. количество турфирм, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность, составило 51 единицу (2015 г. – 14 ед.).

Однако отметим, что наиболее сильное отрицательное воздействие на развитие туризма в Крыму оказывает такое явление, как сезонность.

Проблеме сезонности уделяли внимание отечественные ученые: Квартальнов В. А., Александрова А. Ю., Балабанов И. Т.

Балабанов И. Т. отмечает, что **сезонность** – это устойчивая закономерность внутригодовой динамики того или иного явления, которая проявляется во внутригодовых повышениях или понижениях уровней того или иного показателя на протяжении ряда лет.

Под **сезонностью** понимают устойчиво (из года в год) повторяющуюся, характерную для данного места цикличность туристской деятельности, связанную с изменением условий рекреации [4].

Сезонный туризм – это такие посещения туристских регионов, частота которых зависит от климатических условий региона и субъективных характеристик туристского объекта. [5]

Также можно отметить, что туристским сезоном называется время, в которое совершается максимальное количество поездок. А межсезоньем – период спада путешествий. Различают высокий, средний и низкий сезоны. Высокий сезон характеризуется условиями наиболее полноценного использования туристами туристских ресурсов. На сезонность того или иного вида туризма оказывают существенное влияние природно-климатические факторы, общенациональные и религиозные праздники, каникулы, массовые мероприятия.

Сезонные колебания – повышение или понижение уровня экономической активности, масштабов экономической деятельности вследствие смены сезонов. Сезонные колебания различны для отдельных видов и форм туризма. Продолжительность того или иного туристского сезона зависит от уровня развития туристского предложения. Сезонность в туризме обусловлена рядом объективных и субъективных факторов [6].

Сезонность в туризме характеризуется следующими признаками:

1. период максимальной интенсивности туристского потока называется главным туристским сезоном;
2. туристский регион, туристская фирма в зависимости от развития вида туризма могут иметь один или несколько туристских сезонов. Различают четыре

сезона по степени интенсивности туристских поездок: «**пик**» – период, наиболее благоприятный для организации рекреационной деятельности, характеризующийся максимальной плотностью туристов и наиболее комфортными условиями для рекреации; «**высокий**» – наибольшая деловая активность на туристском рынке, действие наиболее высоких тарифов на туристский продукт и услуги; «**низкий**» – сезон снижения деловой активности на туристском рынке, для которого характерны самые низкие цены на туристский продукт и услуги; «**мертвый**» – период, максимально неблагоприятный для организации рекреационной деятельности;

3. развитые в туристском отношении страны, регионы, центры, фирмы имеют более продолжительный главный туристский сезон, а интенсивность туристского потока не имеет ярко выраженной сезонной неравномерности, то есть значительные сезонные колебания характерны для невысокого уровня развития туристского предложения;

4. сезонные колебания в туризме различны для отдельных видов туризма по времени.

Необходимо отметить факторы, оказывающие влияние на сезонность в туризме:

- природно-климатические – это сочетание уникальных рекреационных ресурсов для развития спортивного, оздоровительного, познавательного и других видов туризма;
- экономические – структура потребления товаров и услуг, формирование платежеспособности спроса посредством предложения;
- социальные – наличие свободного времени;
- демографические – дифференцированный спрос по половозрастному составу и другим признакам;
- психологические – традиции, мода, подражание;
- материально-технические – развитие сети размещения, питания, транспорта, культурно-оздоровительного обслуживания;
- технологические – комплексный подход в предоставлении качественных услуг.
- политическая обстановка и международное окружение [7].

В Крыму фактор сезонности проявляется внутригодовой климатической контрастностью. Поэтому туристская деятельность носит массовый характер в летний период (сухой и жаркий), а холодный период года (самый длинный из всех стран Средиземноморья) – это «мертвый» сезон. В летние месяцы наблюдается интенсивность туристских потоков и снижение их зимой и в межсезонье. Однако для тех, кто предпочитает зимние виды спорта, подходят и зимние месяцы.

Сглаживание сезонности является первоочередной задачей реорганизации туристской деятельности в Крыму.

Расширение границ сезонности имеет две цели: экологическую и экономическую. Экологическая цель: частичное сглаживание сезонных колебаний численности туристов позволит уменьшить нагрузку на ПТК, водные ресурсы и пр. в период массового отдыха. Экономическая цель: привлечение дополнительных денежных средств в сферу туристской деятельности, повышение экономической эффективности комплекса туристических предприятий, решение проблемы

занятости местного населения районов туристско-рекреационной деятельности в межсезонье.

Расширение границ курортного сезона необходимо для противостояния санкциям и стимулированию развития новых видов туризма.

Обратим внимание на виды туризма относительно сезонности:

1) подверженные сезонным колебаниям (оздоровительный и купально-пляжный туризм);

2) не подверженные сезонным колебаниям (культурно-познавательный туризм, конгрессный, фототуризм, событийный и т. д.).

На современном этапе развития туристской отрасли в Крымском регионе сезонные колебания туристских потоков создают экономические и организационные трудности для туристского обслуживания, что создает проблемы: в обслуживании туристов; в работе транспорта; организации питания; обеспечении жильем; проведении экскурсионной работы; несоответствие между туристским спросом и предложением.

В Крыму сезонность порождает серьезные проблемы и создает значительные трудности для развития туристской отрасли полуострова, а именно:

1. снижает рентабельность туристических предприятий;
2. эффективность использования основных фондов;
3. ухудшает обслуживание туристов в пик сезона;
4. способствует текучести кадров (вследствие недогрузки предприятий туризма в межсезонный период);

5. обострение противоречий между спросом на туруслуги и стабильным турпредложением;

6. стимулирование роста инвестиций в туротрасль и развитие инноваций.

Сезонность в туризме влияет на структуру занятости работников в туристской индустрии (значительный удельный вес неполной занятости; сезонные колебания объема занятости и трудовой нагрузки; низкий удельный вес квалифицированного персонала; ограниченные возможности профессионального роста).

Сезонность оказывает влияние на отдельные отрасли экономики, на окружающую среду и кадровый потенциал в сфере туризма.

В связи с сезонностью на туристских предприятиях значительно снижается экономическая эффективность капитальных вложений. Из этого следует стремление по возможности продлить период функционирования туристских предприятий, сводя к минимуму факторы сезонности. Не использованные на протяжении длительного периода фонды туристических предприятий заметно повышают цену туристских услуг. Единственный путь решения проблемы – сглаживание сезонности, а затем достижение по возможности более или менее равномерного использования их по временам года.

Результаты обсуждения

С проблемой сезонности перед туристскими организациями и учреждениями возникает необходимость выработки политики, направленной на уменьшение сезонных спадов.

Решить проблему можно с помощью различных путей преодоления сезонной контрастности:

1. введение сезонной дифференциации цен;
2. разработка и продвижение новых видов туристического продукта, не подверженных сезонным колебаниям (развитие конгрессного и событийного туризма, а также социального туризма для целевых групп);
3. привлечение туристов в межсезонье (мероприятия: ярмарки, национальные праздники и т. д.);
4. реклама новых видов туризма;
5. повышение уровня сервиса;
6. внедрение новейших научных разработок и достижений техники (информационные терминалы для туристов);
7. стимулирование программ обновления и реконструкции существующей туристской инфраструктуры.

Туристскому бизнесу Крыма необходимо уделять особое внимание формированию информационного поля через целевые информационные системы и компании, имеющие высокую репутацию на международном рынке. Постоянно практиковать выставки-презентации и другие мероприятия по формированию привлекательного имиджа (различных территорий рекреации).

Современный туристский продукт должен быть ориентирован не только на диверсификацию, но и на соответствие тенденциям развития туристских потребностей.

Для удовлетворения потребностей туристов место их назначения должно отвечать принципам формирования туристской стоимости, удобства и своевременности. Туристы как потребители сравнивают цены и преимущества мест назначения, а также оценивают время, усилия и ресурсы, которые необходимо потратить на возможное повышение уровня знаний и опыта, получение удовлетворения от развлечений и воспоминаний во время туристской поездки. При этом основные удобства включают время поездки туриста до места размещения, отсутствие языкового барьера, чистоту и санитарию, доступ к интересным местам и личные потребности (питание, медицинское обслуживание, коммуникации и т. д.) [8].

Продолжительность того или иного туристского сезона зависит от уровня развития туристского предложения.

Выводы

Рекреационно-туристский комплекс Крыма – это совокупность связанных между собой отраслей и предприятий, объединенных общей целью круглогодичного использования курортов полуострова в целях восстановительного лечения, медицинской реабилитации и оздоровления населения ближнего и дальнего зарубежья, а также создание конкурентоспособного туристского продукта на основе эффективного использования природных, лечебных, социально-культурных и производственно-экономических ресурсов региона.

Крымский рынок курортных и туристических услуг характеризуется достаточно высокими потенциальными возможностями, где имеется большое количество субъектов, предлагающих санаторно-курортные и туристические услуги, различные по качеству и стоимости.

Преодоление сезонности будет способствовать продвижению турпродукта как на внутренние, так и на международные рынки.

Санкции приводят к сокращению объемов туристских потоков и расходов в сфере туризма.

Задачей повышения устойчивости турбизнеса в условиях санкций является переход на «импортозамещение», т. е. переориентация туристского комплекса с выездного на внутренний туризм. Необходимо уделять большое внимание обновлению существующих турпродуктов и поиску новых ресурсов для туризма (создание заповедных и культурных территорий, выделение природных, ландшафтных ресурсов и т. д.). Удовлетворение растущих потребностей туристов требует от туристской индустрии высокого качества туристского продукта.

Принятие закона о введении обязательной классификации гостиниц и других средств размещения позволит повысить уровень сервиса, а также сделает соотношение «цена-качество» более доступным для потребителей, повысит доверие граждан к качеству отдыха.

Крым по своему геополитическому положению является привлекательным для инвестиций.

Сегодня инвестиции могут осуществляться только за счет внутренних источников, поэтому одним из способов развития туризма можно считать механизм государственно-частного партнерства. Турфирмы должны начать работу по формированию, совершенствованию и диверсификации туристских продуктов, связанных с различными программами внутреннего туризма. Эти программы будут иметь результат при условии формирования и модернизации гостиничной и транспортной инфраструктуры.

«Сочетание территориально-географического аспекта с культурно-историческими, этнонациональными, конфессиональными факторами» позволит справиться с сезонностью в туристском бизнесе и введенными санкциями на полуострове.

В управлении туризмом за последние годы внедряются новые технологии, такие как туристские кластеры, обеспечивающие функционирование туристской деятельности на определенной территории. Изменения в управлении туризмом приводят к качественным изменениям в процессах туристской отрасли, а именно форматированию туристских услуг и появлению сетевых продуктов.

С 2015 года в рамках ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» осуществляется финансирование создания на территории республики туристско-рекреационных кластеров (предусмотрено 5 туристско-рекреационных кластеров). Данные кластеры будут создаваться до 2020 года – общий объем финансирования кластеров из федерального бюджета составляет 23881,57 млн руб.

Расширению границ сезонности будет способствовать сотрудничество Крымского региона с регионами Российской Федерации в сфере развития туризма и межрегионального сотрудничества (использование историко-культурного и туристско-рекреационного потенциала регионов, в т. ч. зимой, проведение экскурсий и организация отдыха туристских групп, а также создание единой сети туристских маршрутов).

Введение санкций США и Евросоюзом против граждан, бизнесменов и компаний не повлияло на проведение в Крыму IV Ялтинского международного

экономического форума, участие в котором приняло 71 государство. «Самыми многочисленными из международных участников стали делегации Австрии и Германии», – отметил Сергей Аксенов.

Государственная политика в сфере развития туризма отражена ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)».

В ежегодном президентском послании Федеральному собранию Президент подчеркнул, «что в мире накоплен колоссальный технологический потенциал, скорость прогресса увеличивается и от того, насколько эффективно мы сможем ответить на вызовы времени, зависит будущее страны... Нам нужно обеспечить такую созидательную мощь, такую динамику развития, чтобы никакие преграды не помешали нам уверенно, самостоятельно идти в перед. Это и есть наша общая задача в настоящий момент» [9].

Литература

1. Социально-культурный сервис и туризм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://revolution.allbest.ru>
2. Туризм в Крыму и внешнеполитический фактор дата: 26 мая 2017 журнал №: 60 рубрика: среда обитания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.menswork.ru/>
3. Статистический ежегодник Республики Крым. 2016. Симферополь, 2017. 380 с.
4. Балабанов И. Т., Балабанов А. И. Экономика туризма: Учеб. Пособие. М.: Финансы и статистика, 1999. 176 с.
5. Александрова А. Ю. Международный туризм [Учебник]. М.: Аспект Пресс, 2002. 286 с.
6. Сезонные колебания [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://dic.academic.ru>.
7. Бабкин А. В. Эволюция туризма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tourlib.net/books_tourism.
8. Сенин В. С. Организация международного туризма: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2010. 400 с.
9. Филиппов Н. Путин наше будущее. Газета «Крымская Правда» № 37 (26780) от 02.03.2018г.)

Logvina E.

Seasonality problems in tourism and the way of her overcoming in the conditions of sanctions policy in the Crimea

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Simferopol, Russian Federation
e-mail: vivat.log.1474@mail.ru

Annotation. In article seasonality problems in the conditions of sanctions policy are considered. Considering the revealed problems concerning seasonality in tourist branch in the Crimea ways of expansion of a framework of a resort season by

diversification of types of tourism, stimulation of the sphere of tourism, reorientation to internal tourism and also attraction of investments with use of mechanisms of public-private partnership are considered.

Keywords. *peninsula, political and economic sanctions, seasonality, tourism, limits of seasonality, tourist product, tourist branch of the Crimea, sanction, tourist season.*

References

1. Social'no-kul'turnyj servis i turizm, [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://revolution.allbest.ru> (in Russian)
2. Turizm v Krymu i vneshnepoliticheskij faktor data: 26 maja 2017 zhurnal №: 60 rubrika: sreda obitanija [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.menswork.ru/>. (in Russian)
3. Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Krym. 2016, Simferopol' 2017g. 380s. (in Russian)
4. Balabanov I. T., Balabanov A. I. Jekonomika turizma: Ucheb. Posobie. M.: Finansy i statistika, 1999. 176 s. (in Russian)
5. Aleksandrova A. Ju. Mezhdunarodnyj turizm Uchebnik. M.: Aspekt Press, 2002. (in Russian)
6. Sezonnye kolebanija [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa <http://dic.academic.ru>
7. Babkin A. V. /A. V. Babkin. Jevoljucija turizma. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://tourlib.net/books_tourism. (in Russian)
8. Senin V. S. Organizacija mezhdunarodnogo turizma: ucheb. – 2-e izd., pererab. i dop. M.: Finansy i statistika, 2010. 400 s. (in Russian)
9. Filippov N. Putin nashe budushhee. Gazeta «Krymskaja Pravda» № 37 (26780) ot 02.03.2018g.). (in Russian)

Поступила в редакцию 10.05.2018г.

УДК 911.3

С. С. Лачининский^{1,2}

**Оценка влияния программ
приграничного сотрудничества на
экономическую безопасность регионов
Западного порубежья России¹**

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

² Институт проблем региональной экономики РАН,
г. Санкт-Петербург
e-mail: lachininsky@gmail.com

Аннотация. В работе проведена оценка влияния программ приграничного сотрудничества и трансграничных проектов на экономическую безопасность регионов Западного порубежья России (город Санкт-Петербург, Ленинградская область, Мурманская область и Карелия) в период геополитической турбулентности, рассматриваемой в период с 2014 по 2018 гг. Были проанализированы существующие программы приграничного сотрудничества между Россией и странами ЕС до 2020 г. и опыт реализации трансграничных проектов. Внешнеэкономические связи пяти регионов Западного порубежья России с Эстонией, Латвией, Финляндией и Норвегией рассматриваются через призму таможенной статистики 2013–2017 гг.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, трансграничные проекты, Западное порубежье, Россия, экономическая безопасность, геополитическая турбулентность

Введение

Симонян Р. Х. и Кочегарова Т. М. отмечают, что «глобализация не только снижает барьерную функцию государственных границ, но и активизирует трансграничные материальные, финансовые и человеческие потоки, что сопровождается формированием сетей неформального и формального взаимодействия между соседними приграничными регионами» [1].

Начиная с 1990-х гг. Российская Федерация активно участвует в программах приграничного сотрудничества со странами Европейского Союза. При этом именно регионы Западного порубежья страны наиболее глубоко встраиваются в разнообразные трансграничные проекты со своими ближайшими соседями – Латвией, Эстонией, Финляндией и Норвегией.

Отмечается [5–6], что «Россия принимает участие в программах приграничного сотрудничества, софинансируя проекты по направлению Interreg IVB по программам “Коларктик”, “Карелия”, “Юго-Восточная Финляндия / Россия”, “Эстония / Латвия / Россия”, “Польша / Литва / Россия” (60 проектов, включая 7 крупных инфраструктурных проектов, общим объемом финансирования 135 млн евро».

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности».

Среди программ приграничного сотрудничества России – ЕС на период до 2020 года следует выделить: «Коларктик» (Мурманская область, Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Республика Карелия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург с российской стороны и Финляндия, Швеция и Норвегия), Юго-Восточная Финляндия – Россия (г. Санкт-Петербург, Ленинградская область и Республика Карелия и Финляндия), «Карелия» (Республика Карелия, г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Мурманская и Архангельская области и Финляндия), Россия – Эстония (Ленинградская, Псковская области, г. Санкт-Петербург и Эстония), Россия – Латвия (Ленинградская и Псковская области, г. Санкт-Петербург и Латвия).

Подчеркнём, что приграничное и трансграничное сотрудничество приводит к укреплению доверия между странами соседями, способствует расширению гуманитарного сотрудничества, влияет на интенсификацию внешнеэкономических связей.

Так, С. В. Кузнецов и Н. М. Межевич [8] отмечают: «С открытием экономики внешнеэкономические связи стали для России инструментом поддержания относительного, хотя и весьма шаткого экономического равновесия. Поставки на внешний рынок помогали сдерживать падение производства, закупки за рубежом обеспечивали наполнение примерно половины потребительского рынка страны».

Кроме того, эти же авторы [8] указывают: «Трансграничная торговля неизбежно ведет к взаимному инвестированию. Происходит унификация местных рынков, которые перестают быть изолированными друг от друга благодаря устранению административных, технических или законодательных барьеров формирования жесткой экономической зависимости как долговременной тенденции структурной перестройки хозяйства».

Вместе с тем в период геополитической турбулентности (2014–2018 гг.) наблюдается глубокий кризис во взаимоотношениях России и стран Запада, в первую очередь государств – членов Европейского Союза. Наиболее драматично он отразился на внешнеэкономических связях и в реализации совместных трансграничных проектов.

В статье предпринята попытка оценить влияние программ приграничного сотрудничества и трансграничных проектов на экономическую безопасность регионов Западного порубежья России.

Материалы и методы

В Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года [9] отмечается, что под *экономической безопасностью* понимается *состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов РФ*.

Здесь необходимо пояснить, что, рассматривая национальную экономическую безопасность, нельзя игнорировать экономическую безопасность составных частей – регионов РФ, особенно находящихся на внешнем контуре РФ. В этой связи необходимо напомнить, что «социально-экономическая безопасность региона зависит от уровня самообеспеченности и самофинансирования региона,

развития его экономического потенциала (промышленного, трудового, природного, инвестиционного, инновационного, научного)» [10]. Эти авторы связывают понятие «экономическая безопасность региона» и «экономическая устойчивость региона», где последняя опирается на экономический комплекс региона и способность поддерживать непрерывное расширенное воспроизводство товаров и услуг, с соответствующим стабильным увеличением производства продукции и экономических показателей.

Некоторые исследователи [11–12] полагают, что «экономическую безопасность» необходимо увязывать с понятием конкурентоспособности.

П. Я. Бакланов также трактует экономическую безопасность как фактор, условие, элемент устойчивого развития. Он считает, что экономическая безопасность представляет собой внутреннюю «способность, наличие собственного внутреннего потенциала у страны или региона для длительного безопасного и даже устойчивого, эффективного функционирования и развития», т. е. рассматривает ее в качестве более узкого понятия, составляющего более широкий термин – «устойчивость развития» [13].

22 октября 2016 года в Юрмале состоялась международная конференция «Балтийского форума» – «Россия – Европейский союз: вызовы взаимозависимости и формирование новой повестки» [14], где в качестве сфер для «избирательного взаимодействия» (*selective engagement*) с Россией в Глобальной стратегии ЕС² названы: вопросы климата, Арктика, безопасность на море, образование, научные исследования и приграничное сотрудничество.

Можно предположить, что именно через образование, научные исследования и приграничное сотрудничество будет осуществляться так называемая «мягкая сила» Европейского Союза по отношению к сопредельным регионам Западного побережья России.

Для анализа влияния программ приграничного сотрудничества и трансграничных проектов на экономическую безопасность регионов Западного побережья России (город Санкт-Петербург, Ленинградская область, Мурманская область и Карелия) в период геополитической турбулентности, в период с 2014 по 2018 гг., были рассмотрены действующие программы приграничного сотрудничества России и ЕС на период с 2014–2020 гг. (таблица 1).

Таблица 1.

**Программы приграничного сотрудничества Россия – ЕС
на период 2014–2020 гг. [1]**

Программы	Страны-участники	Регион присутствия	Подтвержденное финансирование со стороны ЕС	Подтвержденное финансирование со стороны РФ
Коларктик	Россия, Норвегия, Швеция, Финляндия	Мурманская область, Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Республика	24 718 090	12 359 045

² Одобрение Европейским советом в конце июня 2016 г. проекта «Глобальной стратегии» стало ответом Брюсселя на новые, нетрадиционные вызовы в области внешней политики и безопасности – «терроризм, гибридные угрозы, изменение климата, экономическую нестабильность, угрозы в сфере энергетической безопасности».

		Карелия, Ленинградская область и г. Санкт-Петербург		
Карелия	Россия, Финляндия	Республика Карелия, г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Архангельская области	21 501 054	10 750 527
Россия – Юго- Восточная Финляндия	Россия, Финляндия	г. Санкт-Петербург, Ленинградская область и Республика Карелия.	36 146 782	18 073 391
Россия – Эстония	Россия, Эстония	Ленинградская и Псковская области, г. Санкт-Петербург	16 807 524	8 403 762
Россия – Латвия	Россия, Латвия	Ленинградская и Псковская области, г. Санкт-Петербург	15 875 028	7 937 514

Обращает на себя внимание тот факт, что программы имеют подтвержденное финансирование как со стороны ЕС, так и со стороны РФ.

В [14] отмечается: «Существенную роль играют совместные проекты в различных областях, которые призваны содействовать формированию механизмов долгосрочного сотрудничества. В нынешней непростой обстановке это сотрудничество приобретает особое значение для позитивных подвижек в регионе, и не стоит забывать о процессах его институционализации и о создании устойчивых сетевых структур». Здесь можно привести некоторые вполне говорящие за себя цифры.

«В странах Балтии из общей численности населения 7 млн русские составляют 1,5 млн, а русскоязычные – 1,8 млн чел. С каждым годом увеличивается количество русских в Швеции и Норвегии. В норвежском Киркинесе названия улиц и реклама даются на двух языках: норвежском и русском. Растет русская диаспора в Финляндии. Если в 1992 г. там проживало 3 448 русских, то в 2012 г. – 58 350 чел. – это только те, кто имеет вид на жительство» [1]. Данный фактор может оказать долгосрочный смягчающий эффект и способствовать интенсификации приграничного сотрудничества приграничных регионов через построение сетевых структур межличностного и межнационального общения.

Обращает на себя внимание тот факт, что приграничное сотрудничество традиционно занимает особое место в общем диалоге Россия – ЕС, так как практически не подвержено влиянию политической конъюнктуры и сохраняет роль очень важного механизма интенсификации отношений России с ЕС и со странами Балтийского региона. Реализуемые на этом векторе взаимодействия цели и задачи ориентированы на решение конкретных, специфических для своего региона проблем, без претензий на быстрое преодоление политических противоречий. Возможно, именно поэтому это направление мало пострадало от последних геополитических сдвигов. Все региональные программы сотрудничества с Россией по-прежнему работают, хотя ЕС и сократил финансирование ряда проектов, включая программы научного и образовательного профиля.

Евросоюзом утверждены или согласованы новые программы приграничного сотрудничества на период 2014–2020 гг., а Россия ведет с ним переговоры по соглашению о финансировании и реализации этих программ. Недавно наша страна подписала заявление об участии в программе трансграничного сотрудничества

«Интррег. Регион Балтийского моря» на 2014–2020 гг. и приняла решение продолжить совместное финансирование «Северного измерения».

Вновь заработала межправительственная комиссия по приграничному сотрудничеству России и Финляндии. Приграничное и трансграничное сотрудничество имеет большое значение для России и ее соседей. Оно касается в том числе развития субъектов малого и среднего бизнеса, совершенствования транспортно-логистической и таможенной инфраструктуры, внедрения лучших практик в реализацию проектов Северо-Западного федерального округа, развития промышленной кооперации и поддержки кластерных инициатив.

В ближайшие годы Россия вместе с ЕС и правительствами европейских стран готовятся реализовать семь совместных программ, общий фонд которых составит 324,4 млн евро [16]. Опыт сотрудничества в приграничных регионах доказывает, что Россия и Европа могут эффективно работать вместе в самых разных направлениях – от строительства дорог до совместных театральных постановок на трех языках. В Госдуме РФ готовятся рассмотреть во втором чтении законопроект «Об основах приграничного сотрудничества в РФ». Предположительно, вопросы экономической безопасности регионов, участвующих в приграничном сотрудничестве, найдут отражение в новом законе.

Вместе с тем чрезмерная зависимость России и стран Балтийского региона существенно отражается на экономической безопасности страны в целом и продуцирует новые риски. Так, например, Латвия продолжает оставаться «тихой гаванью» для российских капиталов – более 53 % вкладов в латвийских банках принадлежат нерезидентам, 80 % из них приходятся на страны СНГ, прежде всего Россию [15]. В случае дальнейшего ухудшения отношений эти капиталы оказываются под угрозой.

Если оценивать вызовы и угрозы экономической безопасности регионов Западного порубежья РФ от программ приграничного сотрудничества и трансграничных проектов, то на основе [14] можно выделить *повышение конфликтного потенциала в зонах экономических интересов РФ, а также вблизи ее границ*³. Так, с 2017 года на территории Прибалтики размещаются: 6500 солдат и 1000 британских военнослужащих в Эстонии, 5500 солдат и 1000 канадских солдат в Латвии, 17000 солдат и 1000 немецких солдат в Литве, а также 100000 солдат и 1000 американских солдат в Польше. Кроме этого, в военных судах в акватории Балтийского моря будет постоянно служить около 5000 американских пехотинцев [17].

³ По данным западных СМИ, в Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Румынию и Болгарию в рамках натовского плана предполагается перебросить несколько подразделений численностью до тысячи военнослужащих каждое с ракетно-артиллерийским вооружением и поддержкой авиации. На территории государств Восточной Европы на ротационной основе в настоящее время размещено около 1,2 тысяч единиц боевой техники, в том числе 30 боевых самолетов, находятся свыше тысячи военнослужащих западноевропейских стран НАТО и США. В акваторию Черного и Балтийского морей регулярно заходят боевые корабли ВМС США и других стран альянса. Интенсивность мероприятий подготовки вооруженных сил стран НАТО, проводимых в непосредственной близости от российских границ, увеличилась вдвое.

Результаты и обсуждение

Прежде всего следует обратить внимание на сжимание внешнеэкономических связей рассматриваемых регионов Западного порубежья России в целом. Так, за период с 2013 по 2017 гг. наблюдается падение экспорта на 10,4 %, а импорта – на 34,5 % (табл. 2). При этом фиксируем значительное падение импорта по всем рассматриваемым регионам. Здесь стоит напомнить, что средневзвешенный курс евро за период с 2013 по 2017 гг. вырос с 44,97 до 68,87 рублей, то есть на 53,1 %. Средневзвешенный курс доллара США вырос с 32,73 до 57,60 рублей, то есть на 76 %.

Анализ внешней торговли регионов Западного порубежья в 2013–2017 гг. (таблица 2–5) показывает, что на фоне общего падения внешнеэкономических связей регионов Западного порубежья наблюдается снижение экспортно-импортных операций данных регионов со своими европейскими соседями. Так, экспорт в Эстонию по всей группе регионов снизился на 55 %, а у Санкт-Петербурга даже на 70 %. Меньше всего просел экспорт данных регионов в Финляндию – на 18 %, а в Норвегию даже немного увеличился – на 7 %. Вместе с тем весьма интересная картина наблюдается у Карелии, Псковской области и Ленинградской области. Здесь мы видим рост экспорта данных регионов как к соседям, так и третьим странам.

Таблица 2.

Внешняя торговля регионов Западного порубежья в 2013–2017 гг.

Регион	Внешняя торговля в 2013 году, млрд долл.		Внешняя торговля в 2015 году, млрд долл.		Внешняя торговля в 2017 году, млрд долл.		Прирост (падение)	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Санкт-Петербург	19,13	34,92	15,74	20,27	21,76	22,82	+13,7	-34,6
Ленинградская область	13,40	4,93	10,00	3,16	5,62	3,58	-58,0	-27,4
Псковская область	0,05	0,98	0,21	0,53	0,21	0,36	+320,0	-63,3
Карелия	1,05	0,21	0,69	0,15	1,06	0,24	+0,9	+14,3
Мурманская область	2,22	0,76	2,20	0,37	3,47	0,36	+56,3	-52,6
Итого по 5 регионам	35,85	41,80	28,84	24,48	32,12	27,36	-10,4	-34,5

Составлено по [18]

Таблица 3.

Внешняя торговля регионов Западного порубежья в 2013 г., в млн долл.

Регион	Эстония		Латвия		Финляндия		Норвегия	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Санкт-Петербург	1402,4	156,1	1111,5	65,6	1766,3	1800,3	26,6	623,7
Ленинградская область	174,4	36,9	18,1	13,2	578,6	378,2	36,2	13,2
Псковская область	12,9	20,4	9,4	114,9	1,2	9,2	0,8	2,2
Карелия	25,4	17,8	1,5	0	204,0	49,6	1,5	0,2

Оценка влияния программ приграничного сотрудничества на экономическую безопасность регионов Западного порубежья России

Мурманская область	0,2	2,3	0	0	28,0	286,6	141,9	96,0
По 5 регионам	1615,3	233,5	1140,5	193,7	2771,8	2523,9	207,0	735,3

Составлено по [18]

Таблица 4.

Внешняя торговля регионов Западного порубежья в 2017 г., в млн долл.

Регион	Эстония		Латвия		Финляндия		Норвегия	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Санкт-Петербург	420,3	90,5	453,0	37,6	367,8	1221,9	30,7	242,3
Ленинградская область	268,2	8,6	32,2	7,7	382,4	349,3	111,8	6,5
Псковская область	15,5	2,1	15,1	40,0	4,5	5,3	0,4	0,5
Карелия	23,8	21,9	2,6	0,3	260,3	65,0	0,0	0,0
Мурманская область	2,4	0,1	4,0	0,5	644,1	37,3	79,2	65,6
По 5 регионам	730,2	123,2	506,9	86,1	2252,1	1678,8	222,1	314,9

Составлено по [18]

Таблица 5.

Изменение внешней торговли регионов Западного порубежья с приграничными странами Европы в 2017 г., в %

Регион	Эстония		Латвия		Финляндия		Норвегия	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Санкт-Петербург	- 70,0	- 42,0	- 59,2	- 42,7	- 79,2	- 32,1	+ 15,4	- 61,1
Ленинградская область	+53,8	- 76,7	+77,9	- 41,7	- 33,9	- 7,6	+ 208,8	- 50,7
Псковская область	+20,1	- 89,7	+ 60,6	- 65,2	+ 275,0	- 42,4	- 50,0	- 77,3
Карелия	- 6,3	+23,0	+ 73,3	...	+ 1,1	+ 31,0	...	...
Мурманская область	...	- 95,6	...	...		- 87,0	- 44,2	- 31,7
По 5 регионам	- 54,8	- 47,2	- 55,5	- 55,5	- 18,7	- 33,5	+ 7,3	- 57,2

Составлено по [18]

Выводы

В ходе исследования влияния программ приграничного сотрудничества и трансграничных проектов на экономическую безопасность регионов Западного порубежья России (город Санкт-Петербург, Ленинградская область, Мурманская область и Карелия) в период геополитической турбулентности, рассматриваемой в период с 2014 по 2018 гг., было выявлено, что подобные программы практически не пострадали от санкционного противостояния 2014 года. Более того, в этих программах крайне заинтересованы как российская, так и европейская сторона.

Положительный и разнообразный опыт сотрудничества в приграничных регионах Западного порубежья показывает, что регионы России и Европы могут эффективно работать вместе в самых разных направлениях – от строительства дорог до совместных театральных постановок на трех языках.

Вместе с тем на фоне ухудшения геополитической ситуации и роста турбулентности в двухсторонних отношениях происходит *повышение конфликтного потенциала в зонах экономических интересов РФ, а также вблизи ее границ*. Именно эта угроза в наибольшей степени оказывает влияние на экономическую и другую безопасность рассматриваемых регионов. Кроме того, *ограничение доступа к иностранным (европейским) финансам и современным технологиям* может поставить под угрозу те экономические проекты, которые реализуются в приграничных областях. Предположительно, вопросы экономической безопасности регионов, участвующих в приграничном сотрудничестве, найдут отражение в новом законопроекте «Об основах приграничного сотрудничества в РФ».

Анализ таможенной статистики показал, что наблюдается сжатие внешнеэкономических связей рассматриваемых регионов Западного порубежья России в целом, что также сильно отражается на программах и проектах приграничного сотрудничества.

Литература

1. Симонян Р. Х., Кочегарова Т. М. Приграничное взаимодействие России и Евросоюза: тенденции и моделирование // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 41–49.
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/interreg_cooperation/cooperation_program/cooperation_new/.
3. Невская А. А. Динамика и перспективы торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России и Эстонии в условиях кризиса // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 50–66.
4. Продовольственное эмбарго РФ обошлось Эстонии в 150 млн евро. РИА Новости. 09.09.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140909/1023445906.html>.
5. Estonian company to launch battery processing plant in Russia // Estonian Investment Agency. 07.04.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.investinestonia.com/en/about-estonia/news/article/884-estonian-company-ecomet-invest-to-launch-battery-processing-plant-in-russia>.
6. Федоров Г. М. Приграничное положение как фактор стратегического и территориального планирования в российских регионах на Балтике // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 71–82.
7. Северо-Запад России в регионе Балтийского моря: проблемы и перспективы экономического взаимодействия и сотрудничества / ред. Я. Зауха, Л. Э. Лимонов, Н. Ю. Одинг [и др.]. Калининград, 2008. 302 с.
8. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Внешние вызовы как фактор формирования рациональной территориально-отраслевой структуры российской экономики // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 2–3 (51–52). С. 30–57.
9. Указ Президента РФ № 208 от 13.05.2017 года «О Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 года»

10. Kazakova N. A., Bolvachev A. I., Gendon A. L., Golubeva G. F. Monitoring Economic Security in the Region Based on Indicators of Sustainable Development // Studies on Russian Economic Development. 2016. Т. 27. № 6. Pp. 650–660.
11. Khairullov D. S., Saipullaev U. A. Management of Social and Economic Security of the Region // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol 5. No 12. P. Doi:10.5901/mjss. 2014.v5n12. Pp.177–188
12. Mingaleva Zh. A., Gerchanok G. A. Sustainable development in the region: innovation, competitiveness and economic security// Economy of Region. 2012. (3). С. 68–77.
13. Бакланов П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука, 2007. 239 с.
14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiya-i-evropeyskiy-soyuz-v-regione-baltiyskogo-morya/>.
15. Нерезиденты и «золотой век» латвийских банков. «The Baltic Course», 19 мая 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.baltic-course.com/rus/kruglij_stol/?doc=120918.
16. Объединяющие рубежи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eu.kommersant.ru/prigranichnoe-sotrudnichestvo.html>.
17. НАТО в Балтии: не одними батальонами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/features-37291992>.
18. Федеральная таможенная служба. Северо-Западное таможенное управление [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sztu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=section&id=59&Itemid=372.

Lachininskii S. S.^{1,2}

The Assessment of the impact of cross-border cooperation programmers on the economic security of the regions of the Russian Western contiguous

¹ St Petersburg University, Saint-Petersburg

² Institute of regional economy problems of RAS, Saint-Petersburg
e-mail: lachininsky@gmail.com

Abstract. *In this paper we evaluated the impact of programs of cross-border cooperation and cross-border projects on the economic security of the Western regions of contiguous Russia (Saint-Petersburg, Leningrad oblast, Murmansk oblast and Karelia) in the period of geopolitical turbulence, considered in the period from 2014 to 2018 was analysed existing cross-border cooperation program between Russia and the EU until 2020 and the experience of implementing cross-border projects. Foreign economic relations the five regions of the Western contiguous Russia, Estonia, Latvia, Finland, and Norway are examined through the prism of customs statistics 2013-2017*

Key words: *cross-border cooperation, cross-border projects, the Western borderline, Russia, economic security, geopolitical turbulence*

References

1. Simonyan R. H., Kochegarova T. M. Prigranichnoe vzaimodejstvie Rossii i Evrosoyuza: tendencii i modelirovanie // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2014. № 5. С. 41-49. (in Russian)
2. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ved.gov.ru/interreg_cooperation/cooperation_program/cooperation_new/. (in Russian)
3. Nevskaya A. A. Dinamika i perspektivy torgovo-ehkonomicheskogo i investicionnogo sotrudnichestva Rossii i EHstonii v usloviyah krizisa // Baltijskij region. 2015. №2 (24). S. 50-66. (in Russian)
4. Prodovol'stvennoe ehmbargo RF oboshlos' EHstonii v 150 mln evro. RIA Novosti. 09.09.2014. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://ria.ru/world/20140909/1023445906.html> (data obrashcheniya: 01.11.2014). (in Russian)
5. Estonian company to launch battery processing plant in Russia // Estonian Investment Agency. 07.04.2014. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.investinestonia.com/en/about-estonia/news/article/884-estonian-company-ecomet-invest-to-launch-battery-processing-plant-in-russia> (data obrashcheniya: 01.11.2014). (in English)
6. Fedorov G. M. Prigranichnoe polozhenie kak faktor strategicheskogo i territorial'nogo planirovaniya v rossijskih regionah na Baltike // Baltijskij region. 2014. №3 (21). S.71-82. (in Russian)
7. Severo-Zapad Rossii v regione Baltijskogo morya: problemy i perspektivy ehkonomicheskogo vzaimodejstviya i sotrudnichestva / red. YA. Zauha, L. EH. Limonov, N.YU. Oding [i dr.]. Kaliningrad, 2008. 302 s. (in Russian)
8. Kuznecov S. V., Mezhevich N. M. Vneshnie vyzovy kak faktor formirovaniya racional'noj territorial'no-otraslevoj struktury rossijskoj ehkonomiki // EHkonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya. 2016. №2-3 (51-52). S.30-57. (in Russian)
9. Ukaz Prezidenta RF № 208 ot 13.05.2017 goda «O Strategii ehkonomicheskoy bezopasnosti RF do 2030 goda». (in Russian)
10. Kazakova N. A., Bolvachev A. I., Gendon A. L., Golubeva G. F. Monitoring Economic Security in the Region Based on Indicators of Sustainable Development // Studies on Russian Economic Development. 2016. T. 27. № 6. pp. 650-660. (in English)
11. Khairullov D. S., Saipullaev U. A. Management of Social and Economic Security of the Region // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol 5. No 12. P. Doi:10.5901/mjss.2014.v5n12. pp.177-188. (in English)
12. Mingaleva Zh. A., Gerchanok G. A. Sustainable development in the region: innovation, competitiveness and economic security// Economy of Region. 2012. (3). S. 68-77. (in English)
13. Baklanov P. YA. Territorial'nye struktury hozyajstva v regional'nom upravlenii. M.: Nauka, 2007. 239 s. (in Russian)

14. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiya-i-evropeyskiy-soyuz-v-regione-baltiyskogo-morya/> (data obrashcheniya: 02.06.2018). (in Russian)
15. Nerezidenty i «zolotoj vek» latvijskih bankov. «The Baltic Course», 19 maya 2016 [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.baltic-course.com/rus/kruglij_stol/?doc=120918. (in Russian)
16. Ob"edinyayushchie rubezhi [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://eu.kommersant.ru/prigranichnoe-sotrudnichestvo.html>.
17. NATO v Baltii: ne odnimi batal'onami [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.bbc.com/russian/features-37291992>.
18. Federal'naya tamozhennaya sluzhba. Severo-Zapadnoe tamozhennoe upravlenie [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://sztu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=section&id=59&Itemid=372.

Поступила в редакцию 03.06.2018 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Андрей Владимирович	Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления факультета управления и психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар
Вольхин Денис Антонович	Ассистент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Воронин Игорь Николаевич	Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Гавриленко Виктория Викторовна	Магистр кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Гуров Сергей Александрович	Кандидат географических наук, доцент кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Лачининский Станислав Сергеевич	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета; Институт проблем региональной экономики РАН, г. Санкт-Петербург.
Логвина Елена Владимировна	Кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
Лукьяненко Екатерина Алексеевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь

Никифоров Андрей Ростиславович	Кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
Ожегова Людмила Александровна	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Сикач Ксения Юрьевна	Кандидат географических наук, ассистент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Страчкова Наталья Васильевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
Швец Александра Борисовна	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Яковлев Андрей Николаевич	Ассистент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ.....	3
Баранов А. В. ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО БАЛАНСА СИЛ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В УСЛОВИЯХ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ	5
Швец А. Б. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ВЫЗОВЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	19
Ожегова Л. А., Ожегов А. Ю., Эдириппулиге С. К. МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ШРИ-ЛАНКЕ: ОПЫТ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ ПРИЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА	30
Вольхин Д. А. КРЫМ В ФОКУСЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ ПРИЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА	40
Никифоров А. Р. ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН: ОПЫТ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИЗМЕРЕНИЙ	47
Ожегова Л. А., Сикач К. Ю. ОРГАНИЗОВАННАЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ	53
Яковлев А. Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ В КРЫМУ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ	63
РАЗДЕЛ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ.....	71
Воронин И. Н., Страчкова Н. В., Лукьяненко Е. А. ПОТЕНЦИАЛ СБЫТА РЕКРЕАЦИОННОГО ПРОДУКТА КРЫМА НА РЫНКЕ СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	73
Яковенко И. М. ТУРИЗМ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ	81
Гуров С. А., Гавриленко В. В. ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ СИСТЕМУ ГОСТИНИЧНОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ	96

Логвина Е. В. ПРОБЛЕМА СЕЗОННОСТИ В ТУРИЗМЕ И ПУТИ ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КРЫМУ	108
Лачининский С. С. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПРОГРАММ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ	117
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	128